

**Отраденское районное общество
историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца**

С.Н. МАЛАХОВ, С.Г. НЕМЧЕНКО

В ПОИСКАХ ПОСЛОВИЦ

Жизнь и век Сергея Даниловича Мастепанова

**Армавир - Отрадная
2013**

УДК 882
ББК 84(2Рос)
М 18

Рецензенты:

Лоба В.Е., кандидат юридических наук
(Армавирская государственная педагогическая академия)

Малахова А.С., кандидат исторических наук
(Армавирская государственная педагогическая академия)

Малахов С.Н., Немченко С.Г. В поисках пословиц.
Жизнь и век Сергея Даниловича Мастепанова [Текст] / С.Н.
Малахов, С.Г. Немченко. – Армавир - Отрадная: издатель Шу-
рыгин В.Е., 2013. - 214 с., ил.

В книге рассказывается о жизни и научном творчестве уроженца станицы Отрадной – учителя Сергея Даниловича Мастепанове (1913 – 2002), получившем всесоюзную известность в последней трети XX века благодаря своему необычному увлечению паремиологией (собрание и изучение пословиц и поговорок) и нелегкой судьбе узника ГУЛАГа. Ещё при жизни ученого-самоучки о нём не раз публиковались статьи и заметки в газетах, снимались документальные фильмы. Настоящий очерк – попытка воссоздать на основе материалов частично сохранившегося личного архива, переписки и воспоминаний С.Д. Мастепанова основные вехи его биографии на фоне исторических процессов XX века.

ISBN 978-5-91153-

*Издание осуществлено за счет средств
казака станицы Отрадной Сергея **Гариевича** Немченко*

*Фотографии на 4 странице и во вкладке использованы
из личного архива авторов*

Фотографии на обложке – В.Е. Шурыгин

© С.Н. Малахов, С.Г. Немченко, 2013.
© Оформление. ИП Шурыгин В.Е., 2013.

Содержание

Предисловие	7
В Индию за пословицами	10
Отрадная родина	13
Сын казака	20
Встречное движение	34
ТУР в Ежово-Черкесске	37
В болотах Ухтпечлага	43
Освобождение	52
Учитель немецкого	55
Вокруг пословиц	70
Комкор Тодорский	85
Фольклористы из средней школы	89
Историко-краеведческая деятельность	95
Газетная слава	108

Зримый образ	
121	
Несостоявшаяся поездка в Хельсинки	
124	
В книжной келье	
130	
Дело всей жизни	
139	
«Я умственно работаю только в холодное время...»	
183	
«Мемориал»	
187	
Послесловие	
202	
Опубликованные работы С.Д. Мастепанова	
207	
Литература о С.Д. Мастепанове	
209	

Пословицы ни обойти, ни объехать.

Русская народная поговорка

Утки летают стаями, а орлы в одиночку.

Фламандская поговорка

**“Я всей душой готов прилепиться к
бурно развертывающейся новой жизни,
я даже составная часть этой
жизни, но частичка, попавшая под
колесо истории и солидно покалеченная. Удастся мне
оправиться, найду ли я свое место в
жизни – трудно сказать. Это зависит
меньше всего от меня. А жить,
работать, творить и пользу приносить
жадно хочется”.**

Г.И. Поршнев, библиограф. 1935 год

Предисловие

Предлагаемый читателю очерк – скромная попытка на основе частично сохранившихся документов из личного архива Сергея Даниловича Мастепанова воссоздать биографическую канву жизни и деятельности сельского учителя на фоне исторических событий XX века в нашей стране. Очерка бы не было, если бы не привычка нашего героя тщательно подшивать любые документы и формировать из них «дела», сортируя по отдельным скоросшивателям личную переписку, переписку с научными и общественными организациями, фольклорные материалы и т.д. Правда, тщательный подбор прекращается с начала шестидесятых годов, но от этого периода дошли разрозненные письма, преимущественно адресатов Сергея Даниловича, переписка с редакциями журналов, зарубежными корреспондентами, советскими собирателями пословиц, поговорок, афоризмов, загадок и пр., которые позволяют раскрыть круг интересов и занятий в свободное время в общем-то рядового человека советского общества. Необычная увлечённость сельского учителя немецкого языка паремиологией и библиографией привлекла внимание общественности к его личности: о нем снимали фильмы, писали очерки и заметки. Такое внимание средств массовой информации в 70-е – 80-е к личности С.Д. Мастепанова не могло не повлиять на осмысление им самим своего места в жизни, в истории стран.

В 90-е годы Сергей Данилович вспоминает свои годы заточения в Ухтпечлаге, принимает активное и добровольное участие в деятельности общества «Мемориал», пытаясь воскресить в памяти всех «поименно». Жизнь Сергея Даниловича Мастепанова – яркая иллюстрация повседневной жизни и быта, мыслей, чаяний и надежд провинциальной российской интеллигенции, среднего звена отечественного учительства, в начале 30-х, второй половине 40-х – 90-х гг. XX века. На примере его судьбы можно увидеть, о чём меч-

тали, кем в реальности были и кем сумели стать, что испытывали, к чему пришли в итоге жизни миллионы наших соотечественников, родившихся накануне Великого Октября, если им всё же удалось выжить в России в первой половине двадцатого столетия.

Личность С.Д. Мастепанова необычна ещё и тем, что он был одним из немногих уроженцев Приурупья, кто самолюбвенно любил русскую речь и русское слово. Его стараниями были составлены сборники пословиц и поговорок, а также народного говора казачьего населения станицы Отрадной Отраденского района Краснодарского края. Работая учителем в Карачаево-Черкесии, он собирает фольклор карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев, казаков Верхней Кубани. Проявил себя Сергей Данилович как краевед-историк и археолог. Но главное его детище – составлявшаяся в течение десятилетий обширная библиография паремийно-логических изданий, публикаций, научных исследований на всех доступных языках мира. Эту работу он так и не завершил (впрочем, она и не могла быть завершена, пока существует книгопечатание, а люди употребляют пословицы в своей речи), большая часть этой, к сожалению, не востребованной картотеки передана на хранение в Архивный отдел администрации муниципального образования «Отраденский район» (ст. Отрадная).

Текст «жизнеописания» Сергея Даниловича, естественно, далеко не завершён, не полон, многие моменты личной и семейной жизни по понятным причинам опущены, нас интересовала, прежде всего, общественная и научная сторона его жизни и деятельности. К сожалению, у нас практически нет его писем, которые он отправлял своим корреспондентам, поэтому о многих сторонах его мировосприятия и работы мы судим косвенно, всматриваясь в зеркало чужих писем, тем не менее, и это дает материал для биографических реконструкций. Народная мудрость гласит: «Жизнь прожить, не поле перейти». Понять и разобраться, дойти до сути и смысла чужой жизни ещё сложнее... Поэтому и жиз-

неописание С.Д. Мастепанова открыто для дополнений, правок, воспоминаний и различного рода корректур. Авторы будут благодарны заинтересованным читателям, может быть, ученикам Учителя, которые поделятся памятным.

Работа была написана благодаря расположению и бескорыстной поддержке сына С.Д. Мастепанова – Николая Сергеевича Мастепанова, который передал многие документы семейного архива и библиографическую картотеку своего отца в Отраденский архив, позволил работать с частной перепиской, за что авторы выражают ему сердечную признательность.

Авторы благодарят начальника Архивного отдела Администрации муниципального образования Отраденский район В.А. Плотникову за возможность работать с неупорядоченными (в январе-феврале 2013 г.) документами из личного архива С.Д. Мастепанова.

Работа, возможно, и не состоялась бы, если бы «мастепановская тема» не актуализировалась в устных консультациях русского писателя Гария Леонтьевича Немченко (г. Москва) и краеведческих публикациях писателя Петра Ивановича Ткаченко (г. Москва), за что им – особая благодарность.

В Индию за пословицами

В январе 1978 года в редакцию одного из столичных журналов поступил очерк на конкурс, очерк был написан об Индии – её истории, культуре и народах. Текст сопровождался письмом, в котором автор немного рассказывал о себе и о том, зачем ему необходимо посетить эту страну.

«Я работал учителем в небольшой сельской школе, горном посёлке Карачаево-Черкесской автономной области, – писал автор. – В настоящее время нахожусь на пенсии, но связи со школой не теряю: очень часто выступаю перед учащимися школ нашей области, как экскурсовод возжу экскурсии школьников и студентов к замечательным памятникам истории и культуры нашей области, веду занятия в краеведческих кружках, являюсь членом районного, городского и областного отделений Общества охраны памятников истории и культуры. Частично о моей деятельности говорится в книгах и периодической печати, как на русском, так и на национальных языках – абазинском, карачаевском, ногайском и черкесском...»

Далее автор приводит точные выходные данные ряда газетных статей, посвященных ему, и сообщает главное – о теме, над которой он работает всю свою жизнь.

«Всё своё свободное от учительских и общественных работ время, – пишет автор очерка, – а также выходные дни и отпуск я целиком посвящаю литературно-краеведческой работе, в основном – паремиологии¹. В этой области народной мудрости за 35 лет мною собрана богатая коллекция афористического творчества народов мира, как в рукописном виде, так и в печатных публикациях, и самое главное – библиография афористической литературы.

¹ Паремиология (др.-греч. paroimía – притча, пословица, logos – слово, учение) – один из подразделов фразеологии (раздел современного языкознания), изучающий пословицы и поговорки, пословичные выражения, афоризмы, антипословицы, загадки, приметы и другие речения.

В моей картотеке насчитывается свыше 30 тысяч библиографических сведений о пословицах и поговорках народов мира. Это в три раза больше, чем в самой полной печатной библиографии пословичной литературы, изданной немецким учёным – доктором Отто Модем».

По материалам своей картотеки автор издал в финском международном паремиологическом бюллетене «Proverbium» несколько библиографических обзоров о собирании и публикации пословиц и поговорок народов Северного Кавказа (Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Калмыкии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии) и указывает (вновь, как и со статьями в газетах, чтобы не быть голословным!) все выходные данные своих научных статей. *«План моей дальнейшей работы в области паремиографии², – пишет он далее, – создание капитальной библиографии всей литературы о пословицах и поговорках народов мира, как в оригинале, так и в переводах на другие языки, исследовательских работ, рецензий на паремиологические работы, публикации и работы об известных паремиологах, словом – всей литературы о паремиологии».*

Даже рядовому человеку, не посвящённому в тонкости библиографического труда, было очевидно, что решение такой задачи могло быть под силу только большому научно-исследовательскому институту, укомплектованному штатными полиглотами – знатоками разных языков мира. А здесь о своих невероятных планах вполне серьёзно высказывался человек, живший в никому неведомой провинции и приближающийся, цифра – упрямая вещь, по данным совет-

² Паремиография (др.-греч. paroimía – притча, пословица, grapho – пишу, описываю) – собирание, запись и изучение пословиц и поговорок. Паремиография – древнейшая наука, ею занимался ещё древнегреческий философ Аристотель, средневековые учёные-эрудиты, в эпоху Возрождения – Эразм Роттердамский. В европейской паремиологии – паремиография является отдельной дисциплиной, занимающейся преимущественно сбором, хранением и обработкой материалов для исследования паремиологов. С.Д. Масепанов употребляет оба термина практически не делая между ними особого смыслового различия. В 50-е гг. XX в. его привлекала сравнительная (компаративная) паремиология, которая занимается изучением паремий (речений) в разных языках и культурах.

ской медико-демографической статистики, к последнему порогу земного бытия.

В заключительной части письма автор очерка объясняет, почему для него так необходима поездка в Индию. Путешествие крайне необходимо, чтобы завершить труд о мировой паремииграфии. Реальность своего существования и серьёзность намерений автор подкрепил «книгой и газетой», в которых говорилось о нем.

Подобные обращения и сочинения в те времена в редакциях не шли далее стола (а точнее – корзины для бумаг) заведующего отдела писем, и по ним, обычно, составлялся и отсылался стандартный ответ – «сочинение слабое в литературном отношении», «требуется доработки», «не соответствует профилю журнала», «редакция благодарит за внимание, но опубликовать не имеет возможности» и т.д. Редакционные отписки этот автор получал уже более двадцати лет, и, тем не менее, он не терял надежды, тщательно, каллиграфическим почерком несколько раз переписывал свой очерк в школьную тетрадь в косую линейку, затем отдал в машинопись, латинские буквы в названиях вписывал от руки, из обёрточной бумаги клеил конверт. Сочинение об Индии заняло почти весь месяц декабрь 1977 г., вся работа была завершена к 21 декабря. Впереди было Рождество Христово, наступление нового года – и, независимо от возраста и отношения к христианской традиции, от наступающего Нового года все ожидали свершения задуманного, исполнения самых, казалось бы, несбыточных желаний... Школьным учителем-пенсионером, упорно надеявшимся на Чудо, которое может всё-таки свершиться, даже в атеистической Советской Стране, был Сергей Данилович Мастепанов. Именно он, вослед за Афанасием Никитиным, спустя почти пятьсот лет после тверского путешественника, отправившегося в «полуденные страны», хотел ехать в Индию, но не за «красным товаром», а за... пословицами и поговорками! Так кто же этот неисправимый романтик?

Отрадная родина

Сергей Данилович Мастепанов родился в станице Отрадной Баталпашинского отдела Кубанской области. Место рождения, социальная среда, как и время, во многом определяют дальнейшую судьбу человека. Поэтому совершим небольшой экскурс в историю места рождения. Наиболее полное представление об истории станицы, её географическом положении, природе, занятиях, обычаях, семейно-брачных отношениях, религиозности местного казачьего населения даёт очерк, написанный в 1887 году учителем Отраденского мужского училища Д. Ивановым. Очерк был опубликован в 1888 г. в Тифлисе, в «Сборнике материалов для описания местностей и племён Кавказа» под названием – «Станица Отрадная Кубанской волости Баталпашинского уезда». Машинописная копия этого очерка хранилась и в архиве Сергея Даниловича. Краевед М.Н. Ложкин в 1992 г. переиздал этот очерк в виде отдельной брошюры, сопроводив предисловием и объяснением устаревших и малопонятных для современного читателя слов и понятий.

В предисловии он, в частности, отметил: «По сохранившимся документальным сведениям, станица Отрадная основана в 1857 году, а не в 1858 году, как сообщает Д. Иванов. Нет официальных сведений и о том, что ее первоначальное название – Усть-Тегинская, хотя допустимо предположение и о таком варианте. Намечалось поселить новую станицу на Урупе, в устье Б.Тегиня, но во время разлива река затопила ров, возведенного солдатами укрепления, и пришлось перенести строительство туда, где и находится теперь станица Отрадная. Кто её так интересно, значительно, предложил назвать, выяснить не удалось»³. Предположения местных краеведов о том, что этимология ойконима связана со словом *Отряд* > *Отрядная* > *Отрадная* – неверно. Название станицы относится к разряду *благопожелательных*, отра-

³ Ложкин М.Н. Предисловие // Иванов Д. Станица Отрадная Кубанской области Баталпашинского уезда / Сост. М.И. Ложкин. Отрадная, 1992. С.4.

жающих ценностные и ментальные установки казачьего населения, заселявшего в то время запустевшие земли Приурупья. Название *Отрадная* – это отражение мечты казачества о спокойной и мирной жизни. Оно стоит в одном ряду с такими ойконимами, как *Исправная*, *Надёжная*, *Удобная*, *Спокойная*, *Отрадо-Ольгинская* и др.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля отмечается, что *отрада* – «утеха, услада, утешенье, успокоенье, наслаждение; на чём и чему душу отводят, что покоем, услаждает, облегчает бремя, скорбь»; *отрадный* – «отраду доставляющий»; старинное выражение *отрадные люди* означало – «зажиточные, домовитые хозяева»⁴. Вновь образованная станица при впадении Б.Тегиня в Уруп была заселена примерно двумястами семьями казаков-хоперцев и другими переселенцами: из поселения Анапского, с Дона и Малороссии. Многие семьи формировались уже на месте расселения. Станица Отрадная становится военно-административным центром в Приурупье, в котором располагалась штаб-квартира 5-й Урупской бригады Кубанского войска.

. В конце 1875 года в Отрадной было 374 двора с населением 4166 человек: из них мужчин – 2403, женщин – 1763 чел.⁵ Превышение численности мужчин в половозрастной структуре населения станицы – следствие недавней Кавказской войны, завершившейся в 1864 г. К 1881 г. количество мужских и женских душ в составе казачьего населения станицы уравнилось. Общая численность казаков составляла 5467 душ обоего пола, иногороднего населения – 916 душ мужского пола и 784 – женского. Мужское казачье население станицы помолодело: в возрастных категориях от 0 до 20 лет (до момента создания своей семьи) оно насчитывало 743 чел., от 20 до 35 лет – 340 чел., от 35 до 42 лет – 82

⁴ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1981. С.749.

⁵ Статистический сборник. Отраденский район за 50 лет Советской власти (1917-1967 годы). Отрадная, 1967. С.6.

чел., от 42 до 50 лет – 56 чел., свыше 50 лет – 657 чел.⁶ Основное занятие населения – земледелие: выращивали озимый и яровой хлеб – овёс, просо, гречиху, ячмень; традиционные огородные культуры, картофель; разводили сады, пчёл; выращивали крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, в большом количестве заготавливали сено. Казаки охотно женились на иногородних девушках (за 1885 год число казаков, вступивших в брак с иногородними доходило до 28 %), но казачки за иногородних выходили крайне редко (в том же году – 5%). Развитие товарно-денежных отношений неуклонно подрывало традиционные устои замкнутого и отдалённого казачьего мирка на берегах Урупа.

К 1912 году население увеличилось за счёт внутреннего прироста и миграционных потоков, число дворов составляло 2171, населения насчитывалось 13412 чел.: мужчин – 7037 чел., женщин – 5586 чел., в том числе временно проживающих (сезонных рабочих) насчитывалось – 1565 чел.⁷

В ходе революционных событий 1917 года станица Отрадная становится большевистским центром в Баталпашинском отделе Кубанской области. Административный центр отдела перемещается в Отрадную, и в феврале 1918 года здесь состоялся I съезд Советов Отраденского (бывшего Баталпашинского) отдела. С конца 1917 года в Отрадной начинает работать комитет по распределению земли. В первую очередь иногородним крестьянам и малоимущим казакам были отданы земли крупных помещиков и скотоводов Стоялова, Мазаева и Макеева, располагавшиеся по правому берегу Урупа. От станицы Отрадной в июле 1918 г. на V Всероссийском съезде рабочих, крестьянских и казачьих депутатов, принявшем первую Конституцию РСФСР, среди двенадцати кубанских делегатов присутствовали и отраденцы: И.П. Пузырёв, организатор станичной большевист-

⁶ Иванов Д. Станица Отрадная Кубанской области Баталпашинского уезда /сост. М.Н. Ложкин. Отрадная, 1992. С.10 – 11.

⁷ Статистический сборник. Отраденский район за 50 лет Советской власти (1917-1967 годы). Отрадная, 1967. С. С.6-7.

ской ячейки, и бывший атаман Отрадной Т.А.Беседин. Начавшаяся Гражданская война временно приостановила процесс утверждения советской власти в Приурупье. Имущественное и социальное расслоение казачества привело к расколу в его среде на «белых» и «красных». Братоубийственная война прошла железной поступью и по урупским станицам. Отрадненцы ещё долгие годы ощущали на себе трагические последствия классовой розни. Бывший атаман станицы Безстрашной Никита Козлов, скрываясь в лесах отрадненского Предгорья, активно боролся с новой властью, поддерживаемый единомышленниками, вплоть до 1930 года. Однако с апреля 1920 г., несмотря на повстанческое движение «бело-зелёных», оппозиционно настроенных по отношению к большевистскому режиму, советская власть окончательно и бесповоротно возвращается на территорию Баталпашинского отдела. Постепенно, хотя и с большими трудностями, налаживалась мирная жизнь. Начавшаяся с 1921 г. «новая экономическая политика» вселяла надежды в казачество и крестьянство, что частная собственность, рыночные отношения пришли навсегда, а власть советов – подлинно «народная власть», отражающая интересы рабочих, крестьян и казаков.

Отрадненский район был выделен из Кубано-Черноморской области в 1924 году как самостоятельная административная единица. К 1925 году на территории района было уже 14116 дворов, 65 населенных пунктов с населением 75880 чел.⁸ Но едва экономика страны по своим внутренним показателям достигла уровня 1913 года, как правительство объявило о социалистической индустриализации, а затем и ликвидации крестьянина-собственника.

Политика сворачивания НЭПа и начало коллективизации было встречено неоднозначно, но народ был вынужден подчиняться указам власти. К 1 июня 1930 г. по Отрадненскому району уже насчитывалось 87 сельхозартелей, 25

⁸ Статистический сборник. Отрадненский район за 50 лет Советской власти (1917-1967 годы). Отрадная, 1967. С.6-7.

колхозов, 9 коммун, где трудилось 34331 человек. Политику советской власти «проводили в жизнь» 23 сельских Совета. Насильственная и принудительная коллективизация сопровождалась увеличением подворного обложения тех крестьян, которые были зажиточными и не спешили вступать в колхозы и коммуны. Политика экономического удушения самостоятельного крестьянства подстёгивалась и дисциплинарными мерами по отношению к тем представителям советской власти, которые не выполняли указания свыше, проявляли «мягкотелость» по отношению к «кулакам» и «подкулачникам» – фактически ещё не сформировавшемуся слою среднезажиточного трудового казачества и крестьянства. Так, только в одной Отрадной было раскулачено 76 «кулаков», большая часть которых были из «трудовиков». К августу 1930 г. на Кубани было раскулачено около миллиона человек. Многие из отраденцев пошли на «самораскулачивание», продав всё своё имущество, скот, инвентарь; они по своей воле переводили семьи в категорию бедных и нищих, или вообще покидали родной край в поисках лучшей доли в городах и за пределами Северного Кавказа, были даже попытки эмиграции из Страны Советов. Для дальнейшей «оптимизации» советского и колхозного строительства (а по сути, чтобы скрыть демографические потери от коллективизации и голода 1932 – 1933 гг.) в 1935 г. из Отраденского района были выделены два новых – Спокойненский и Удобненский. На 1 января 1939 года население района составляло 74900 человек.⁹ Урожайность озимой к 1914 г. составляла 11,6 центнеров с одного гектара, кукурузы на зерно – 17,4 ц и такая урожайность держалась до середины 50 – х гг.¹⁰ Показатели урожайности свидетельствуют, что значительного эффекта в увеличении зерновых с переходом к коллективным методам хозяйствования не произошло. Собранное зерно централизованно, по фиксированным ценам, изымалось из колхозов для нужд государ-

⁹ Там же. С.7.

¹⁰ Там же. С.30.

ства, а сами колхозники оказались на положении крепостных крестьян, община была заменена колхозной организацией; полуголодное и беспаспортное трудовое казачество и крестьянство не могло свободно покинуть «родной» колхоз с середины тридцатых до середины пятидесятих годов. Здание, где находилось правление колхоза часто в народе называли «белым домом», и не по аналогии с пресловутым американским Белым домом – the White House (о нем тогда и знать не знали), а по старой памяти, отложившейся в языке крестьян (иногородних), переселившихся на Кубань добровольно и принудительно с начала XIX века – так всегда называли помещичий дом с колоннами и фронтоном, стоящий на горе, в центре поместных владений. Крепостное право было выгодно не только Российской империи, но и советской, которая для создания своей экономической и военной мощи активно использовала несвободный, подневольный и дешёвый труд народа.

Социалистическая индустриализация мало повлияла на формы традиционного хозяйствования – в 1938 г. в Отраденском районе насчитывалось всего 32 предприятия и 743 рабочих. Сельскохозяйственной техники было мало, её катастрофически не хватало; по-прежнему вспашку и обработку земли вели с помощью лошадей, быков и даже коров в осенне-весенний период, а за использование техники надо было платить МТС.

После кратковременной немецкой оккупации с августа 1942 по 22 января 1943 г. колхозные «язвы» ещё более обострились: тягловой силой весной 1943 года было обработано более 60% пахотной земли в районе, а с помощью техники – менее 40 %. И хотя весенний сев в Отраденском, Спокойненском и Удобненском районах был выполнен на 105 – 107 %, урожайность оказалась крайне низкой и составила 1 – 3 центнера с гектара¹¹.

¹¹ Радичко Л.В. Районная пресса о всенародном патриотизме тружеников села в послевоенные годы // Патриотизм отраденцев в годы войны и первую послевоен-

После того, как в проявивших своеволие южных регионах СССР был организован советской властью «царь-голод» и возникла реальная угроза распада ещё не сформировавшегося колхозного строя, сталинская власть слегка «одумалась», даже покритиковала себя за «головокружение от успехов», и с нового урожая 1933 года стала в среднем выдавать на трудодень вместо 1,4 кг зерна (в 1932 г.) в два с половиной раза больше – по 3,5 кг на трудодень. В августе 1933 г. вышло постановление о ликвидации «бескоровности» колхозников, которое позволило уже к концу второй пятилетки обзавестись коровами почти 90% жителям сельской местности – колхозникам, рабочим, служащим¹². Нормы начисления зерна на трудодни не всегда выдерживались. Уроженец станицы Подгорной Николай Николаевич Илющенко вспоминает о второй половине тридцатых годов: «...Жизнь простых колхозников улучшилась не сильно: заработная плата была мизерной, селяне работали за трудодни, на которые им выдавали хлеб и лишь немного денег. Так, в 1936 году за один трудодень давали двести пятьдесят граммов зерна и тридцать копеек деньгами. Среднее число трудодней было сто пятьдесят-двести, передовикам удавалось заработать от двухсот пятидесяти до трехсот трудодней. Таким образом, усердно работавший колхозник за год мог заработать семьдесят пять килограмм пшеницы и девять рублей деньгами»¹³.

В 1936 г. в районе появляются первые комбайны, но их конструкция приводила к огромным потерям зерна – до 25 % обмолоченного зерна просыпалось на землю. В колхозах было мало тракторных сеялок, сенокосилок, борон,

ную пятилетку (1941 – 1951 гг.). Материалы научно-практической конференции. Отрадная, 2013. С.18.

¹² См.: Наша малая родина – Отрадненский район Краснодарского края (страницы истории) /Сост.: В.А. Пятаков, Т.А. Липовская, И.В. Горячко, О.В. Пятакова. Отрадная, 2009. С.56.

¹³ Илющенко Н.Н. История станицы Подгорной Краснодарского края. Волгоград, 1998. С. 174.

культиваторов¹⁴. Главными орудиями труда по-прежнему оставались лошадиная тяга и мускульная сила человека, работающего мотыгой («тяпкой»), лопатой, вилами, черпаками или чаще – попросту руками, а в каждой хате заунывно скрипела сталинская крупорушка, изготавливавшаяся местными кузнецами. Торговля печёным хлебом в станицах началась с 1938 г., но в основном для жителей станиц, не являвшихся членами колхоза, по высоким ценам и в ограниченном объёме.

В преддверие «сталинской конституции», учитывая, что оставшиеся в живых после «расказачивания» и голодомора казаки-колхозники стали активными участниками строительства социализма, доказали свою лояльность советской власти, происходит фактическая социально-политическая реабилитация казачества – ЦИК СССР 20 апреля 1936 года принимает постановление «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». В ожидании грядущей войны началось ускоренное формирование казачьих соединений и частей.

Сын казака

Род Мастепановых был довольно разветвлённым в Приурूपье и вёлся от Мартина Мастепанова, родившегося в 1862 г. в семье первопоселенцев станицы Отрадной. В 1950-х годах в станичном краеведческом музее экспонировались плоды яблони местного сорта под названием Мастепановка, сорта, завезённого в Предгорье первопоселенцами¹⁵. В конце двадцатых годов XX в. в списках Отрадненского сельского совета – среди задолжавших по хлебозаготовкам – значатся фамилии Мастипанова Григория (владелец 4,43

¹⁴ *Илющенко Н.Н.* История станицы Подгорной Краснодарского края. Волгоград, 1998. С.178.

¹⁵ *Орел В.Н.* В поисках истины / Под науч. ред. профессора В.К. Чумаченко. Краснодар, 2006. С.136.

десятин земли) и Мастепанова Ивана Тимофеевича из х. Донская Балка (владелец 7,5 десятин земли)¹⁶. Одно из ранних упоминаний фамилии *Мастепанов* / *Мостепанов* / *Мостопанов*, вероятно, в форме *Мостопенко* относится к середине XVII в. – украинец Анисимко Мостопенко был белоцерковским казаком в 1654 году¹⁷. Сам Сергей Данилович считал, что его род принадлежит к казачьей «аристократии» с польскими корнями, и в этом ему виделась одна из причин того, что его семья оказалась под катком сталинских репрессий... Согласно семейным преданиям, его дед Пимон Мартинович неоднократно избирался станичным атаманом в Отрадной.

Отец Сергея Даниловича – Даниил – родился 16 декабря 1883 года в семье Пимона Мартиновича и Параскевы Романовны Мостипановых¹⁸. О деде С.Д. Мастепанова известно только то, что он, Пимон Мартинович, вторым браком, в возрасте 46 лет в 1908 г. женился на вдове казачке Анне Михайловне Зенченко из станицы Удобной, а его сын – будущий отец Сергея – Даниил Пимонович в возрасте 23 лет тоже женился, и в том же году¹⁹. Однако наступивший 1908 год оказался тяжёлым, первая жена Даниила, Параскева Яковлевна, родив дочь Марию 26 марта, спустя неделю умерла от родовой горячки в возрасте 25 лет²⁰. Даниил Пимонович вступает во второй брак 4 июня, ему всего 24 года, а второй жене нет ещё и 16-ти. Его невеста – дочь крестьянина Орловской губернии Ливенского уезда деревни Баранова-Колодезя Евфросиния Николаевна Мартюшина²¹. Она и родила Даниилу Мастепанову сына Иоанна 21 октября

¹⁶ Архивный отдел Администрации г. Армавира (Далее – АООА) Ф. 474. Оп. 1. Д. 9. Л. 33 об., 38 об.

¹⁷ См.: Тушков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имён. М., 2005. С. 707.

¹⁸ Архивный отдел Администрации муниципального образования Отрадненский район (Далее – АООР). Ф. 303. Оп. 1. Д. 71. Л. 65 об. - 66.

¹⁹ АООР. Ф. 303. Оп. 1. Д. 88. Л. 163 об. - 164.

²⁰ Архивный отдел Администрации муниципального образования Отрадненский район. Ф. 303. Оп. 1. Д. 88. Л. 31 об. - 32; Л. 207 об. - 208.

²¹ Там же. Ф. 303. Оп. 1. Д. 88. Л. 160 об. - 161.

1911 г., а 9 октября 1913 г. – сына Сергея, затем Михаила. Восприемниками при крещении Сергея были казак Тимофей Вуколович Винюков и казачка Прасковья Егоровна Апанасенкова. Таинство крещения 10 октября 1913 г. совершили протоиерей Максим Сапежко с псаломщиком Михаилом Курдюмовым в Рождество-Богородицкой церкви станицы Отрадной, о чём и была совершена запись в метрической книге²².

Сведений о дальнейшей судьбе родителей Сергея сохранилось мало. Даниил Пимонович Мастепанов не мог не принимать участия в Первой мировой войне, затем Гражданской, но данных об этом не сохранилось. Известно только из воспоминаний Сергея Даниловича Мастепанова, что отец умер в 1922 году, возможно, спасая от голода свою семью, тяжело заболев. (В рукописных воспоминаниях, написанных в мае 1990 г., С.Д. указывает, что его отец умер весной 1921 г., в это время Сергею шёл 8-й год, старшему брату Иоанну – 10-й, младшему брату Михаилу – 5 год, а сестре было 10 месяцев от роду). Детям семьи казака Даниила Пимоновича Мастепанова удалось пережить все катастрофы российской истории первой половины XX века без значительных потерь, выжить в голодные годы, пройти испытания войной и ГУЛАГом.

В 1949 г. старший брат Иван (в крещении Иоанн) работал шофёром, второй, младший, – Михаил – руководил семилетней школой в с. Сары-Тюз, оба брата прошли войну и уцелели. Дольше всех прожила мама Сергея Даниловича – Евфросиния Николаевна, она родилась в 1892 г. и ещё жила, поддерживаемая Сергеем Даниловичем в 80-е годы, скончавшись в возрасте 90 лет. Именно помня о ней, её социальном происхождении, С.Д. писал позднее в анкетах, что он из крестьян.

К началу коллективизации в хозяйстве Мастепановых было 2 быка, корова, хата. Вдове с четырьмя детьми

²² Архивный отдел Администрации муниципального образования Отраденский район. Ф.303.Оп.1.Д.93.Л.93об-94.

приходилось трудиться, не покладая рук. Мать Сергея Даниловича наотрез отказалась вступать в колхоз: «Она во всеуслышание заявила, что лучше погибнет со своими детьми, чем [будет] “продавать душу дьяволу”». Это заявление поставило семью в разряд «изгоев».

В 1932-1933 гг. против «непослушных» казаков и крестьян, не стремившихся в колхозы, по указанию ВКП(б), были организованы меры принуждения, приведшие затем к повальному голоду. В хлебных районах страны, несмотря на благоприятные климатические условия и хороший урожай, возник искусственно организованный, масштабный и катастрофический «царь-голод». Причины и последствия его до сих пор объективно не исследованы, но зато много опубликовано политизированных и тенденциозных работ, которые явно скрывают и истинные масштабы демографической катастрофы, и её последствия для дальнейшей социально-политической истории советской России. Спустя более полувека, видевший голод двадцатилетним, Сергей Данилович вспоминал: *« В 1933 году, <...> у всех единоличников, не желавших вступать в колхоз, были изъяты все сельскохозяйственные продукты, даже всё выгребали из чашек и кружек, свозили на «глубинные пункты» и ссыпали под открытым небом.<...> Награбленное зерно, ссыпанное под открытым небом, всё сгнило. Только на Отраденском глубинном пункте полностью сгнило, по официальным сведениям, 60 000 тонн зерна, а народ поголовно умирал с голоду, стал развиваться каннибализм. Нам пришлось бросить всё, что осталось от хозяйства (вернее, одну хату и гектар бывшего сада и огорода) и бежать в горы, в карачаевский аул. Только здесь мы и могли остаться в живых».*

Совершенно случайно сохранилась справка, выданная 30 августа 1934 года гражданке станицы Отрадной Мастепановой Ефросинье Николаевне в том, что она по своему социальному положению числится как середнячка - единоличница, избирательных прав не лишена. В графе «имеет имущество» ничего не написано. Справка была выдана От-

раденским станичным советом рабоче-крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов для предъявления в Совет аула Кызыл Октябрь, где после голода и стали жить Мастепановы.

Семья Мастепановых была поставлена в жесточайшие условия выживания и в период НЭПа, и в период социалистической коллективизации. Старшему брату Ивану (Иоанну) удалось ещё при жизни отца закончить три класса начальной школы, но Сергею пришлось проучиться в школе всего-навсего только около четырёх месяцев. На этом его школьное образование закончилось, и в дальнейшей жизни знания и навыки пришлось добывать самостоятельно, в неимоверно тяжёлых условиях. Мальчика спасла любовь к книге и знаниям, страстное желание учиться всему и всегда, не покладая рук, не доедая, истратив последнюю копейку на книгу. Завершая свой жизненный путь, Сергей Данилович в 1990 г. пишет: *« И я могу с чистой совестью, честно и справедливо сказать, что всё, чего я смог достичь в жизни, принадлежит мне. Семья же, при всём своём желании, ничем не могла мне помочь, а общество в лице государственных чиновников – различных уполномоченных, представителей, активистов и прочих – только тем и занималось, что изобретало и упорно выполняло всевозможные мероприятия, направленные на создание невыносимых условий [жизни] и без того крайне тяжёлых».*

Где и как жил юноша во второй половине 20-х – начале 30-х гг., чем занимался, как складывались его отношения со сверстниками, когда он вступил в комсомол – об этом нет ничего в воспоминаниях Сергея Даниловича, которые он писал спустя шестьдесят лет, а ведь воспоминания о поре юности самые яркие и прочные! Возможно, в зрелые годы, пройдя «сталинские университеты», он пересмотрел своё отношение к ленинскому комсомолу и своей общественной деятельности, но тогда, в 30-е, поддавшись искусству пролетарского переустройства социальной действительности, он

некоторое время был членом обкома комсомола Черкесской АО.

Неизвестно, кто и когда познакомил пытливого подростка с адресом московских заочных курсов иностранных языков «ИН-ЯЗ», которые существуют и поныне, но именно они сыграли определяющую роль в жизни кубанского паренька. В Советской стране активно пропагандировалась среди молодёжи идея международной солидарности трудящихся, грядущей мировой пролетарской революции. После 1922 года активно развивались советско-германские отношения, много иностранцев приехало в СССР в период индустриализации, поэтому знание иностранного языка, особенно немецкого, было престижно и необходимо. На курсы С.Д. поступил в январе 1933 г., когда ещё были относительно взаимовыгодными советско-германские отношения, фашистского переворота ещё не произошло. Хотя президент Германского Рейха фельдмаршал Гинденбург назначил А. Гитлера на пост канцлера 30 января, пожар рейхстага, приведший к крутому повороту в политике Германии, был спровоцирован в феврале 1933 г. После этих событий коммунисты оказались вне закона, а в Германии были ликвидированы все гражданские свободы. Отношения СССР с Германией стали ухудшаться, но они пока не вызывали официальной германофобии.

Обучаясь с 1933 года в Центральном институте заочного обучения иностранным языкам (так, якобы именовались тогда курсы «ИН-ЯЗ»), Сергей Данилович «окончил 3 центра со званием общественно-политического переводчика».

Элементарные знания немецкого языка, полученные заочно, открыли возможность преподавать язык в школе, поскольку, в связи с ликвидацией безграмотности и введением всеобщего (обязательного) начального обучения, учителей в начале 30-х гг. стало катастрофически не хватать в школах. Учителями становились бывшие выпускники средних школ, студенты ускоренных выпусков педагогических

техникумов и институтов, да и просто мало-мальски образованные люди. Для сравнения укажем, что в конце 1875 г. на территории будущего Отрадненского района было 10 школ, в которых обучалось 273 мальчика и 21 девочка, а в станице соответственно – 45 мальчиков и 21 девочка. В 1913 году в станице имелось одно частное учебное заведение II разряда с правами прогимназии госпожи Белоусовой и училось в нём всего 34 ученика (24 мальчика и 10 девочек), из них – 14 детей казачьего и 20 неказачьего сословия²³. В 1925 году в школах района уже работал 541 учитель, а в районе имелось 14 библиотек²⁴.

Резкий рост численности учеников, особенно в начальном звене школы, пришелся на период перевода после 1921 года содержания школ и учителей на местный бюджет, уровень жизни учителей, и без того нищенский, ещё более понизился. Бурно подрастало и нуждалось в образовании поколение молодых, уже родившихся в СССР, а система даже начального школьного образования погрязла в педагогических экспериментах и хроническом недофинансировании. В системе образования возник «кадровый голод», а численность учеников в классах резко увеличилась. В 1938/9 учебном году в районе было 16908 учащихся, только 5164 из них обучалось в средних школах. Родители должны были платить за образование, которое и без того не считалось в семьях трудовых казаков, иногородних крестьян, батраков задачей первостепенной важности.

Возросшая потребность в учительских кадрах привела к снижению качества подготовки педагогов в образовательных учреждениях Орджоникидзевского (Ставропольского) края. В 1932 – 1933 гг. в школах края (без учёта данных по Карачаевской и Черкесской автономным областям) в начальных школах обучалось 96 470, в неполных средних – 14 164, в средних – 2 300 человек. По сравнению с 1923 –

²³ Статистический сборник. Отрадненский район за 50 лет Советской власти (1917-1967 годы). Отрадная, 1967. С.75.

²⁴ Там же. С.86.

1924 гг. число учащихся к 1932 г. соответственно выросло в начальных школах на 52.6%, в неполных средних – в 4 раза, а в средних даже уменьшилось на 400 человек²⁵. Именно в таких условиях, так и не получив должного образования, а лишь только ликвидировав признаки неграмотности, юноша Сергей Мастепанов вынужден был по крохам собирать различные знания и совершенствовать их, особенно его начинает привлекать иностранный язык.

В ходе обучения на курсах «ИН-ЯЗ», сельский паренёк приобретает элементарные знания немецкого языка, а затем пробует закрепить полученные знания практически. Он делает первые шаги учителя немецкого языка в ауле Кызыл Октябрь Зеленчукского района²⁶, с 1 сентября 1934 г. начинает преподавать немецкий язык, а затем становится директором (с 13 июля по 11 ноября 1935 г.) в Кардоникской средней школе. С 11 ноября 1935 г. по 24 января 1937 г. он был переведён в Красногорскую среднюю школу, где не только учил немецкому языку, но и работал директором комсомольской вечерней школы; с 25 января по 25 декабря 1937 года вёл уроки немецкого в Усть-Джегутинской средней школе, где и был арестован органами НКВД. Основной курс обучения иностранному языку Мастепанов успел окончить в 1936 году, получив «звание» – общественно-политического переводчика, потом поступил на отделение научных переводчиков высшей квалификации, но до ареста успел проучиться только половину положенного срока.

После 1933 г. отношения СССР с Германией стали меняться, международная обстановка быстро накалялась; гражданам зарубежных стран на территории СССР, иностранным специалистам, было предложено или принять советское гражданство, или покинуть Страну Советов. В изучении иностранного языка, в общем, не было ничего криминального, и С.Д. Мастепанову, вроде бы ничего не угрожа-

²⁵ Булгакова Н.И. Изменение культурного облика ставропольского села на рубеже 20 – 30-х годов XX века // Культурная жизнь Юга России. 2006. №5. С.44.

²⁶ Осадчая Л. Тропа Мастепанова // Ленинское знамя. 1986. 7 февраля. С.4

ло, но борьба с оппозицией, убийство Кирова, суд над «немецким шпионом» маршалом Тухачевским, сталинская теория нарастания классовой борьбы по мере продвижения к социализму оставляли мало шансов юноше-полиглоту преодолеть все опасности начавшейся и ширившейся политической «охоты на ведьм». Органы ОГПУ – НКВД зачищали общество не только от явных преступников с уголовным прошлым, но и по классовому принципу: от кулаков, представителей буржуазии, духовенства, «классово чуждых элементов», и, кроме того, просто от всех подозрительных (а значит, от идеологически и политически опасных) лиц, людей оригинально и самостоятельно мыслящих, отличающихся в бытовом поведении от создававшихся тогда советских стандартов жизни; в числе подозрительных оказывались, естественно, лица с более высоким уровнем образования, имеющие контакты с границей и пр.

Не попасть в число подозрительных С.Д. Мастепанов просто не мог, поскольку изучал не только немецкий, но принялся и за английский, а также закончил заочно курсы международного языка эсперанто, был избран членом ЦК СЭСР и членом ИПЭ (Интернационал пролетарских эсперантистов). По решению ЦК СЭСР С.Д. Мастепанов должен был принять в 1938 г. участие в Международном конгрессе эсперантистов в Лондоне. Сведений об этом конгрессе найти не удалось, но в 1938 г. состоялся съезд эсперантистов, на котором была создана Всемирная молодёжная организация эсперантистов – ТЕЮ. Вероятно, именно для участия в её работе готовился С.Д. Мастепанов. Но поскольку он постоянно в своих интервью и воспоминаниях указывал на Лондон, как место проведения конгресса, то нельзя исключать вероятности, что был и другой вариант его поездки за границу. 18 сентября 1936 г. создаётся новая организация – Международная эсперанто-лига со штаб-квартирой неподалёку от Лондона, в Херонсгейте (графство Хартфордшир). На конгресс, наверное, должен был отправиться С.Д. Мастепанов в составе советской делегации, как

представитель национальной эсперанто-ассоциации СЭСР. (Так мы предполагали, исходя из сохранившихся документов, но жизнь человеческая непредсказуема, всё оказалось гораздо проще – в Лондон молодого советского эсперантиста приглашала некая «английская принцесса», как признался Мастепанов в 1991 году, но об этих обстоятельствах мы ещё узнаем...). И здесь же следует уточнить, что из себя представляло движение эсперантистов в то время в СССР.

Союз эсперантистов советских республик (СЭСР), как объединение сторонников изучения и распространения искусственного языка эсперанто, был основан в июне 1921 г. Генеральным секретарём СЭСР до августа 1936 г. был Э.К. Дрезен (расстрелян 27 октября 1937 г. по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности). Цель СЭСР – пропаганда идей коммунизма, достижений социалистической революции в России, преимуществ советского образа жизни. Эсперантисты налаживали связи с пролетариатом Западной Европы, собирали сведения о тяжёлом положении рабочего класса в странах капитала, поддерживали МОПР, в советских газетах публиковали письма из-за рубежа, организовывали выставки своих интернациональных связей.

В 20-х годах внутри эсперанто-движения возникло более радикальное направление: сторонников языка *идо* – более усовершенствованного языка эсперанто. Сторонников языка *идо* возглавил секретарь Коминтерна, «ударник интерсвязей» Фриц Иванович Мильтер (П. Родин), член РСДРП с 1907 года. Целью Всероссийской ассоциации друзей международного языка «ИДО» была организация «смычки с международным пролетариатом». Идисты считали, что движение эсперантистов недостаточно активно, именно язык *идо* должен был стать подлинным международным языком и служить «делу пролетариата всего мира». Вот какую характеристику эсперантистам 1930-х годов давал представитель идистов в Армавире Виталий Константинович Прудник(ов): «Идейным противником Идо-движения постоянно были эсперантисты, эти староверы в междуна-

родном языке, сторонники неприкосновенности своей “религии” – системы языка Заменгофа. По счастью, в Армавире таких было немного. Жалкие и бесполезные эсперантисты совсем были не чета боевым, энергичным и деятельным армавирским идистам»²⁷. В.К. Прудник возглавлял Армавирскую организацию идистов, был членом Правления Идо Ассоциации по Северному Кавказу. Любопытно, что, написав воспоминания в 1960 г., он жёстко оценивает эсперантистов конца 20-х годов: «Эсперантистам вовсе чужды были высокие идеи единения пролетарских масс земного шара, общность их классовых интересов и борьбы»²⁸. Для него, ушедшего на службу в 1927 г. в Армавирский окружной отдел ОГПУ, затем, с 1929 г., боровшегося с «бабьими бунтам» – стихийными протестами против коллективизации в составе Кропоткинского райотдела ОГПУ, а далее служившему в Ставропольском крае и Ростовской области (проживал в Новочеркасске), эсперантисты были «идейно убогими людьми», с психикой «среднего буржуа», тешившие себя коллекционерством, собиранием марок, различных предметов, поддерживавшие в основном «сентиментальную дружескую переписку»²⁹. Прудник испытывает неприязнь к эсперантистам даже спустя 30 лет, вспоминая о своей молодости. Несмотря на внутренние разногласия между идистами и эсперантистами, оба этих движения поддерживали лозунг «Долой капитализм!» (e destruktas la kapitalismo!).

В гитлеровской Германии уже с 1936 г. эсперанто-организации были запрещены, поскольку Гитлер считал, что универсальный язык эсперанто создан для объединения еврейских диаспор. Сталин в свою очередь в 1937 г. осудил эсперанто как «язык шпионов», хотя ещё в 20-е годы он считался «языком мировой революции». Эсперанто широко использовалось в еврейской среде и в работе деятелей

²⁷ Прудник В.К. Армавирская организация друзей международного языка ИДО. Краснодар, 1960. С.31 // Армавирский краеведческий музей. ОФ. 2238 (машинопись).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

профсоюзов, рабкоров, представителей «красного рабочего спорта», облегчая им возможности контактировать с иностранцами. В 1937 г. произошли аресты лидеров эсперанто-организаций в СССР и сотен рядовых членов эсперанто-движения, которых обвиняли в троцкизме, терроризме и шпионской деятельности. Тем не менее, если судить по штемпелям на конвертах, переписка эсперантистов и иди-стов (корреспонденция работника НКВД Прудника из фондов Армавирского краеведческого музея) поддерживалась с заграницей и в 1938 г. (письма из Испании и Латвии). Хотя СЭСР официально распущен не был, его деятельность фактически была парализована и не возобновлялась до 1956 г. Поэтому в личном листке по учёту кадров, заполненном 25 февраля 1951 г. Мастепанов не пишет, что он владеет эсперанто, хотя отмечает, что «хорошо» знает немецкий и «слабо» – английский, испанский, итальянский (основой знаний последних двух языков был эсперанто).

Когда С.Д. Мастепанов впервые обратился в Президиум ВС РСФСР в 1949 г. с просьбой пересмотреть его дело, он писал, что его обвиняли в 1937 г. в «контрреволюционной деятельности», но в чём именно, он не знает («Причины ареста и осуждения меня мне неизвестны»). В начале 1990-х, когда пишет воспоминания для «Мемориала», он уточняет обстоятельства ареста: *«На допросе мне было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, выразившейся в организации повстанческой группы, в активном шпионаже. Из предъявленного мне обвинения я понял, что основанием для моего ареста была работа учителем немецкого языка в Усть-Джегутинской средней школе и то, что я являлся членом ЦК Союза эсперантистов Советских Республик и членом ИПЭ (Интернационала пролетарских эсперантистов), должен был летом 1938 года участвовать в Лондоне в работе Конгресса Интернационала пролетарских эсперантистов. До моего ареста эти две организации эсперантистов являлись законными: на языке*

эсперанто издавались газеты, журналы и книги, а также этот язык использовался в международных связях.

Когда следователь узнал обо всём этом, он заявил: «Не будем больше тянуть эту канитель, так как для расстрела материала имеется больше, чем достаточно». Когда же я не признал себя виновным в предъявленных мне обвинениях, ссылаясь на то, что лишь выполнял задания советских официальных организаций, деятельность которых одобрялась и поощрялась Советским Правительством, – следователь в конце допросного листа написал с маленькой буквы «виновным себя не признаю» и дал подписать мне. Я подписался. После этого меня кто-то ударил по затылку, я потерял сознание и упал, пришёл в сознание только в камере. Больше меня никто не допрашивал, а через день, т.е. 27 декабря меня увезли в Черкесскую тюрьму усиленного режима». Таким образом, молодой учитель был обвинён в «активном шпионаже» и «организации фашистской повстанческой группы» – это была плата за любовь к немецкому языку и любопытство к языку международного общения – эсперанто. В архиве Мастепанова случайно сохранился черновик с письмом на эсперанто, учебник эсперанто³⁰, квитанции на присылавшуюся литературу в январе и августе 1935 г. Можно сделать вывод, что эсперанто он начинает заниматься в 1934 г., и, работая в ст. Кардоникской, организовал кружок эсперантистов и регулярно получал учебную литературу из Центральной книжной экспедиции ЦК СЭСР. Эта деятельность была продолжена в ст. Красногорской, откуда учитель немецкого языка по адресам, взятым из эсперантистских журналов, отправлял заказные письма в Японию (Токио) и в США (Нью-Йорк) в надежде завязать знакомства и наладить обмен книгами, газетами, фотографиями с любителями эсперанто. Написанные на тетрадных листах в клеточку, старательным почерком, письма закан-

³⁰ Это пособие для начинающих: Рублёв С. Кружок эсперанто. Практическое пособие для групповых занятий. Часть II. Для руководителя кружка. М.: Издание Ц.К. СЭСР, 1931.- 32 с.

чивались обычным приветствием – Kun saluto Peranto kama-rado Mastepanov. Но адреса были не точными, и письма вернулись обратно в станицу – kazakburgo Krasnogorskaja, хотя в остальном почта работала хорошо: до Нью-Йорка письмо шло 17 , а до Токио – 26 дней. Чудом сохранившиеся письма 1936 г., так и не нашедшие адресатов в странах «жёлтого дьявола» и «восходящего солнца», свидетельствуют о том, что работники НКВД не изымали всю переписку (взяты были наиболее «уличающие» письма), не конфисковывали книги, дело вели поспешно и, видимо, личного признания учителя немецкого языка в поддержании зарубежных связей и изучении «шпионского» языка эсперанто сочли достаточным, чтобы приговорить его к расстрелу.

Однако лингвистические увлечения молодого станичного учителя были всего лишь поводом для ареста, настоящие причины были иными и более трагичными – террор Советского государства по отношению к своим гражданам, как метод решения политических и социально - экономических задач, репрессии в сталинские годы стали основным стержнем внутренней политики в СССР.

До конца своих дней в эти, истинные причины, С.Д. Мастепанов верить не хотел, и во всём, что с ним случилось, видел субъективный фактор. В 1957 г., во время реабилитации, он держал своё личное дело из архива НКВД в руках, видел донос, и даже вспомнил, кто его написал. В 1990 г., беседуя с журналистом В. Булычёвым в Ухте, он вспоминал, что аресты в школе, где он работал до войны, начались после того, как в молодежной газете осенью 1937 года была опубликована статья «Осиное гнездо в школе», где на примере одной из школ края отмечалось, что «классовыми врагами обычно оказываются те, кто хорошо и активно трудится, зарабатывая авторитет, чтобы скрыть свою сущность»³¹. Газетная статья могла быть поводом, а причины коренились гораздо глубже, и процессы, приведшие к

³¹ Булычёв В. Хранитель // Ухта. 1990. 31 октября. С.3

аресту С.Д., зародились гораздо раньше, они постепенно втягивали в воронку репрессий десятки и сотни тысяч людей, песчинкой в этом кровавом коловороте человеческих судеб оказался двадцатичетырехлетний начинающий учитель.

Встречное движение

Когда С.Д. Мастепанову было всего 16 лет, он не знал, что советская власть уже начала готовить место в печорских бараках для таких, как он. В 1929 г. Управление северными лагерями особого назначения (УСЕВЛОН) начало осваивать бассейн Печоры, отправив экспедицию для оценки Ухтинского нефтяного месторождения, разведки нефти и газа в Ижемском и Печорском районах, выявления радиактивных вод, разведки угольных залежей в Воркуте. Лес, уголь, нефть были крайне необходимы для экономики, стоявшей на пороге грандиозной социалистической модернизации, но освоить северные районы было очень трудно из-за удаленности, отсутствия транспортной инфраструктуры, низкой технической оснащённости и... отсутствия людей в этих малозаселенных и необжитых местах. Для советской власти оставался единственный путь – осваивать Север с помощью дешёвой и подневольной массы сотен тысяч заключённых, репрессированных государством по различным причинам. Колонизация с помощью лагерей была выгодна экономически: на содержание заключённого в тюрьме (по данным 1928 г.) расходовалось 250 руб. в год, а на содержание в лагере – 100 руб. В декабре 1929 г. постановлением СНК СССР организованные ОГПУ концлагеря Соловецкий, Вишерский и Северный (в районе Ухты) ёмкостью по 90 000 человек были переведены на самоокупаемость³². К декабрю 1936 г. количество заключённых в Ухтпечлаге достигло

³² Моруков М.Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006. С.176.

свыше 33 000 тысяч³³. «Великий Сталинский план превращения тайги и тундры Крайнего Севера в цветущий промышленный край СССР» стал претворяться в жизнь, количество заключённых в лагере ко второму полугодью 1938 г. достигло 88 тысяч человек³⁴. В год водворения С.Д. Мастепанова в Ухтпечлаг в советских исправительно-трудовых лагерях и ИТК находилось 1 881 570 человек; из 996 367 заключённых, содержащихся в ИТЛ, 18,6% были осуждены за «антисоветскую деятельность»³⁵. В секретном протоколе №65 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. отмечалось, что за 1937 – 1938 гг. «под руководством партии органы НКВД проделали большую работу по разгрому врагов народа и очистки СССР...», но в ходе операции возникли «перегибы», поэтому было решено ликвидировать судебные тройки, а органам НКВД и Прокуратуры запретить в дальнейшем «производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению»³⁶. Однако еще в сентябре 1938 г., по приказу Сталина, особые тройки приводили в исполнение «немедленно» приговоры лицам, которые попадали под «расстрельную» первую категорию. Операцию по репрессированию бывших кулаков, уголовников и антисоветских элементов, по ходу которой часть предполагалось просто убить, а другую отправить в северные лагеря, начала осуществляться с 5 августа 1937 г. и должна была завершиться к декабрю, но отведённых 4-х месяцев не хватило. Работники НКВД стали просить о продлении сроков и увеличении проскрипционных списков, что встретило понимание со стороны партии. На излёте этой кампании и был арестован С.Д. Мастепанов. В связи с проведением операции из резервного фонда СНК для НКВД было отпущено 75 миллионов рублей, из которых 25 миллионов – на оплату железнодорожного тарифа. На органи-

³³ Канева А.Н. Ухтпечлаг в 1929-1938 гг. // Это нашей истории строки. Сообщения и материалы краеведов г. Ухты. Сыктывкар, 1990. С.39

³⁴ Подробнее см.: В недрах Ухтпечлага. Выпуск второй. Ухта, 1994. С.9.

³⁵ Моруков М.Ю. Указ. соч.С.185.

³⁶ См.: Вестник «Сосногорского мемориала» №1. Сосногорск, 1992. С.32.

зацию лагерей было авансом выделено 10 миллионов рублей.

В местах организации лагерей крайкомы и обкомы ВКП(б) и комсомола (по заявкам НКВД) должны были обеспечить необходимое количество коммунистов и комсомольцев для укомплектования штатного лагерного административного аппарата и охраны лагерей. Военизированная охрана формировалась из запасников (командиров и политработников) РККА³⁷. Категории специалистов – врачей, лесных работников, нефтяников, экономистов и т.д. пополняли за счёт вольнонаемных, но потом в большей степени за счёт всё тех же арестованных. Пока С.Д. Мастепанов находился в камере смертников в Черкесской тюрьме усиленного режима, Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило Наркомвнутделу «продолжить до 15 апреля 1938 г. операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финн[ов], греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР. <...> Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР»³⁸. Порядок рассмотрения дел арестованных оставался внесудебным. Поэтому Сергей Данилович и попал в объятия «пролетарского интернационала» оказавшись в лагере; здесь можно было учиться всяким языкам, причём бесплатно. Вспоминая об этом «сталинском университете», он с иронией говорил: «Разве бы аргентинский генерал приехал в станицу Отрадную испанскому языку меня обучать?.. Да никогда! А там – пожалуйста. По английскому да итальянскому тоже были такие учителя, что можно только мечтать: чуть не половина «Интернационала» – в том же бараке, что и я. А хорошим манерам меня министр иностранных дел Польши обучал...»

³⁷ Вестник «Сосногорского мемориала» №1. Сосногорск, 1992. С.20-21.

³⁸ Там же. С.29.

В начале 1938 г. приказом НКВД была утверждена новая структура северных лагерей: с 1 июля 1938 г. из Воркутлага и Печлага был выделен Печжелдорлаг (центр – Абезь), из Усть-Вымлага (центр – Вожаель) – Севжелдорлаг (центр – Княжпогост); на базе Управления Ухта-Печорскими лагерями и Ухтлага создан Ухтижемлаг³⁹, который ждал свое новое пополнение свежей рабочей силой из всех регионов СССР, в том числе из краев и автономных республик Северного Кавказа.

ТУР в Ежово-Черкесске

Тюрьма, в которой Сергею Даниловичу пришлось ждать своей участи, находилась в бывшей казачьей станице Баталпашинской, которой не повезло с переименованиями в сталинское время. Ещё в 1916 г. мало кому известная начинающая писательница Мариэтта Шагинян, в повести «Своя судьба», так иронично описывала называвшуюся местным населением «Пашинку»: «Заночевали мы в городке Баталпашинске, отличающемся от станицы тем, что грязь в нем не сохнет ни в жару, ни в холод». С 1922 г. Баталпашинск с примыкавшим к нему районом вошел в состав Армавирского округа Кубано-Черноморской области, официально городом став только в 1931 году, после прокладки железнодорожной ветки от станции Невинномысской. Затем новая административная реорганизация – и Баталпашинск превращается в центр Черкесской автономной области Орджоникидзевского края. С 1934 по 16 июня 1937 г. город носит название Сулимов. Так переименовали Баталпашинск в честь Председателя СНК РСФСР, «старого» уральского большевика Д.Е. Сулимова⁴⁰. Но когда Сулимов был аре-

³⁹ Канева А.Н. Указ. Соч. С.46.

⁴⁰ Сулимов Даниил Егорович (1890 – 1937) – советский государственный деятель, 4-й председатель СНК РСФСР в 1930 – 1937 гг., Верховной коллегией Верховного

стован и расстрелян 27 ноября 1937 г. как «враг народа», Указом Президиума Верховного Совета СССР город Сулимов был срочно переименован в Ежово-Черкесск, а затем, после разоблачения «ежовщины», город приобрел свое последнее наименование – Черкесск⁴¹. Именную «приставку» к названию города всегда стыдливо замалчивали.

С.Д. Мастепанов краевой «спецтройкой» был приговорён к расстрелу и четыре месяца провёл в камере смертников в ТУРе – тюрьме усиленного режима именно города Ежово-Черкесска. Затем «верховная тройка» НКВД СССР заменила расстрел десятью годами заключения в тюрьме усиленного режима, с последующими ограничениями в правах. Весь свой срок Сергей Данилович отбывал в Ухтпечлаге с 11 мая 1938 по 4 декабря 1947 года. В мае 1990 г. он попытался вспомнить поименно тех, с которыми встречался, находился в заключении, слышал о них. Вначале список получился коротким – всего 13 человек, затем С.Д. стал «ворошить» свою память, поднимать бумаги в поисках пропущенных лиц и в списке оказалось свыше 100 фамилий. Если учесть, что список составлялся по памяти спустя почти 50 лет с момента заключения, то он довольно объёмный, ведь даже психологи считают, что человек способен запомнить не более 150 лиц.

В Черкесской тюрьме С.Д. встретил своих земляков: в одной камере он сидел с Бурмистровым (имя и отчество неизвестны), журналистом Исламом Хубиевым (Ислам Карачайлы), заведующим Усть-Джегутинским РОНО Али Кульбековым, работником финотдела г. Карачаевска Николаем Ивановичем Махно (охранявшим в своё время советского посла Карахана), математиком из Усть-Джегутинской средней школы И.И. Панкрац (русский немец), арестованным вместе с С.Д., учителем физики той же школы М.П. Ереминым, бухгалтером Усть-Джегутинской районной сберкассы

Суда СССР приговорён к высшей мере наказания и расстрелян 27 ноября 1937 г., посмертно реабилитирован в 1956 г.

⁴¹ «Антиежовские» переименования произошли в начале мая 1939 г.

Ф. Фальком, абазинцем Физиковым, казаком из ст. Сторожевой Шутовым, некоторых видел издалека (например, завуч Красногорской семилетней школы Л.А. Середу он видел только на одиночных прогулках) во дворе тюрьмы.

В декабре 1937 года из школ, в которых работал Сергей Данилович, были арестованы Матвей Ефремович Студёный (был директором в Красногорской, а затем Усть-Джегутинской средних школах) и завуч Усть-Джегутинской средней школы Карачаевской области Токарев.

В одной из «смертных» камер Черкесского ТУРа (Мастепанов слышал об этом, но лично не видел) находились карачаевский писатель-романист Хасан Аппаев⁴², работавший до заключения первым секретарем Карачаевского обкома ВКП(б), а также известный карачаевский политический и научный деятель Умар Алиев⁴³.

В соответствии с секретным приказом №00447 от 30 июля 1937 г., арестованные делились на 1-ю и 2-ю категории. По Орджоникидзевскому краю (так стал называться Северо-Кавказский край после самоубийства Серго, в память о котором край и переименовали) предполагалось расстрелять 1000 человек, отнесённых к первой категории, и отправить в лагеря НКВД 4000 человек второй категории. Семьи приговорённых по первой и второй категориям, как правило, не репрессировались, но их следовало взять на учёт и установить за ними систематическое наблюдение. Лица первой категории подлежали немедленному аресту, а после рассмотрения их дел на тройках – расстрелу. В крайнюю тройку входили Булах⁴⁴, Сергеев и Розит. Булах за

⁴² Аппаев Хасан Алиевич (1904 – 1938) – карачаевский советский писатель, с 1936 г. – секретарь Карачаевского обкома ВКП(б), автор романа «Чёрный сундук», раскрывающем социальные противоречия и характерные черты дореволюционного быта карачаевцев.

⁴³ Алиев Умар Джашиевич (1895 – 1937) – революционный и политический деятель периода Гражданской войны, учёный-филолог, создатель алфавита для карачаевско-балкарского языка на основе латиницы.

⁴⁴ Булах Петр Федорович (1898 – 1938) – в 1937 – 1938 гг. начальник Управления НКВД Орджоникидзевского края, майор государственной безопасности. 25 апреля

усердие в этой операции получит от Ежова орден Красной Звезды. По счастливой случайности С.Д. Мастепанова не расстреляли, по молодости лет, и смерть заменили десятилетним заключением. Он считал, что его не подвели под расстрел благодаря отказу прокурора Усть-Джегутинского района Кубанова выдать санкцию на арест; отсутствие этой бумаги в деле стало поводом для верховной тройки СССР приговор пересмотреть и заменить расстрел десятью годами заключения в лагере усиленного режима с последующим ущемлением в правах⁴⁵. Его многим сокамерникам не повезло – приказ, подписанный Сталиным и Ежовым, требовал смертей, и 20% арестованных по краю в четырехмесячной кампании 1937 г. «пустили в расход».

22 декабря 1990 г. в газете «Ленинское знамя» появилась статья «Белые пятна чёрного времени» под рубрикой «Отзовитесь, кто знает». В очерке описывалась страшная находка – в 6 км от Черкесска при рытье траншеи были найдены останки 78 расстрелянных человек. Были ли это жертвы террора 1937 или более ранних годов – неизвестно, но С.Д. написал записку и прикрепил к газетной вырезке, вспоминая именно свои месяцы, проведенные в ТУРе в ожидании расстрела. По его словам, расстрелы осуществляли во дворе тюрьмы ежедневно, под шум работающих двигателей автомашин, но когда нужно было приводить приговоры в исполнение большого количества людей, то их выводили из тюрьмы. *«Как сейчас помню, – вспоминает Мастепанов, – 2 февраля 1938 г. была сильная метель и из нашей [тюрьмы] машинами вывозили куда-то людей, и мы их больше не видели. Вероятно, пользуясь непогодой, людей вывезли на расстрел, так как больше никого из вывезенных [заключённых] мы не встречали».* Расстрельные выстрелы во дворе тюрьмы сотрудники НКВД обычно «гасили» шу-

1938 г. арестован органами НКВД СССР, 28 июля 1938 г. ВКВС СССР осужден к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день, не реабилитирован.

⁴⁵ Гудимова О.А. «Человек большой души и бесконечного трудолюбия...» // Экспресс-почта [Черкесск]. 2003. 11 января.С.1

мовыми эффектами: ударами молотков по железным листам или выхлопами полуторки, работающей на холостом ходу.

18 (или 24) апреля 1938 г. С.Д. Мастепанова отправили «на этап», куда именно – он и многие, бывшие с ним, не знали. Но как это происходило, можно восстановить по воспоминаниям других заключённых. Так, Шеду Гадаевич Блимготов, заместитель председателя колхоза «Кызыл-Бермамыт», из аула Хасаут, был арестован летом 1937 г. и позднее вспоминал о своём пути на Крайний Север, как везли их «как скот» в вагонах специального назначения от станции Баталпашинской, как многие не выдерживали и умирали по дороге, и только по холоду в вагонах поняли, что везут на Север. Прибывшим в лагерь «политическим» особая «тройка» зачитывала приговор и пофамильно объявляла сроки от 8 до 10 и более лет, один из «тройки» сказал: «Теперь лагерь – ваш дом, а тайга – работа»⁴⁶. Сохранились описания «столыпинского» вагона, в которых доставляли осужденных к месту отбывания наказания⁴⁷. Вот как вспоминает *столыпина* 30 – 40-х годов нашего века русский поэт Анатолий Жигулин: *«Это было нечто вроде довоенного пригородного вагона с нижним (для сиденья), верхним (для сна) и третьим (для багажа) ярусами. Поправка только на решётчатую стенку с решетчатой дверью, отделяющую купе от коридора. Кроме того, все четыре яруса: пол, сиденье, средняя полка с откидным лазом и верхняя полка – предназначались для размещения заключённых. < ... > Заключённых в купе было по 20 и более человек. И всё-таки можно было дышать. А когда набивали по 30-40 человек и не выводили на оправку (в туалеты, на современном языке), было смертельно тяжело. Ибо люди –*

⁴⁶ Пархоменко Н. «Враг народа» // Ленинское знамя. 1990. 15 сентября.

⁴⁷ Этой теме посвящено несколько страниц в «Архипелаге ГУЛАГ» А.И. Солженицына, см.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Т.1. М.: ИНКОМ-НВ, 1991 (=Солженицын А. Малое собрание сочинений. Т.5.: Архипелаг Гулаг, 1918-1956. Опыт художественного исследования, I-II). С.436 – 462.

этого требовал организм – и мочились, и испражнялись, не выходя из “купе”. Эта дорога – только присказка...»⁴⁸.

С некоторыми из своих земляков Мастепанов был в одном вагоне, или встречался с ними на пересылках. Так, до Котласа он следовал вместе с Н.И. Махно, уже здесь, на пересылке, в мае 1938 г., он увиделся с отрядненскими казаками В. Поповым, Г. Мельниковым, Т. Минжуловым и даже встретился со своим сватом (тестем младшего брата) Антоном Шаповаловым, казаком из станицы Усть - Джегутинской. Все они погибли в лагерях, и домой не вернулись.

Из близких родственников Сергея Даниловича чуть ранее под каток сталинских репрессий попал старший брат его отца – Иван Пимонович Мастепанов (Мостипан – как его он сам называет). В самом начале коллективизации Иван Пимонович был раскулачен и отправлен на Соловки, отбыв там десять лет, вернулся из заключения на родину перед началом Великой Отечественной войны, но вскоре умер от разрыва сердца «на почве неустроенности жизни». В девяностых годах Сергей Данилович пишет о нем: «от всего его хозяйства ничего не осталось, не нашлось даже собачьей конуры, где можно было бы переночевать, отец его (мой дедушка) умер в 1933 году от голода где-то в канаве, жена его и средняя дочь тоже умерли от голода...» В «Книге памяти Ставропольского края» о нем написано, что Мастепанов Иван Пимонович, 1882 г. рождения, русский, малограмотный из ст. Отрадной Туркменского района Ставропольского края был осужден на 5 лет лагерей 12 декабря 1932 года.

Из дальних родственников были репрессированы: троюродный брат (по матери) – Мельников Фёдор Васильевич (1918 г.р.), учитель, арестован был уже после войны и отбывал срок в Монголии; Мельников Филипп Парамонович – двоюродный дядя (по тете, которая была из рода Мастепановых, двоюродная сестра отца Сергея Даниловича)

⁴⁸ Жигулин А.В. Чёрные камни. М., 1989. С.104,107.

был репрессирован в тридцатых годах и погиб в заключении (по «достоверным данным», как подчёркивает Сергей Данилович, он был потоплен в море с большой группой осужденных казаков).

Абсолютное большинство уголовных дел людей, оказавшихся репрессированными в это время – это дела о «контрреволюционной агитации и пропаганде, направленной на ослабление или свержение советского строя». Обвинения чаще всего предъявлялись по печальной памяти ст. 58-10 и 2 УК РСФСР (1921 год). Контрреволюционной агитацией и пропагандой считалось любое высказывание, свидетельствующее о недовольстве отсутствием ли продуктов в магазинах, низкими ли заработками, высокими налогами, плохими условиями жизни в колхозах, а тем более осуждение внутренней или внешней политики большевистской партии и прочее⁴⁹. В лагерях «политических» заключенных уголовники и «бытовики» называли *фашистами, дьяволами, контриками, чертями* и другими кличками, поддерживаемые в своей пещерной классовой ненависти к «врагам народа» лагерным начальством. Многие лагерные начальники и сами сидели по 58 статье, оставаясь, тем не менее, на командных должностях! До места назначения С.Д. Мастепанову пришлось проделать путь в «столыпинских» вагонах и пешком, по печорским лесам, более 2000 км.

В болотах Ухтпечлага

Ухта (с 1939 г. так стал называться посёлок Чибью) была центром одного из крупнейших ГУЛАГовских регионов. Контингент Ухто-Печерского лагеря в 1936 году составлял 22 тысячи человек, а в 1938 году был доведен до 88 тысяч человек. Строительство железнодорожной магистра-

⁴⁹ Бутурлин А. Долги наши // Ленинское знамя. 1990. 14 сентября. С.3.

ли Котлас – Воркута требовало всё больших человеческих ресурсов.

По прибытии в Котлас вместе с сотнями других заключённых Мастепанов был направлен в Княжпогост, где работал на пристани грузчиком неделимых грузов (т.е. грузчиком-тяжеловесом). Один из оставшихся в живых узников Ухтпечлага Георгий Устиновский вспоминал о тех днях: *«...В Княжпогосте нашему брату – «врагам народа» - было очень тяжело. Начальство на нас смотрело зверем, блатные произвольничали, отнимали последнее. Хлеб получать в хлеборезку ходили по 7-8 человек. Потому было пойдут вдвоем или втроем получать хлеб на бригаду и только отойдут от хлеборезки, и весь хлеб у них отнимут. Бригада полностью остается без хлеба до следующего утра. Были случаи, когда бригады по три-четыре дня оставались без хлеба. А блатные были сытые и на зону продавали, меняли на водку, вернее, на самогонку и на разные разности»⁵⁰*. С.Д. по окончании навигации по реке Вымь вместе с грузчиками был передислоцирован на пристань Усть-Вымь до осени 1938 г. После закрытия навигации по реке Вычегда заключённых большой пешей колонной направили в Чибью.

Промозглой осенью 1938 г., проходя этапом от Усть-Выми до Ухты (Чибью), Мастепанов в лагере, «по милости» конвоя, даже успел накоротке переговорить с бывшим первым секретарем Карачаевского обкома комсомола Созоровым, которого он больше никогда не видел. Случайно на пересылке встретил своего земляка из ст. Отрадной Владимира Белянича, арестованного в 1937 году.

В мае 1990 г. о тех суровых годах Сергей Данилович вспоминал: *«Из Ухты нас направили на строительство тракта Чибью-Крутая. Здесь, в исключительно нечеловеческих условиях, я пробыл до лета 1940-го года. Здесь же я полностью потерял здоровье. Летом 1940 г. нас, полукалек перевезли на Водный промысел. Первое время я работал на*

⁵⁰ Вестник «Сосногорского мемориала». №1. Сосногорск, 1992. С.42 – 43.

земляных работах, а затем был подмастерьем у немецкого каменщика Германа Вебера, нашедшего в Советском Союзе, при участии МОПРа, «политическое убежище». В связи с обострением тяжёлой формы ревматизма, был госпитализирован и подвергнут лечению (с опытными целями) радиоактивными ваннами. После выписки из больницы на общих работах я уже здесь не был. Работал сначала нормировщиком, затем оперативным статистиком и, наконец, плановиком-экономистом. Водный промысел в то время считался самым лучшим лагерем в системе Ухто-Печорских лагерей, так как здесь добывался радий не лабораторным, а промышленным путём. Если бы не начавшаяся в 1941 году война, я, вероятно, и отбыл бы здесь свой срок. Но с начала войны производство по добыче и переработке радиоактивной воды строго засекречивалось и всех, кого только можно было, без вреда для производства, убрали отсюда и загнали в такие места, откуда почти никто не возвратился живым. В числе их был и я. После двухлетних пребываний в различных штрафных командировках и штрафных изоляторах мое здоровье было полностью подорвано». Заключённому Мастепанову приходилось чернорабочим носить тяжёлые грузы на пристанях, катать тачки с грунтом и песком на строительстве тракта Чибью-Крутая, грузить песок, работать на раскорчёвке пней и лесоповале...

Дорога от посёлка Чибью (нынешняя Ухта) до деревни Крутая не превышала 90 км, но ее предстояло построить на болотах и песках к месторождению газа, открытому в 1935 г. Строительство напоминало затянувшуюся форму убийства, более двух месяцев работ здесь никто не выдерживал, погибали от сырости, непосильного 12-часового труда, холода, болезней, истощения. На этом «гибельном» лагпункте работало 2017 человек в 1937 г., и лагерники постоянно сменялись, выбывая или в больницу, или на кладбище.

Один из выживших узников Ухтпечлага, Константин Петрович Гурский, пишет в начале 1990-х годов: «На 4-м лагпункте тракта Чибью-Крутая находились две бригады

землекопов, состоявших из крупных руководителей Грузии и среднеазиатских республик.

В грузинской бригаде был только один русский с десятилетним сроком – Мастепанов Сергей Данилович. Бригадиром был Накашидзе. В бригаде были: Толквадзе, Кирквелия, Цанава, Думбадзе, Перицолава – все осужденные с двадцатипятилетним сроком, и только один из них, бывший ученик 10-го класса Мелия, имел 10 лет ИТЛ. Все они вскоре были расстреляны за исключением Мелия, покончившего жизнь самоубийством. Из всей бригады в живых остался только Мастепанов.

Вторая бригада состояла из первых секретарей ЦК, областных и республиканских, председателей Верховных советов и их заместителей, прокуроров, видных политических деятелей и писателей среднеазиатских республик. Известно, что почти никого из них не осталось в живых так же, как и грузин»⁵¹.

На строительстве этого тракта, при выполнении непомерной нормы, заключённые должны были получать в день килограмм чёрного хлеба, на остальных работах – 600-800 гр., при невыполнении нормы – 300-400 гр., в штрафном изоляторе – 200 гр. Мяса полагалось 2 кг в месяц, но это была солонина, чаще всего заменяемая рыбой. Из овощей давали турнепс, редко кислую капусту, ни масла, ни молочных продуктов не полагалось⁵². Участник работ на «гибельном тракте» К.П.Гурский уточняет подробности условий труда и быта заключённых: «Работающий зек, согласно раскладке, на день получал 8 гр. комбизжира или наперсток растительного масла... Хотя на человека выделялось 2 кг мяса в месяц (для сравнения отметим, что солдату в царской армии полагалось в день 400 грамм мяса, а в современной России в соответствии с нормой прожиточного минимума в

⁵¹ Константин Петрович Гурский / Сост. А.И.Галкин (Серия «Люди Ухтпечлага», вып.1). Ухта, 2003. С.64.

⁵² Канева А.Н. Ухтпечлаг в 1929-1938 гг. // Это нашей истории строки. Сообщения и материалы краеведов г. Ухты. Сыктывкар, 1990. С.40,44

год полагается 37,4 кг., т.е. только на 30% больше гулаговской пайки, по 100 гр. в день. – *Авт*), он никогда его не видел. Получаемое на кухню мясо, в основном в виде костей и сухожилий, повар утаивал для себя и своих приспешников, подхалимов – «шестерок». Мясо оставалось на базе для вольнонаемных, вохровцев и нужных людей.

От здорового человека через 2-3 месяца на трассе оставался скелет. Смертность была ужасная: из этапа в 500 человек через три месяца в живых было несколько десятков жалких «доходяг». Покойников хоронили в «общих» могилах. На небольшом колышке указывались только их личные номера, но не фамилии. Зимой трупы сбрасывали в проруби (если поблизости была речка) или закапывали в снег. Я сам это видел в Седью»⁵³.

Работавший на строительстве участка железной дороги Сосногорск – Печора (Севжелдорлаг) в 1940 – 1948 гг. политзаключённый Алексей Августович Унгер о питании и организации работ сообщает примерно то же: «Строительство этого участка железной дороги начали 14 июня 1940 года. Была только вырубленная просека на всю ширину дороги и поднятый лозунг: «На трассе дождя нет!». Бригады работали по двенадцать часов смена. Лопаты, кирки и тачки передавались от смены к смене, из рук в руки. Первое время хлеба вообще не давали, а отпускали немного муки, из которой заключённые между сменами пытались печь в золе костров «пышки». Мясо снилось только во сне. Привозили так называемые «сухие овоицы», которые оказывались одной свёклой и то с червями. Всё привозное разгружалось в конце лежневки, где не было не то что склада, а даже не было никакой крыши. Из травы Иван-чай варили баланду, где плавала редкая крупинка самой никудышной крупы. Да и эту «роскошь» не успевали вовремя подвозить к месту работы!»⁵⁴. Бывший в лагере в районе Вычегды политзаключё-

⁵³ Константин Петрович Гурский/ Сост. А.И.Галкин. С.27.

⁵⁴ Унгер А.А. «Отдали свои жизни без остатка» // Заря Тимана. 1992. 29 октября. С.2.

ченный Ш.Г. Блимготов вспоминал: *«Каждый день заключённых выводили в тайгу на заготовку бревен. Кормили баландой, да кусок хлеба в придачу с солёной рыбой давали. Выдерживали не все, умирали. Но лагерь пополнялся новыми политзаключёнными. Не читали ни газет, ни радио не слушали. А потому и о войне узнали поздно»*⁵⁵. Заключённые печорских лагерей работали на износ организма и вымирание. Дорога Чибью – Крутая была завершена в 1942 году.

На Водном промысле в 1939 г. Сергей Данилович работает помощником каменщика Германа Вебера (в свое время он прибыл по линии МОПРа в СССР) на строительстве цеха кристаллизации. В 1940 – 1941 гг. Мастепанов уже выполняет работу нормировщика, затем трудится оперативным статистиком, а позднее – плановиком-экономистом. Но и относительно «лёгкие» условия жизни на Водном промысле не могли уже ничего изменить. Ещё не дожив и до тридцати лет он превратился в «доходягу».

Вследствие хронического недоедания, авитаминоза, нехватки белков у заключённых возникал необратимый процесс полного истощения организма, оканчивавшийся, как правило, смертью. Дистрофия, пеллагра, цинга, авитаминоз, обморожения, увечья постоянно сопровождали заключённых Ухтпечлага. «Высокая» гулаговская комиссия из Москвы, делавшая «выбраковку» уже использованного человеческого материала, в 1943 году в своем заключении относительно Мастепанова записала: «Восстановить здоровье невозможно, а поэтому дальнейшее пребывание в местах заключения считать нецелесообразным». Однако III-й отдел (политический) ГУЛАГа по этому вопросу имел своё мнение: «Вопрос о досрочном освобождении из мест заключения оставить до особого распоряжения». С.Д. Мастепанов был записан в «списочный состав» больницы (т.н. список «СС») как неизлечимый больной, обречённый умирать на больничной койке.

⁵⁵ Пархоменко Н. «Враг народа» // Ленинское знамя. 1990. 15 сентября.

Но молодой организм справился с болезнями. В 1944 – 1947 гг. С.Д. был коечнобольным в печально знаменитой Ветлосянской слабкоманде. Ветлосян – небольшой пере-сылный посёлок, в котором находился лечебный лазарет-стационар для лечения ослабленных, больных и травмиро-ванных заключённых; там же построили знаменитый по всему Ухто-Ижемскому лагерю штрафной изолятор (ШИЗО), в котором довелось сидеть и Мастепанову. Позже он лечился в Центральной больнице ОЛП №1 в Ухте; по мере выздоровления помогал доктору Владимиру Иосифо-вичу Вознякевичу в медицинско-канцелярской работе, по- том работал начальником канцелярии больницы. Здесь, в «больничке», его спасал медбрат, бывший профессор Вар-шавской военно-медицинской академии Генрих Оскарович фон Адольф, с которым Мастепанов был знаком ещё с 1940 г. во время работ на тракте Чибью-Крутая: *«Когда на трак-те Чибью-Крутая я болел тяжёлой формой цыгги: не мог уже ходить и всё время лежал под тёплой трубой в палат-ке, он всегда мне приносил пайку хлеба, ходил на кухню за баландой для меня всё время, пока я «доходил» под трубой, месяца два или три, а затем меня обнаружил болгарский врач Катранов, и я был госпитализирован. С тех пор мы с ним почти не разлучались...»* В Ветлосянской слабкоманде С.Д. Мастепанов познакомился с украинским писателем-юмористом Остапом Вишней – Павлом Михайловичем Гу-бенко, который работал здесь санитаром, а также с комко-ром Александром Ивановичем Тодорским, бывшим началь-ником военно-воздушной академии им. Жуковского, кото-рый некоторое время в Ветлосянском госпитале работал лекпомом. Один из «пациентов» Ветлосянского лазарета, Александр Григорьевич Гольдберг, вспоминает о тяжёлых повседневных обстоятельствах тех дней: *«...Заключённые умирали ежедневно по 15-20 и более человек. Смертность стала зловещей реальностью. После посещения морга, где лежало 11 трупов заключённых с болезнью пеллагры, я был глубоко потрясен. Передо мной лежали трупы людей, до-*

шедших до крайнего истощения. Они казались похожими друг на друга, почти у всех вместо глаз впадины, лица худые, морицинистые, щёки впалые, вместо живота – яма. По всему телу, особенно на ногах и руках, кожа отвисла от костей, казалось, мяса совсем не было»⁵⁶.

Последствия лагерных испытаний не раз проявлялись в виде болезней в последующие десятилетия «свободной» жизни. В начале пятидесятых Сергей Данилович оказывается в стационаре в Отрадненском тубдиспансере, затем ему в 39 лет врачи ставят диагноз: хронический суставной ревматизм и миокардиодистрофия I степени.

Опыт лагеря убедил Мастепанова, что главной ценностью для человека является всё же не хлеб, а свобода. В 1991 г. он вспоминает: *«Как-то нас осенью повели на работы в карьер через убранное капустное поле. Конечно же, как всегда, мы были чудовищно голодны. А в бороздах кое-где соблазнительно белели капустные листья. Шли мы колонной по двое, и вот сосед сзади, из новеньких, выскочил из колонны. Он успел сделать два-три шага, не больше. Я даже явственно услышал, как хрустнул капустный лист в его сжатой ладони. Следом прозвучал выстрел. Пуля попала в затылок, и бедняга ткнулся лицом в борозду.*

Вот тебе и вся цена человеческой жизни.

Тогда я страшно позавидовал тем бездомным псам, которые хоть вечно голодны, но могут постоять за себя и свободно передвигаться, куда им вздумается»⁵⁷. Может быть поэтому, после освобождения, Сергей Данилович всегда и везде, до конца своих дней, насколько позволяло здоровье, всегда отдавал предпочтение пешему маршруту по полям, через горы, вдоль лесополос, а не проторённым дорогам и автобусным рейсам. Все его знали как любителя «пешего хождения». Одному из авторов удалось сделать запись воспоминаний бывших учениц с. Петровского о Сер-

⁵⁶ Терентьев А. Ветлюская слабкаманда // В недрях Ухтпечлага. Вып.2. Ухта, 1994. С.30.

⁵⁷ Булычёв В. Феномен и парадоксы учителя Мастепанова // Ухта. 1991. 19 октября.

гее Даниловиче, и они, теперь уже бабушки, прежде всего вспомнили, как в летнюю ночь со своим учителем по приурупским *катавалам* ходили пешком в Отрадную для оформления документов на паспорта (надо было поспеть к утру в паспортный стол), чтобы, получив документ, затем выехать в Черкесск для поступления в педагогическое училище. И когда ему было 80, Мастепанов неожиданно решился на поездку в Ухту, на встречу с оставшимися в живых узниками Ухтпечлага, в подарок повёз чемодан с яблоками и орехами из своего сада, и часть пути до станции от дома всё равно прошёл пешком, затем преодолел с грузом «горный перевал», по его словам, «где на своих двоих, где на четвереньках».

Не случайно первая заметка о нём в «Учительской газете» вышла под названием «Своя тропа», а корреспондент Л.Осадчая назвала в 1986 году свой очерк «Тропа Мастепанова». Движение *пешки*, по-донскому, или *трамваем 11 номера*, как позднее он записал это городское выражение в своём блокноте, стало для Мастепанова синонимом свободы; двигаясь пешком можно было экономить время, свободно выбирать маршрут, а может и уберечь *свою* свободу, поскольку для него, только что *вышедшего*, опасность большую представляли не степные волки, а встречные люди. Кроме того, только *своя тропа* в науке может привести к открытиям.

Опыт личного и человеческого выживания в условиях лагерного лагеря и тоталитарной системы навсегда сформировал многие привычки, поведение, мышление Сергея Даниловича, фактически он из ГУЛАГа вышел, но психологически оставался по-прежнему его пленником, внешне зона сменилась на вольное поселение, но и здесь, «на воле», вряд ли можно было считать советского человека свободным. Тем не менее, С.Д. Мастепанов сохранил главное – свою жизнь. Жизнь, которая, как божественное чудо, дается человеку единожды. Он не умер в лагере, не погиб на войне, ему выпала тяжёлая участь – ЖИТЬ! Вероятно, об этом он

задумывался не раз, испытывая часто состояние глубокой депрессии, особенно в первые годы после освобождения. Часто думал Сергей Данилович об этом и позднее, размышлял и в августе 1995 года, когда сделал небольшую вырезку из газеты «Вечерняя Москва», присланной ему одним из активистов «Мемориала»⁵⁸. По подсчётам комиссии при президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести в СССР, с начала процесса коллективизации в 1929 году и до смерти Сталина в 1953 году 21,5 миллионов человек подверглись репрессиям. Треть репрессированных была расстреляна, треть погибла в лагерях и только треть была реабилитирована после XX съезда КПСС. Для сравнения укажем, что по данным этой же комиссии, число советских граждан, погибших в годы Великой отечественной войны, составляло тогда 26 миллионов 452 человека⁵⁹. Судьба приговорила его к... жизни!

Освобождение

4 декабря 1947 года Мастепанов Сергей Данилович, осуждённый тройкой УНКВД СССР по Орджоникидзевскому краю 28 декабря 1937 г., вышел на свободу. После 10 лет заключения его выпустили уже из ИТЛ «АО» (лагерь разрастался и название вновь изменили). На волю заключённый вышел с формулировкой: «по отбытии срока наказания с зачётом рабочих дней за хорошие производственные показатели». Позднее он вспоминал: *«Я был освобождён как бы досрочно, с учётом 21 дня, которые мне давались на оформление освобождения и на дорогу до места назначения*

⁵⁸ Московские газеты с публикуемыми списками репрессированных Мастепанову регулярно присылал Леонид Лукич Чижевский, сын репрессированного, отбывавшего срок в Ухте. Л.Л. Чижевский (ум. в 2005 г.) был членом комитета «Набат», в девятностые годы боролся за улучшение социально-правового и материального положения реабилитированных, за исполнение властями Закона 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

⁵⁹ Вечерняя Москва. 1995. 8 августа.

в аул Сары-Тюз. Дня за два до нового 1948-го года я прибыл в Сары-Тюз, где жила моя мать». Бывший заключённый получил продовольствие на 13 суток, и ему были возвращены «личные деньги» в сумме 1258 руб. 64 копеек. (Для сравнения отметим, что в 1946 г. на станции Ижма заключённые просили 100 руб. за буханку хлеба, стакан крупы, а пачку махорки продавали по 30 руб.). Американский писатель Джон Стейнбек, побывавший в СССР, в 1947 г. писал, что заработок чернорабочего тогда составлял не более пяти-сот рублей в месяц, рабочего неполной квалификации – тысячу рублей в месяц; в столичных магазинах особенно высокие цены были на одежду: хлопчатобумажные рубашки стоили шестьдесят пять рублей, резиновые галоши – триста рублей, портативная пишущая машинка – три тысячи рублей⁶⁰. Впрочем, на пишущую машинку Сергей Данилович за свою жизнь так денег и не насобирал, писал перьевой ручкой, а стоимость пропитания в провинции было гораздо выше, чем в столице. Из Ухты Мастепанов добрался до Москвы, остановился временно у некоего Виноградова (имя и отчество позднее забыл), но адрес его дал ему сын этого москвича, только что оказавшийся узником Ухпечлага.

Выписывавший справку 3612/26082 был невнимателен, а вернее, следовал букве документов на заключённого, фамилия освободившегося записана как Мостепанов, а вместо 1913 года рождения был проставлен 1911 год (эти данные повторены в личном листке по учёту кадров, заполненном С.Д. в 1951 г., и в справке, выданной для общества «Мемориал» в 1993 г.) С.Д. Мастепанов следовал к месту жительства – в аул Сары-Тюз Усть-Джегутинского района Ставропольского края. Справка видом на жительство не служила и при утере не возобновлялась.

Что же помогло ещё совершенно молодому человеку, безвинно осуждённому и начавшему с 11 мая 1938 г. отбывать срок в Ухтижемлаге НКВД, выдержать эти нечеловече-

⁶⁰ Стейнбек Джон. Русский дневник. М., 1989. С.87,102.

ские испытания в течение десяти лет и вернуться живым в полуголодный 1947 год домой, где его практически уже не ждали? Скорее всего, природный казачий характер, хотя в анкетах он писал о своём социальном положении «из крестьян», или употреблял вообще украинское книжное слово «хлебороб» («родился в семье хлебороба»). В 30-х гг. слова и «крестьянин», и тем более «казак» – термины устаревшие и провокационные, особенно в анкетах, заполнявшихся в НКВД. В советском канцелярском новоязе начала коллективизации, когда термин «колхозник» ещё не вошел в широкий обиход, повсеместно использовалось слово «хлебороб», а потом, в 1960-1970-е годы, это слово перейдёт в лексикон «высокого» газетного стиля. Мастепанов хотя и называл себя «хлеборобом», но по-прежнему оставался казаком – казаком по духу, по поведению, по складу мышления, что и помогло ему выжить.

В 30-е годы С.Д. увлекался не только изучением иностранных языков, эсперанто, но и занимался каллиграфией. Это искусство письма, после изобретения шариковой ручки утраченное окончательно в наших школах, в сознании современного человека ассоциируется больше с культурой Китая и Японии. Однако в послереволюционные годы умение красиво и правильно писать высоко ценилось. Письмо Сергея Даниловича отличалось чёткостью, имело особые черты – крупные с лёгким наклоном вправо, почти квадратные буквы, такие буквы мог писать только человек, осмысляющий каждое слово, фразу. Предложения всегда завершены, чаще всего простой конструкции. Почерк – это зримое отражение характера и мышления. До конца своих дней С.Д. пользовался перьевой ручкой, ею он заполнял маленькие, в два спичечных коробка, нарезанные из серой дешёвой бумаги свои библиографические карточки. Именно об этом почерке, как зеркале характера, московский графолог Леонид Мелентьевич Кожебаткин 16 мая 1935 года напишет следующее заключение: *«Практически утилитарный ум. Реально-практическое направление интересов. Чутьё ре-*

альности, тяготение к ней. Привык оперировать фактами. Проявляет волю обдуманно. Придя к определённом решению, способен проявить исключительное хладнокровие и самообладание. Умеет учесть момент. При неудаче сразу же старается предусмотреть новый исход. Не любит отступать от поставленных целей. Трудно изменяет принятые решения. Известной дисциплине и работе отводит одно из первых мест. Чувствует себя не по себе, оставляя что-либо недоделанным. Усидчив. В деле умеет добиться определённого положения, более или менее независимого. Не любит вмешательства в его работу лиц, хотя бы и выше стоящих, но мало компетентных в ней. Умеет систематически работать. Чувствует себя уверенно лишь в деле тщательно изученном. Умело выходит из затруднительного положения. Рано проявившаяся самостоятельность. Когда речь идёт о выполнении того, что автор считает своей обязанностью, долгом, то ни соблазны личного характера, ни просьбы близких не в состоянии сбивать с того пути, который представляется единственно правильным».

Ухтпечлаг не изменил характера Мастепанова, но и сталинский режим в стране не изменился, и это обещало 34-летнему бывшему узнику большие проблемы при возвращении к гражданской жизни.

В сталинские времена жёсткого запрета на учительскую профессию, в отличие от нынешних демократических, кажется, не существовало. Отбыв свой срок в Ухтпечлаге, бывший «контрик» С.Д. Мастепанов, вновь оказывается на учительском поприще, теперь по месту прописки и фактического эмгэбэшного (в 1946 году все народные комиссариаты были переименованы в министерства) надзора.

Учитель немецкого

С 1 марта 1948 г. он устраивается преподавателем немецкого языка в Сары-Тюзскую семилетнюю школу, где

директором был его брат, фронтовик и орденосец – Михаил Данилович Мастепанов. Язык недавних оккупантов дети послевоенной поры в школах не любили, но изучение этого языка, как школьной дисциплины, никто не отменял. Учебники были примитивными, наполненные текстами в духе бывшей коминтерновской пропаганды, но чаще всего в школах и таких учебников не было. И тогда единственными средствами обучения были классная доска, мел и собственные знания учителя. Тогда ещё учитель был источником знаний для ученика.

И хотя, как указывал С.Д. в личном листке по учету кадров при приеме на работу, его родители происходили из «бывшего сословия крестьян», и до Октябрьской революции и после занимались сельским хозяйством, свое основное занятие он уже указал как «преподавание», а в пункте «8. Социальное положение» написал – «служ[ащий]». Основную профессию и социальное положение по инструкциям того времени для членов и кандидатов в члены ВКП(б) следовало указывать к моменту вступления в партию, а для беспартийных – к началу работы в государственном аппарате. С.Д. вспомнил о своей преподавательской деятельности в течение четырех лет до своего заключения и решил продолжить работу в школе. Для работы на колхозных полях бывший лагерник, с ослабленным здоровьем, явно был негоден, кроме того, в 1922 году он поломал правую руку, вследствие чего возникла деформация правого локтевого сустава с ограничением функций. Но предъявить документы о своем образовании сразу С.Д. не мог – их не было, то ли они сгинули в архивах НКВД, то ли во время оккупации, но ни справки, а тем более диплома об окончании «Государственного центрального института заочного обучения иностранным языкам» («ИН-ЯЗ») у Сергея Даниловича не было.

8 марта 1948 года на письмо С.Д. Мастепанова восстановить его документы об окончании заочного института «ИН-ЯЗ», из Москвы ответили, что курсы обучения ино-

странным языкам были реорганизованы в 1939 году, учебное заведение именуется «курсами», а не институтом, выдает только справки об окончании трёхлетнего обучения, которые прав на преподавание языка не дают. Но справок Мастепанову не дали, и оставался один выход – повторить весь курс обучения ещё раз.

Может показаться, что директор семилетней школы всё-таки на свой страх и риск принимает бывшего «зэка» Мастепанова на преподавательскую должность, (нельзя не помочь брату), а С.Д. обещает, что в ближайшее время необходимые документы предоставит. Но такие предположения неверны. Недавний заключённый находится под бдительным оком местных органов внутренних дел. Только в 1990 г. С.Д. вспомнит о той ситуации более откровенно: *«В 1948 году ОГПУ направило меня на работу учителем немецкого языка в Сары-Тюзскую школу, где я проработал один год, а затем по Указу 1949 года (кажется за №448 или 248) я был от работы освобождён. Нависла угроза повторного заключения (за старое, со сроком «до особого распоряжения»), и я вынужден был жить в Краснодарском крае на полунелегальном положении»*. Именно о том трудном периоде Мастепанов как-то поведал писателю Г.Л.Немченко: «Когда вернулся с Печоры, многие старые друзья от меня в станице бежали, как от чумы... Иду по одной стороне улицы – он на другую быстрёхонько переходит». Но всегда находились люди, которые сохранили честь и достоинство, которые могли противостоять несправедливости и протянуть руку помощи, таких людей режим не мог запугать. При первой же встрече с Мастепановым, после освобождения, ему дал «положительную характеристику» отраденский прокурор Леонид Степанович Немченко. За судьбу своего брата, и до войны и после, боролся Михаил Данилович. Случайно или нет, но в записях пятидесятых годов С.Д. выписывает из Энциклопедического словаря Сойкина этимологию имени Михаил – «древнееврейское имя, буквально означающее «кто, как Бог», в древнееврей-

ской и христианской мифологии Архангел, победивший сатану».

Вероятно, угроза повторного заключения и почти безвыходная ситуация с работой, вызвала официальное обращение С.Д. Мастепанова в Президиум Верховного Совета РСФСР с жалобой на необоснованное обвинение в «контрреволюционной деятельности» в период «ежовщины». Написана она была не без поддержки брата Михаила. В жалобе Сергей Данилович отмечает, что его дело было положительно пересмотрено в 1939 году. Заместитель прокурора Карачаевской автономной области Эркенов сообщал матери С.Д. о том, что вынесено решение об освобождении С.Д. Мастепанова, как безвинно осужденного, но документы в Ухтпечлаг не поступили; началась война и оккупация, все дела или были уничтожены целенаправленно, или погибли; осужденному пришлось отбыть весь срок, до декабря 1947 г. В обращении в Президиум ВС РСФСР он просил о реабилитации и снятии судимости в соответствии со ст.55 УК. Чем закончилось именно это дело, неизвестно, документов в семейном архиве не сохранилось.

Отсутствие необходимых бумаг, подтверждающих квалификацию учителя немецкого языка, пришлось объяснять начальству. Тем не менее, качество своих знаний по немецкому языку Мастепанов определяет оценкой «хорошо», что в дальнейшем и попытался подтвердить. В заявлении на имя заведующего Усть-Джегутинским РайОНО от 1 мая 1948 года он пишет: *«Прошу назначить меня преподавателем немецкого языка в одну из школ района.<...> Документы об образовании погибли во время оккупации. Получить дубликат свидетельства об окончании курса общественно-политических переводчиков мне не удалось ввиду реорганизации Института. Для получения подобного свидетельства мне пришлось поступить на 3-х летние заочные курсы иностранных языков, дающие звание переводчика. Эти курсы я обязуюсь окончить не позднее 1.VI. 1949 г.»*.

Оканчивался 1947/48 учебный год, и в апреле-мае уже готовилось новое штатное расписание, необходимо было успеть получить место работы. С.Д. был холост, но на иждивении находилась престарелая мать, которой было уже более 60 лет.

Уже в феврале 1948 г. С.Д. разыскивает московский адрес курсов «ИН-ЯЗ» и получает условия приёма. Заочники учились на отделениях английского, немецкого и французского языков. Учебный план был разбит на три курса. Срок обучения мог быть сокращён в зависимости от успеваемости. Для зачисления требовались всего лишь заверенная и заполненная анкета, автобиография и фотокарточка (маленькая). Её потом потребовали от «курсанта» Мастепанова. (Для «Личного листка по учёту кадров» тогда требовалась большая фотография – 6х9 см). Приём на первый курс проходил без испытаний. По окончании 2-го курса учащемуся выдавалась справка о получении знаний по иностранному языку в объёме программы средней школы. Лицам, окончившим 3-й курс и сдавшим испытание, выдавалось свидетельство о получении знаний по иностранному языку в объёме программы ВУЗов и ВТУЗов. Обучение было платное, в том числе и за счёт предприятия, но у органов образования, как всегда, денег не было, и С.Д. оплачивает обучение сам, иногда задерживая оплату. При задержке оплаты приостанавливалась проверка контрольных, не высылались «лекции» и тексты упражнений. Нередко выполненные работы пропадали на почте, так и не доходя до проверяющего, или не возвращались обратно адресанту.

По льготному тарифу, 15 апреля 1948 г., С.Д. оплачивает первый курс в сумме 65 рублей, и в мае приступает к выполнению контрольных работ. Контрольные работы выполнялись в обыкновенных школьных тетрадях. Тексты первого года для перевода примитивные, но хорошо передают дух времени. Приведём только два примера.

«На полевой кухне варит колхозница, товарищ Павлова. «Подходите товарищи, – зовёт она, – обед готов».

«Что сегодня?» – спрашивают товарищи. – «Щи с мясом, потом пищённая каша с молоком». Таким было представление московских «совбарышень», составлявших тексты, о счастливой и сытной жизни колхозников послевоенной Страны Советов. Другой текст, для перевода – «Поступок героя», хотя касался актуальной для того времени темы, связанной с борьбой китайского народа против японских захватчиков, не мог не навеять С.Д. воспоминания из его собственного недавнего прошлого: «... В подвале дома находилось много горожан, крестьян и партизан. Они лежали в подвале и ожидали приговора. Лица были бледные и усталые, но спокойные. У дверей подвала стоял часовой.

Среди арестованных был мужчина лет сорока. Он был маленький и худой. Он тоже ожидал приговора.

Вдруг в дверях появился офицер и несколько солдат. Они обыскивали арестованных в последний раз. Лицо мужчины оставалось спокойным <...> Солдаты вывели мужчину из подвала во двор к гаражу. Там он должен был ожидать, быть может, приговора!»

К 9 сентября 1948 г. С.Д. успешно завершает первый курс, через неделю оплатил учёбу на 2-м курсе в сумме 70-ти рублей, его уже интересует будущая сдача выпускных экзаменов, и он беспокоится по вопросу – предоставляют ли Курсы на время сдачи экзаменов общежитие, поскольку знакомых в Москве не имеет. За третий курс сумма оплаты увеличилась до 140 руб. и была выслана 3 января 1949 г. из Сары-Тюза, а 6 апреля С.Д. получает справку об окончании второго курса. Учёба на третьем курсе давалась тяжелее, много ошибок было и в переводах и грамматических упражнениях, но к октябрю 1949 г. все задания также были выполнены. Учитель Мастепанов планирует заниматься также и английским языком, но группа на Курсах вовремя не собирается и он продолжает обучение на четвёртом «немецком» курсе. В письме Дирекции Курсов оговаривалось, что четвёртый курс «Техника перевода» – «общеобразовательный, прав и специальности не даёт». Стоимость

обучения на этом курсе составляла 280 рублей в год. Зачислен был на этот курс С.Д. 18 апреля 1950 г. и работал под руководством преподавателя А. Митропольской, которая иногда интересовалась, нравятся ли тексты для переводов «учащемуся» Мастепанову. Среди «барабанных» текстов, посвященных языковым способностям К.Маркса, «светлым» сторонам колхозной жизни, темам несправедливого суда в буржуазном государстве, потребительской стоимости при социализме, задачам, которые стоят перед Академией Наук СССР при выполнении очередного пятилетнего плана, «переводчик» С.Д. Мастепанов вряд ли обратил тогда внимание на фразу: «Наша Академия является центром лингвистики не только в СССР, но и во всём мире». Вряд ли тогда, в августе 1951 года, Сергей Данилович задумывался о лингвистике, паремиологии как науках, вряд ли мог предполагать, что библиография паремиологических изданий станет позднее его главным содержанием жизни.

Наконец, 13 ноября 1951 года С.Д. Мастепанов заканчивает свою учёбу на Государственных центральных курсах заочного обучения иностранным языкам «ИН-ЯЗ» и получает справку, что он обучался с 1948 по 1951 год на отделении немецкого языка и получил «знания по немецкому языку в объёме программы высших учебных заведений Министерства высшего образования СССР». Письменные испытания он сдал с оценкой «3». Он не успел уложиться в обещанный срок – завершить курсы к 1 июня 1949 года. Учёба растянулась на два дополнительных года, и преподавателю из небольшой школы в отдалённом приурупском с. Петровском Отраденского района было уже 38 лет. Тем не менее, успех его воодушевляет, и, несмотря на советы наставницы Митропольской «читать побольше и по-немецки, и по-русски», С.Д. приступает на этих же курсах к изучению нового языка, английского, вероятно, находя в переводах и грамматических штудиях спасение и отдушину от господствовавшей тогда в стране официальной партийной идеологии и пресловутой борьбы с космополитизмом. Уже никогда

не установить, как воспринимали своего ученика преподаватели курсов «ИН-ЯЗ», знавшие его анкету (О. Иванова, А. Митропольская, Шмулевич, Е. Яковлева), и кто они были по основной профессии, в жизни, «подрабатывавшие» на курсах. (Например, А. Митропольская 9 ноября 1951 года пишет рецензию на контрольную Мастепанова редкой по тем временам шариковой ручкой!). Они никогда не выходили за рамки официальных рецензий, ничего личного в их ответах не проскальзывало, но уже и этим, той же сдержанностью и требовательностью, они исподволь поддерживали своего ученика, хвалили, но не забывали беспощадно указывать на ошибки, направляя его по нелёгкому пути самообучения. Следует отметить, что С.Д. Мастепанов получает «справку», а не «диплом». Справка не давала права на преподавание в школе, но в послевоенных условиях, когда катастрофически не хватало учителей в школах, «справка» и небольшие, но твёрдые практические навыки в знании иностранного языка, имевшиеся у её обладателя, а также огромная самодисциплина, стремление к самообразованию давали шанс выжить, получить работу, хоть как-то позволявшую сводить концы с концами и... читать книги! Преподавание и работа учителя оценивалось нищенской зарплатой, которая не обеспечивала даже необходимый уровень биологического выживания, но это всё же позволяло жить на свободе, мечтать, верить в грядущие изменения, заниматься любимым делом.

Вероятно, опасаясь повторного ареста, Мастепанов меняет место жительства, и с 20 августа 1949 г., на основании заявления в Отраденское районо, получает направление в Петровскую среднюю школу; необходимость переезда мотивируется состоянием здоровья. Советский поэт А.В. Жигулин, попавший в сталинский лагерь в семнадцать лет, пишет, «что 1949 год был апогеем «второй волны», когда были посажены многие, бывшие в плену, все *повторники*, то есть люди, которые хоть когда-либо были репрессированы. Было много и новых дел, особенно по статье 58-10 (за язык,

то есть за анекдот, за неосторожное слово в адрес Сталина и т.п. – пункт 10 – антисоветская пропаганда) и др.»⁶¹. Угроза повторного осуждения была реальная. Сталинский режим «наращивает» контингент ГУЛАГа после 1948 г. Если на 1.01. 1937 г. в ИТК и ИТЛ всего СССР находилось 1 196 369 человек, то в 1950 – 2 561 351 человек, в два раза больше; так же вдвое увеличилось число осуждённых за «антисоветскую деятельность» - до 33% на начало 1954 года⁶².

22 июня 1949 года С.Д. Мастепанов обращается за пересмотром своего дела в Ставропольскую краевую прокуратуру, но, вероятно, не получает удовлетворительного ответа, затем следует обращение на имя Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, а по поводу своей работы – в Министерство просвещения РСФСР. Заместитель начальника управления кадров Министерства просвещения Емельянова предлагает ему решать все вопросы в Ставропольском крайОНО.

Вопрос о своей «реабилитации» Сергей Данилович так и не смог сдвинуть с мёртвой точки; документы собирались для направления и в краевые органы, и в центральные органы, несмотря на неблагоприятную для решения этого дела внутривластную обстановку. 14 декабря 1949 года брат пишет ему записку: *«Сергей! Посылаю тебе просимое. Постарайся поскорее послать. Может быть, в связи с 70-летием товарища Сталина будет амнистия. Жалею, что ты тогда не зашёл. Мы бы давно уже послали. До свидания. Тороплюсь на урок. Михаил»*.

С 1949 года Сергей Данилович работает учителем немецкого языка 5-7 классов семилетней школы №2 Петровского сельсовета. Директор школы Луньков 26 февраля 1951 года характеризует Мастепанова положительно: *«Немецкий язык и методы его преподавания знает хорошо, учащиеся изучают его с усердием, заинтересованы в знании*

⁶¹ Жигулин А.В. Чёрные камни. М., 1989. С.74.

⁶² Моруков М.Ю. Указ. соч. С.185, 187.

немецкого языка. Излагается материал учителем ясно. Как классный руководитель справляется с этой работой вполне удовлетворительно. Порученную общественно - политическую работу выполняет аккуратно».

С 1949 по 1955 год Сергей Данилович пытается собрать информацию о дальних и ближних институтах иностранных языков (его внимание даже привлекает Московский институт востоковедения и школа переводчиков при нем), он уже понимает: чтобы завершить своё обучение, необходимо получить высшее образование, но непреодолимым препятствием становится отсутствие документа о среднем образовании вообще (ведь школу С.Д. так и не окончил), а затем сказывается возраст, необходимость добывать средства к существованию, увлечение книгами, собирание пословиц и поговорок. Последнюю попытку поступить на заочное отделение Ставропольского пединститута иностранных языков, предоставив справки из московского «ИН-ЯЗа», он сделал, уже работая в с. Петровском, но документы не удовлетворили приёмную комиссию.

О том, как жил и работал в с. Петровском учитель немецкого в те трудные 1949 – 1955 годы напишет потом один из первых учеников Мастепанова – В.В. Шевченко. Ученик вспоминает в 1990 г., будучи инженером - технологом Института механики АН УССР, человеком уже взрослым, но как свежи детские воспоминания о необычном наставнике:

«Одевался он более чем скромно: костюм, туфли, лёгкое пальто. И – без головного убора в любое время года. Воротник рубахи нараспашку. Всё просто, но опрятно. Жил один. Из села почти никогда не отлучался. Думалось, что во всём мире нет у него родной души. Во всяком случае, не помню, чтобы его кто-то навещал. Однако не помню и случая, чтобы его не осаждали то ученики и учителя, то односельчане, а то и все скопом. И всегда он увлечённо о чём-либо рассказывал, а все с жадным интересом и неподдельным уважением слушали «ходячую энциклопедию».

Главным в его комнате были книги, которые лежали от пола до потолка везде, где только появлялась возможность что-то положить. Они и теперь вызывают повышенный интерес у всех, но тогда для нас являлись чем-то загадочным, так как добрая половина книг была на самых разных (непонятных нам) языках. Предмет же особой заботы Сергея Даниловича – карточки (половинки листов из ученических тетрадей), на которых красивым каллиграфическим почерком написаны тысячи пословиц, поговорок и загадок с указанием их источников (библиографией). Учитель, провожая нас домой, всегда вынимал и зачитывал несколько пословиц, поговорок и загадок. <...> В такие минуты (ещё в 1952 году) я впервые узнал его заветную мечту о том, что где-то лет через 40-50 (если всё будет хорошо, а он - жив и здоров) эти карточки выйдут одной большой книгой под названием «Мудрость народов мира». <...> День за днем шли годы, росли мы, набираясь ума. Но так получалось, что все тянулись к Сергею Даниловичу, почти не интересуясь, кто он, откуда. Просто нам было хорошо с ним»⁶³. В письмах выпускников школы с. Петровского, вступивших в «большую жизнь» (сохранилось несколько писем 1957 – 1959 гг.), часто звучат нотки ностальгии о школьном периоде жизни, дружбе с мудрым наставником и тёплые слова благодарности. Вот некоторые отрывки из писем: «Правда, Сергей Данилович, у нас была хорошая жизнь в школьные годы! Иногда до слёз доходит, когда всё вспоминаешь. Теперь, когда я слышу пластинки «О, Мари», «Жемчуг», «Голубка» и др. у меня всё перед глазами встаёт: Петровка, ваша комната, полная книг, и наши девочки. Честное слово, хочется плакать, когда вспоминаешь всё»; «Хорошее всё же у Вас свойство: помнить старых знакомых»; «По немецкому работу похвалили, но мне так и хотелось сказать преподавателю, что я этого не заслужила,

⁶³ Шевченко В. Прометей. История сельского учителя, «врага народа», ставшего учёным, признанным ООН, рассказанная его учеником // Кавказская здравница. 1990. 6 ноября.

а благодарность нужно вынести Вам»; «Мне до сих пор представляется, что Вы сидите, что-то пишете, а вокруг столько книг, которые так хотелось читать, но Вы иногда отказывали, беспокоясь, что я не буду учить уроки... А перед Вами стоит патефон, и стопки маленьких книжечек или тетрадей, на которых стоят фотографии...Так и сейчас? Или уже всё по-другому?» Бывшие ученики, даже по прошествии нескольких лет, по-прежнему остаются учениками своего Учителя: вспоминают, спрашивают совета, делятся житейскими проблемами, планами на будущее, иногда просят купить нужные учебники, помочь выполнить контрольную работу по немецкому языку, девушки доверяют сердечные тайны, юноши рассказывают о самостоятельных решениях. И часто спрашивают Сергея Даниловича с некоторой завистью и даже ревностью – а как новые десятиклассники-выпускники, лучше, чем их класс?

Смерть Сталина привела к ослаблению советской репрессивной машины, хотя лагеря по инерции ещё пополнялись, но отток освобожденных становился всё более массовым. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», к весне 1954 г. досрочно было освобождено 1 201 738 человек⁶⁴. В ночь с 24 на 25 февраля 1956 г. Н.С. Хрущёв выступил перед делегатами XX съезда партии с секретным докладом «О культе личности и его последствиях», в стране началась политическая «оттепель», но симптомы её чувствовались даже в таком «медвежьем углу», как Отраденский район. В районной газете «Советское казачество», от 15 февраля 1956 года, впервые появляется упоминание об учителе С.Д. Мастепанове, который помогает учащимся 8-10 классов Петровской средней школы изучать свой родной край: «Члены краеведческого кружка собирают документы и рассказы об истории своего села и района, записывают народные предания, пословицы, сказки и старинные обычаи. Десятиклассник

⁶⁴ Моруков М.Ю. Указ. соч. С.186.

Алексей Момот, например, собрал 149 пословиц, Иван Мо-зуляка – 10 преданий...» И хотя заметка подписана учеником А.Ткаченко, ясно, что её редактировал С.Д., и согласился обнародовать свое имя, а фамилию репрессированного учителя «пустил» на газетную полосу редактор. 11 октября 1956 г. Ставропольским краевым судом С.Д. Мастепанов был полностью реабилитирован. Он покидает с. Петровское и родной ему Отрадненский район. Но найти место работы удалось не сразу. Ещё 22 июня 1956 года из Отдела народного образования г. Черкесска ему ответили, что « в школах Черкесской области вакантных мест нет».

С 1956 года Сергей Данилович учительствует в Красногорской средней школе (ст. Красногорская Усть - Джегутинского района Карачаево-Черкесской области).

В 1959 г. ему временно пришлось вести и уроки немецкого в Хумаринской семилетней школе. С 1960 г. его жизнь оказалась надолго связана с пос. Малокурганный, который по привычке местное население называло посёлок Шахты №6. До выхода на пенсию в 1973 г. он продолжал вести краеведческие занятия со своими учениками из поселковской школы-восемилетки, вместе с ними и туристами, в летний и осенний периоды, часто ходил походами на Хумаринское городище, собирал археологические артефакты.

Сергей Данилович был дотошным и щепетильным человеком, как в работе, так и в повседневной жизни. Он пытался разрешить любые жизненные коллизии по справедливости, в интересах человека, защищая его права, не составляли исключения и права его учеников на получение достойного образования. Когда в Красногорской средней школе вновь прибывшая ученица X класса, изучавшая ранее французский язык, в силу отсутствия французской группы и учителя оказалась перед угрозой, что в её аттестате будет проставлен прочерк – в графе «иностраннный язык», то С.Д. Мастепанов «дошёл» до Министерства просвещения РСФСР и получил соответствующие разъяснения. Ученице предлагалось самостоятельно освоить учебник французского языка

за X класс и сдать экзамен (а был уже февраль 1957 г.), или, в случае отсутствия учителя французского языка, аттестат зрелости предлагалось выдать в порядке исключения, проставив отметку по иностранному языку за экзамен, сданный ею в IX классе.

И ещё один пример. В 1950 – 1960 е гг. в стране повально увлекались шахматами. Школьные шахматные турниры были нормой. В них участвовали и учителя, и ученики. В школах проходили квалификационные турниры шахматистов. Мастепанов был неизменным руководителем шахматных секций. Он выписывал и изучал шахматную литературу. В результате его деятельности, в марте 1954 года, пятая спортивная категория по шахматам была присвоена шести школьникам Петровской средней школы №4: Арнаутову А., Якобсону И., Иваненко В., Юрченко А., Алейникову А., Ткаченко А. Среди его бумаг, периода работы в Петровской средней школе, сохранилась таблица очередного квалификационного турнира из 15 участников, начавшегося с 1 апреля 1954 г.

Когда С.Д. работал в Шахтинской семилетней школе №23, ставшей затем восьмилеткой, он также руководил школьным шахматным кружком. По итогам школьного турнира в конце 1962 г. ребятам следовало присвоить пятый разряд, но Карачаевский районный отдел физкультуры и спорта потребовал представить записи сыгранных партий. Тогда Мастепанов пишет в «Пионерскую правду», и получает ответ от руководителя шахматного отдела газеты, известного международного мастера по шахматам В. Панова, который требовал районного отдела физкультуры и спорта признает неправомочными, а юные шахматисты, набравшие 50 процентов возможных очков, всё-таки получили 5 спортивный разряд.

С.Д. Мастепанов отдал народному образованию на селе 30 лет! Но учитель – это призвание, которое остается с человеком на всю жизнь, даже если он покидает школу по возрасту. Не случайно в дипломах об учительском образо-

вании в послевоенные годы ещё писали – « присвоено *звание* учитель»!

Уже будучи на пенсии, Сергей Данилович не порывал связей со школой и учениками, часто выступал перед учащимися школ области с докладами и лекциями по истории местного края, водил экскурсии к археологическим и природным памятникам Карачая, поддерживал связи с музеями и местными отделениями Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры. Но, как и в предыдущие годы, все выходные и летние месяцы, а С.Д. не изменял своим привычкам, были целиком посвящены «литературно-краеведческой работе» и любимой паремиологии. В возрасте 76 лет, определяя самого себя и своё увлечение для справочника «Каталог коллекционера СССР» Мастепанов напишет, что его вид коллекционирования – афористика, и он собирает литературу о пословицах, приметах, загадках всех народов и на всех языках мира.

В начале семидесятых годов к Сергею Даниловичу обращается с просьбой писатель Борис Иосифович Анин, и просит рассказать о своем учительском опыте. Б. Анин совместно с журналисткой Анной Григорьевной Млынек в это время работал над второй книгой «Учитель в моей жизни» (первая книга⁶⁵ вышла в издательстве «Советская Россия» в 1966 году)⁶⁶. В книге предполагалось рассказать о той роли, которую сыграли школьные наставники в жизни наших современников. Борис Анин просит адреса тех учеников, которые, на взгляд Сергея Даниловича, могли бы рассказать о влиянии Учителя на них; интересуется писателя и увлечение Мастепанова – паремиология: «Интересно было бы узнать, есть ли среди Ваших учеников люди, которые сами увлеклись паремиологией? Если да, то кто это? И ещё один вопрос: был ли у Вас в жизни школьный учитель, ко-

⁶⁵ Анин Б.И., Млынек А.Г., Васильев М. Учитель в моей жизни. М.: Советская Россия, 1966.

⁶⁶ Вторая книга с указанием только одного автора (Анин Б.И. Учитель в моей жизни: Книга интервью. М.: Советская Россия, 1977. – 176 с.) вышла в 1977 г. и издавалась несколько раз – в 1977, 1982 и 1988 гг.

торый оставил заметный след, оказал на Вас влияние?» Внимание писателя к необычному учителю из глубинки само по себе показательно – Сергей Данилович оказался, пожалуй, в первой двадцатке известных учителей России в середине семидесятых годов, и не последнюю роль в этом сыграло его необычное увлечение пословицами.

Вокруг пословиц

Когда у Сергея Даниловича возник интерес к собиранию пословиц и поговорок, неизвестно. Во всех своих газетно-журнальных интервью, которые он давал местным и столичным корреспондентам и писателям, этот вопрос обходится стороной, или, вероятно, он не представлял интереса для ищущих чего-то сенсационного в биографии «учёного-самоучки». Может, и сам Мастепанов интриговал своих «интервьюеров». («Он теперь и сам не может вспомнить, когда началось его увлечение паремиологией – наукой о пословицах и поговорках» – уточняет об увлечении своего героя ухтинский журналист В. Булычёв⁶⁷. Один из первых корреспондентов, «открывший» Мастепанова советским читателям, Леонид Глуз, писал: «Ещё в юношестве любил Сергей Данилович собирать пословицы и поговорки. Не только те, что слышал от земляков, но и которые находил в книгах»⁶⁸. В другом интервью на вопрос, когда он начал серьёзно заниматься пословицами и поговорками, Мастепанов ответил: «Пожалуй, вскоре после лагеря, когда носило меня по весям»⁶⁹. Последний ответ более близок к истине. Во вступлении к своему рукописному «Словарю (говора) кубанского казачьего населения ст. Отрадной Краснодарского края» автор в 1980 г. указывает, что собрание

⁶⁷ Булычёв В. Хранитель мудрости // Ухта. 1990. 31 октября.

⁶⁸ Глуз Л. Хранитель мудрости // Известия. 1973. 7 апреля. С.5.

⁶⁹ Панкратов В., Чертков В. Бандероль из Нью-Йорка // Правда. 1989. 30 января.

лингвистического материала велось с 1949 по 1957 г., в бытность его работы учителем в с. Петровском.

От простого коллекционирования до замысла издать не избранные пословицы и поговорки, а своеобразный пословичный компедиум народов мира, путь был относительно недолгим. Это становится известно из личной переписки Сергея Даниловича со студенткой из Иркутска В.В. Горбовской. 13 октября 1953 года, судя по её ответу на письмо С.Д., она уже знала о грандиозном плане провинциального учителя. Вероника (впоследствии трагически погибшая в одной из геологических экспедиций) согласилась переписать для С.Д. пословицы и поговорки из редкой книги тридцатых годов «Старый фольклор Забайкалья», из этой книги она переписывала 1300 пословиц и поговорок для ленинградца (строителя по основной специальности и коллекционера пословиц) Вячеслава Михайловича Подобина, в собрании которого насчитывалось 65000 пословиц, поговорок и крылатых выражений. В.М. Подобин из выписок Горбовской включил в свое собрание только 500, остальные у него уже были⁷⁰. Как отмечает Вероника Горбовская, «Подобину пишут со всех концов Союза», о нем и его собрании были корреспонденции в «Огоньке» и «Литературной газете». Иркутская студентка, учившаяся на геологическом факультете, тоже была любительницей фольклора и пословиц, отзывчивая и общительная, она не считала за труд переписать заново пословицы и поговорки забайкальского старожильского населения и для Мастепанова. Сергей Данилович, в свою очередь, сообщил ей о своем намерении составить и издать сборник, в котором была бы собрана вся «человеческая мудрость». Так возникает не совсем обычный проект, которому, увы, не суждено было осуществиться. Но автор проекта и сам не знал о грядущих последствиях своего замысла, как он повлияет на его дальнейшую жизнь.

⁷⁰ Часть своего паремиологического собрания В.М. Подобин издал, см.: *Подобин В.М., Зимина И.П.* Русские пословицы и поговорки / науч. ред. и вступ. статья Л.В. Домановского. Л., 1956.

До 1955 года, кажется, у Сергея Даниловича практически не было коллег, которые бы увлекались собиранием пословиц и поговорок, с которыми он мог бы переписываться, обмениваться мнениями, литературой более или менее профессионально. В сохранившихся письмах его корреспондентов до этого периода эта тема не поднимается. В этот период идёт процесс накопления информации и поиски путей обретения библиографической информации. Ведь иногда до простых вещей, естественных и понятных нам, живущим в начале XXI века, ему приходилось, додумываться самому, идя путём проб и ошибок, путём накопления опыта, иногда отрицательного, в общении с советской системой.

По сохранившейся переписке С.Д. Мастепанова с «научными и культурными учреждениями» можно судить о географии библиографического поиска начинающего паремнолога.

С декабря 1951 года он начинает писать запросы в издательства, редакции журналов, пытаясь собрать информацию о том, что и где выходит в советских издательствах. Главный интерес — тематические планы, адреса магазинов «Книга-почтой» и постоянный вопрос, который, наверное, был в каждом письме — как приобрести ту или иную книгу. Проблема заключалась в том, что купить нужную книгу, активно занимающемуся самообразованием С.Д. Мастепанову, в сельской глубинке было невозможно по причине отсутствия книжных магазинов во многих населённых пунктах. С 1955 года Главкниготорг Министерства культуры СССР начинает рассылать в книготорговую сеть аннотированные годовые тематические планы издательств, для сбора заказов и формирования широкого ассортимента книг с учётом запросов населения. Информационные бюллетени («Бланк для заказов») рассылались по всем книжным магазинам страны каждые три дня, по ним население могло узнавать о выходе новых книг и заказывать их. Для сельской местности издавался бюллетень «Книги для продажи в магазинах потребительской кооперации», который поступал

в магазины потребкооперации, торгующие книгой (если, конечно, таковые были в селе или станице). Примерно по этой схеме Главкниготорг и предлагает Мастепанову осуществлять поиск и заказ нужных книг.

В двух папках-скоросшивателях, попавших в наши руки, представлены ответы официальных лиц на запросы С.Д. с 20 декабря 1951 по 8 июня 1958 года, а таких папок, вероятно, при пунктуальном характере Мастепанова, было немало! По ним можно судить об интересах и просьбах учителя немецкого языка из средней школы. Ответы на его запросы приходили из Географического общества СССР, редакции «Литературной газеты», «Пионерской правды», «Учительской газеты», журналов «Новое время», «Новый мир», «Шахматы в СССР», издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Госполитиздата, «Советский писатель», издательства «Иностранная литература», Государственного издательства культурно-просветительской литературы, Госиздатств «Художественная литература» и «Советская наука», «Детгиза», «Союзкниготорга», Главного управления книжной торговли, редакции и издательства «Советская культура», Антифашистского комитета советской молодежи, Ставропольского книжного издательства и др.

С.Д. Мастепанов не только спрашивал как «достать» книги, но хотел узнать, что будет опубликовано в ближайшие годы, рекомендовал, что лучше публиковать, жаловался на маленькие тиражи... Так, на подобное письмо, сопровождавшееся как всегда какими-либо праздничными поздравлениями (как не ответить на такое послание!), Сергей Данилович получил ответ от редактора газеты «Дружба» центрального правления Общества китайско-советской дружбы товарища Линь Лана: « Дорогой товарищ Мастепанов! От души спасибо за поздравления. Ваши замечания и пожелания в адрес редакции мы непременно учтём...»

Учитель-энтузиаст собирает информацию о готовящихся изданию книгах по фольклору и просит издательства прислать тематические планы. Обычно планы предназна-

лись для учреждений и библиотек, можно с ними было ознакомиться в книжных магазинах, индивидуально они не распространялись, поэтому С.Д. Мастепанову, как правило, отвечали отказом. Такие отказы во второй половине пятидесятых годов поступили из издательств «Художественная литература», «Советский писатель», Ростовского областного книгоиздательства, Хабаровского книжного издательства, Иркутского книжного издательства, «Детгиза», Бюллетеня «Новые книги», Всесоюзной книжной палаты, Грозненского книжного издательства, Издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». И только из отдалённых Благовещенска был выслан тематический план Амурского областного издательства, а из Риги – тематический план издательства АН Латвийской ССР на 1957 год. В записной книжке С.Д. Мастепанова уже на сентябрь 1957 г. были отмечены 20 адресов книжных издательств, в которые были отправлены запросы по поводу тематических планов. Следующий, 1958 год, год выдался более «урожайным»: тематические планы прислали из Чувашии, Амурского облкниготорга, Марийской АССР, из издательства «Художественная литература», Государственного издательства иностранных и национальных словарей. Но в любом случае, подобный метод сбора информации напоминал стрельбу из пушки по воробьям.

Сбору библиографических данных о пословицах и поговорках начало было положено списками литературы по темам «Пословицы и поговорки русского народа», «Пословицы и поговорки зарубежных стран», «Пословицы и поговорки народов СССР», присланными в 1955 году из Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина.

Собирая пословицы, С.Д. начинает пользоваться услугами межбиблиотечного абонемента с 1955 года, связавшись через школьные, районные или сельские библиотеки с центральными. Книги шли довольно часто в с. Петровское, а затем ст. Красногорскую из Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, Публичной библиотеки

им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Государственной публичной библиотеки им. Алишера Навои (г. Ташкент, Узбекская ССР), Государственной публичной библиотеки Украинской ССР, Государственной библиотеки по народному образованию им. К.Д. Ушинского, Краевой библиотеки им. А.С. Пушкина (г. Краснодар), Ставропольской краевой библиотеки.

О том, что интересовало начинающего исследователя можно судить по возвратившейся ему открытке с запросом из несуществующего книжного издательства Еврейской АО (Мастепанов полагал, что оно есть и послал открытку, что называется наобум), в которой написал: « *Уважаемый редактор! Прошу сообщить мне, какая литература по устному народному творчеству (пословицы, поговорки, загадки) была выпущена Вашим издательством как на русском, так и на еврейском языках, и какая литература по этой же тематике запланирована к изданию в этом и будущем году <...>.*». Такой же запрос был направлен в «Ростиздат» (Ростовское областное книгоиздательство), из которого И. Ненахов ответил С.Д. Мастепанову: «...Работа над второй книгой «Устного творчества Дона» затянулась. Когда выйдет эта книга в свет, сказать трудно. Во всяком случае, не в этом и не в следующем году. В 1955 г. нами выпущена небольшая книжка «Загадки». В плане редакционно-подготовительных работ предусмотрены два сборника: «Сказки казаков-некрасовцев» и «Донские песни»». На аналогичный запрос из Хабаровского книжного издательства сообщали: « У нас вышло несколько сборников сказок, в том числе китайские, корейские и индийские в обработке Н. Ходза, «Нивхские сказки» С. Феокистова, «Храбрый Азмун» Д. Нагишкина».

К середине 50-х годов у красногорского учителя было накоплено уже изрядное количество пословиц, поговорок и загадок самых разных народов мира. В издательском деле наблюдался своеобразный бум по публикации различных сборников «народной мудрости», книги подобного рода,

вероятно, довольно неплохо расходились, а с созданием совнархозов издательствам рекомендовалось не только тратить бюджетные деньги на тиражирование идеологической литературы, но и зарабатывать, публикуя «доходные» издания. Мастепанов предпринимает попытки опубликовать своё собрание поговорок. Вначале он обращается в редакцию популярного журнала «Огонёк», прислав им, что называется «на пробу», болгарские пословицы и поговорки, но, получив неоднократные отказы («редакции не удалось использовать» присланный вами материал; «выполнить просьбу Вашу не можем»), он, вместо болгарских, отправляет шведские, но и в этот раз получает почти стереотипный ответ: «Присланные Вами шведские пословицы и поговорки редакция не нашла возможным использовать...» С.Д. требует разъяснений, вероятно, не совсем понимая, что «профиль» журнала общественно-политический, а «Огонёк» не занимается «пропагандой» шведского фольклора, и получает ответ: *«Уважаемый товарищ Мастепанов! Никаких «особых причин» для отказа Вам не было. Просто пословицы показались недостаточно интересными. Хотим добавить, что обычно, предлагая такие переводы, надо указывать, откуда, из какого источника взят материал. Зав. массовым отделом А. Мариинский»*. Мастепанов настаивает, но в очередной раз получает отказ от редактора отдела юмора и занимательной информации Е. Велтистова: *«Конечно, для «Огонька» представляют интерес шведские пословицы. Но при этом они должны быть взяты из официальных источников, например, по изданиям Академий наук, Институты литературы и языкознания соответствующих стран. Прошу это учесть при переводе и подборе пословиц»*. Пробыться на страницы «Огонька», даже в раздел, предназначенный для «лёгкого чтения», не удалось.

Кстати, список этих трёх десятков шведских пословиц в машинописной копии, в переводе С.Д. со шведского, сохранился в его архиве.

Сергей Данилович пытается поменять тактику «вхождения в редакционный портфель» и обращается уже в «толстый» литературный журнал «Дружба народов» с замечаниями о тематике журнала и предложением печатать хотя бы изредка малые жанры народного творчества. Заведующий отделом поэзии В. Субботин осторожно (это осень 1956 года) отвечает: *«Думаем, всё-таки, что особого постоянного раздела, т.е., чтобы фольклорный материал печатался в каждом номере, делать не следует. У журнала есть много других важных тем и жанров, кроме печатания пословиц, загадок и поговорок. Ведь произведения подобного жанра могут входить и в специальный сборник, в книжку. Но, конечно, журнал должен время от времени печатать и образцы из фольклора. Благодарим Вас за письмо и за высказанные пожелания»*. В редакции литературно - художественного и общественно-политического журнала ЦК ВЛКСМ «Смена» были по-комсомольски откровенны: *«Использовать собранные Вами пословицы и поговорки не имеем возможности. В редакцию приходит очень много подобных материалов, редакционный портфель перегружен ими. Возвращаем Вам рукопись»*. Предложением Мастепанова не заинтересовались ни молдавский литературно - художественный журнал «Октомбрие» («Октябрь»), ни журнал «На рубеже», издававшийся в Карельской АССР.

В поисках пословиц и поговорок кабардинцев и адыгов Мастепанов обращается в 1956 году в Адыгейский НИИ языка, литературы и истории, а также Кабардинский НИИ. Заведующий сектором фольклора АНИИ А.М.Гадагатль⁷¹ сообщает, что институт за последнее время издал две книги адыгейских сказаний и сказок, небольшой сборник пословиц и поговорок на адыгейском языке, а книга «Адыгейские сказки и сказания» вышла дважды – в Майкопе и Ростове-

⁷¹ Гадагатль Аскер Магамудинович (1922 – 2009) – адыгейский поэт, окончил в 1957 г. Адыгейский пединститут, собиратель и исследователь нартовского эпоса, в 1989 г. защитил докторскую диссертацию, издал 7 томов адыгского нартовского эпоса, его основной научный труд – «Героический эпос «Нарты» адыгейских (черкесских) народов».

на-Дону, но приобрести всё это было возможно только через магазин «Книга-почтой». Директор Кабардинского НИИ К. Керефов⁷² сообщил об изданиях нартовского эпоса, а также, что в 1956 году планируется издать «Фольклор советской Кабарды» и сборник фольклорного материала на кабардинском языке «Казанок Жабаци».

Весной 1956 года московский литератор и переводчик с китайского, также увлекающийся пословицами, А.А. Тишков (о нем речь будет ниже), вероятно, отвечая на письмо Сергея Даниловича, советует ему, как преодолеть бюрократические препятствия в задуманном издании пословиц и поговорок народов мира. *«Вы пишете, - отвечает Тишков Мастепанову, - что хотите издать сборник «Народная мудрость. Избранные пословицы и поговорки народов мира». Вот мои соображения по этому поводу. Мне думается, что ни одно из серьёзных издательств не возьмётся за такой сборник. И здесь могут возникнуть большие трудности. Во-первых, если какое-либо издательство и заинтересуется сборником, Вас попросят представить в подлиннике все пословицы и поговорки, включённые в сборник; во-вторых, обязательно будут возражения относительно классификации пословиц (как бы хороша она не была). Практически, наиболее вероятным вариантом, было бы издать сборничек «Пословицы и поговорки стран народной демократии» в одном из местных издательств. Это значительно бы сузило рамки сборника и его объем, т.е. облегчило бы его выход в свет. Мне кажется, что 5 тыс. пословиц и поговорок было бы достаточно, а быть может, (учитывая местные издательские возможности) стоит издать лишь тысячи три пословиц, от этого он ничего не потеряет, станет ядрёнее и будет иметь больший успех.*

Причём, следует убеждать издателей в том, что многие пословицы и поговорки будут опубликованы впервые. По

⁷² Керефов Камбулат Наврузович (1912 – 1999) – кандидат сельскохозяйственных наук, почвовед-агротехник, в то время (1953 – 1958 гг.) был директором Кабардино-Балкарского НИИ филологии, истории и экономики.

китайской части охотно помогу Вам, по албанской – Малиничев (Г.Д. Малиничев⁷³ – московский аспирант, занимавшийся албанским фольклором. – Авт.), если надо, то можно будет найти венгерских, румынских, польских и других специалистов.

Такой путь мне кажется наиболее правильным». Но С.Д. Мастепанов шёл своим путём.

В сентябре 1957 года он отсылает письмо в Государственное издательство художественной литературы с предложением отпечатать сборник «Народная мудрость. Избранные пословицы и поговорки народов мира в переводе на русский язык» и получил, как предполагал опытный в издательских проектах А.А. Тишков, однозначный ответ: «Гослитиздат лишён возможности принять к печати Ваши сборник, т.к. издание подобных сборников не планирует на ближайшие годы». Ответ учителю из провинции был такой, чтобы и впредь, «на ближайшие годы», отпало всякое желание задавать вопросы по поводу издания книги.

После восстановления Карачаево-Черкесской автономной области начинается собирание и изучение карачаевского фольклора. Областной институт усовершенствования учителей, зная об опыте собирания фольклора учениками Красногорской средней школы под руководством С.Д. Мастепанова, обратился 13 марта 1958 года к директору школы Н.И. Якушову прислать в КЧОИУУ «1-2 десятка пословиц и поговорок из собранного фольклорного материала по карачаевскому языку преподавателем Вашей школы». Н.И. Якушов пишет Мастепанову: «Сергей Данилович! Если возможно, сообщите свои соображения и выполните».

Неожиданно доброжелательный ответ на какой-то из письменных запросов С.Д. пришёл от заведующего сектором литературы и фольклора Тувинского НИИ языка, лите-

⁷³ В одном из писем С.Д. Мастепанову Г.Д. Малиничев самокритично признался, что в области собирания пословиц и поговорок он скорее похож на «кустаря-самогонщика», чем на специалиста, по сравнению с С.Д.

ратуры и истории А. Калзана⁷⁴. Народная Тува только в 1944 г. вошла в состав СССР и тувинская наука, в том числе и фольклористика, была очень молодой, заинтересованной в расширении научных связей и контактов. Надо полагать, поэтому, на запрос о книжных новинках по тувинскому фольклору, сельский учитель получает не формальный ответ: *«Нашим институтом пока не издана теоретическая литература о тувинских пословицах, поговорках и загадках, кроме маленького предисловия к сборнику «Тувинские народные пословицы и поговорки». В местных газетах выпускались отдельные статьи на тувинском языке, которые были посвящены тувинскому фольклору. В них, в частности, говорилось также о пословицах и поговорках. На русском языке была напечатана небольшая статья популярного характера «Тувинские народные пословицы и поговорки». Она содержится в местной газете «Молодёжь Тувы» за 1955, №59, 18.V.*

Сектор литературы и фольклора имеет перспективный план по изданию тувинских пословиц. Данное издание, в отличие от предыдущего, будет носить научный характер, т.е. будет дан подстрочный перевод с комментариями. Пока идёт подготовительная, собирательная работа к этому сборнику и поэтому трудно указать срок его выпуска в свет.

Нам хотелось бы услышать Ваше читательское мнение о первом выпуске «Тувинских народных пословиц и поговорок»⁷⁵. Если не затрудняет, просим Вас прислать нам свои критические и другие замечания. Что касается загадок, то они пока не издавались на русском языке». Сергей

⁷⁴ Калзан Антон Каваевич (1930 – 1990) – основоположник тувинского литературоведения, литературной критики и фольклористики, с октября 1953 года заведующий сектором фольклора и литературы ТНИИ ЯЛИ, в этот период им было составлено четыре сборника тувинских сказок, вышедших в 1955, 1957, 1960, 1964 гг., и один сборник тувинских пословиц и поговорок, на который С.Д. Мастепанов дал рецензию.

⁷⁵ Издание, на которое С.Д. Мастепанов дал рецензию: Плоткина И., Калзан А. Тувинские народные пословицы и поговорки. Изд. 2-е. Кызыл, 1955.

Данилович, вероятно, пишет на вышедший сборник рецензию, которая публикуется в очередном выпуске научных трудов Тувинского НИИ языка, литературы и истории и получает за неё гонорар в сумме 96 руб. 57 коп. в январе 1957 г.

Ставропольское книжное издательство – «местное», по словам московских друзей Мастепанова – куда обратился всё-таки С.Д. в июле 1957 г. со своим предложением издать сборник пословиц и поговорок, тоже отвечает отказом, мотивируя отказ тем, что у издательства нет соответствующих рецензентов и редакторов, а также тем, что *«издательство выпускает литературу только для Ставропольского края. Спрос в крае на сборники пословиц и поговорок невелик, поэтому выпуск сборника будет нерациональным»*. Коллекционеру-паремиологу посоветовали обратиться в центральные издательства. Круг замкнулся...

Вероятно, в середине 50-х гг., С.Д. Мастепанов задумал ещё один грандиозный проект: охватить всю литературу, выходящую в СССР по пословицам и поговоркам, а затем решил привлечь и иностранную, но последняя задача была практически невыполнима в СССР в силу отсутствия свободного обмена информацией с зарубежными странами. Когда читаешь отрицательные ответы советских организаций, о невозможности прислать паремиологическую литературу, то возникает невольное ощущение того, что С.Д. слишком много провёл времени в Ухтпечлаге, мало знал свою страну и правящий в ней режим, не понял к 45 годам «тонкостей» библиотечного обслуживания в Стране Советов, не знал, как дозируется и распределяется информационный поток от столицы к провинции, как контролируется соответствующими органами режим допуска к иностранной литературе, централизованно закупаемой на валюту за границей и поступающей только в научные библиотеки Москвы и Ленинграда.

Приведём только один пример. В мае 1957 г. Мастепанов обратился с просьбой прислать ему список изданий па-

ремиологического содержания из Государственной публичной библиотеки Карельской АССР, и получает характерный ответ, рисующий ситуацию с комплектованием фондов в 50-е годы: «... справочно-библиографический отдел выполнил работу по выявлению имеющейся у нас литературы по фольклору, список которой после отпечатания (на русском языке) будет выслан в Ваш адрес. На немецком языке выполнить эту работу библиотека возможности не имеет.

Вместе с тем сообщаем, что наша библиотека в период Великой Отечественной войны была полностью разрушена. Её книжные фонды состоят, главным образом, из одноэкземплярных изданий послевоенных лет. В довоенных изданиях библиотека испытывает острую нужду. Приходится выписывать книги по МБА (как на русском, так и иностранных языках) из крупных библиотек Ленинграда и Москвы. Из Финляндии, Швеции, Норвегии и др. стран наша библиотека книг не получает».

Возникали и иные трудности с получением информации и новейших изданий. Так, из Фундаментальной библиотеки ЛППИ им. А.И. Герцена ответили в июле 1957 года, что наложенным платежом «Учёные записки» гражданам не высылаются, а только производится обмен на издания иных вузов. Ещё более необычное препятствие – тонюсенький «Блокнот агитатора» (в них иногда публиковали современный фольклор в помощь партийным пропагандистам, чтобы воодушевляли народ на трудовой подвиг «метким народным словом»), издававшийся отделом пропаганды при Любом обкоме или крайкоме партии, он был почти недоступным изданием – его нельзя было выписывать жителю иной области, а только по месту проживания!

Через сотрудников ВГБИЛ, «Литературной газеты» Мастепанов узнает адреса московских букинистических магазинов, магазинов «Книга-почтой», «Книги стран народной демократии», через которые пытается заказать книги, посвящённые пословицам, поговоркам и загадкам. В ведущие

библиотеки страны отправляются запросы на составление тематической библиографии по фольклору, такие услуги предоставляли справочно-библиографические отделы бесплатно. Через «Союзпечать» сельский учитель выписывает «Летопись журнальных статей», «Сводный бюллетень новых иностранных книг», поступающих в библиотеки СССР, «Информационный указатель библиографических списков и картотек, составленных библиотеками Советского Союза», бюллетень «Литература и искусство народов СССР и зарубежных стран» Всесоюзной Книжной палаты и др. Он конфликтует с Усть-Джегутинской конторой связи, которая не доставляет Мастепанову журналы, выписанные на 1957 год, и добивается, чтобы не полученные номера доставили, или вернули стоимость подписчику.

Наконец, для Мастепанова становится ясно, что основная новейшая литература, поступающая из-за рубежа, концентрируется в Библиотеке общественных наук АН СССР, там же выпускались библиографические указатели, поступивших книг по истории, археологии, этнографии, языкам и литературам различных стран и народов, но доступ к этой информации учитель из станицы Красногорской мог получить лишь приехав в Москву. Поиск информации о пословицах и поговорках был теперь сопряжён с существенными денежными расходами.

Летом 1956 года москвич Герман Дмитриевич Малиничев⁷⁶ (приглашает в «пыльную и душную» столицу Мастепанова, который не решался посетить Москву с целью работы в библиотеках, не имея возможности у кого-либо остановиться. С.Д. приглашает в свою очередь аспиранта Малиничева на Кавказ, но тот пишет, что с его стипендией в 30 рублей он не может выехать далее Подмосковья. Сергей Данилович спрашивает у своего московского корреспондента: можно ли снять «угол» в Москве на длительный срок. Но

⁷⁶ Малиничев Герман Дмитриевич (р.1926), в то время – аспирант Института мировой литературы, специализируется по албанской литературе, начинающий паремиолог, позднее – журналист и литератор.

Малиничев его разочаровывает, описывая квартирные «московские чудеса»: за проживание без прописки удаляют под конвоем в 24 часа (такие порядки установлены были с весны 1956 года); можно остановиться у родственников Малиничева, но они должны дать согласие, без прописки «жить придётся буквально тайно», что не ускользнет от внимания бдительных соседей, номера в гостинице стоят от 30 до 100 рублей. Для работы в библиотеке им. В.И. Ленина и краткосрочного пребывания в столице требовались справки, и Герман Малиничев, как человек более молодой и прагматичный (ему только тридцать лет!), предлагает С.Д. сделать любые «дутые» справки о том, что Мастепанов работает над какой-нибудь научной темой и что он является экскурсантом ВСХВ – Всесоюзной Сельскохозяйственной выставки, поскольку при ней имеются гостиницы. Но летом 1956 г. С.Д. так и не решился прибыть в Москву «за пословицами», хотя Малиничев настоятельно рекомендовал («Искусство требует жертв!» – пишет он в письме) взять командировку в «местном исполкоме» и в отделе народного образования, чтобы «легализовать» посещение Москвы. Московскому аспиранту было невдомёк, что Мастепанов ждал решения вопроса о своей реабилитации. Кроме того, он менял место работы – из с. Петровского перебрался в станицу Красногорскую, в Карачаево-Черкессию.

Тем не менее, после 1957 года поездки в библиотеки Москвы и Ленинграда на летних школьных каникулах становятся частью научной жизни С.Д. Мастепанова. Если известный современный французский историк Филипп Арьес иронично называл себя «историком выходного дня», намекая на то, что он не профессионал, и истории и архивам может посвятить только выходные дни, когда он свободен от основной службы, то Сергея Даниловича можно с полным основанием назвать «паремиологом школьных каникул». В конце июня, из года в год, он брал в школе «командировочное удостоверение», что направляется в центральные библиотеки «для изучения материалов по истории, этнографии

и фольклору Кавказа», собирал свой неизменный чемоданчик и отправлялся в путь.

Комкор Тодорский

Испытав неудачу с попыткой опубликовать своё собрание пословиц и поговорок в центральных и провинциальных издательствах, С.Д. Мастепанов решил прибегнуть к помощи солагерника и сотоварища, ставшего известным в конце 1950-х гг. Это был генерал-лейтенант запаса Александр Иванович Тодорский, с которым С.Д. списывается, вероятно, через редакцию журнала «Огонёк». Комкор А.И. Тодорский был арестован 19 сентября 1938 года, приговорён к пятнадцати годам лагерей, и был освобождён 11 апреля 1955 года.

Советский писатель Б.А. Дьяков в своём автобиографическом романе вспоминал о нём: «Арестовали Александра Ивановича осенью тридцать восьмого года, под вечер, когда он возвратился из санатория «Барвиха» в свою квартиру. Объявили участником военно-фашистского заговора, вредителем, «потенциальным террористом». Ошеломлённый, доведённый на следствии до умопомрачения, он, не помня как, «признал вину». А придя в себя, решительно отказался от прежних вынужденных показаний. Шестнадцать раз его допрашивали трое следователей, с остервенением добиваясь вторичного «признания». Он выстоял. В мае тридцать девятого года военная коллегия приговорила Тодорского к пятнадцати годам заключения в лагерях, к лишению заслуженного в боях за Советскую власть воинского звания “комкор”»⁷⁷. Тодорский был грузчиком на пристани в Котласе, землекопом на стройке шоссе. Мастепанов вспоминал: «В 1939 году он был на тракте Чибью – Крутая дневальным в

⁷⁷ Дьяков Б.А. Пережитое: Автобиографический роман: В 3 кн. М., 1987. С.618.

нашей бригаде. Жульё дало ему кличку «Санька Арбуз», вероятно, за его большую голову». Сергей Данилович, вероятно, хотел не только заручиться поддержкой бывшего комкора в возможном издании своего пословичного собрания, но, может быть, и в связи с желанием выйти на пенсию по выслуге лет.

В то время достаточно было обратиться в редакцию журнала, чтобы оттуда переслали письмо автору, который заинтересовал читателя, или ещё проще, могли дать даже домашний адрес. (Так, С.Д. Мастепанов получает домашние адреса авторов, опубликовавших рецензию на издание «Ливанские пословицы и поговорки» в журнале «Иностранная литература» в сентябре 1956 г.) В апреле 1958 г. Мастепанову сообщают из «Огонька», что его письмо переслано А.И.Тодорскому. 25 апреля 1958 г. Тодорский отвечает простой почтовой карточкой: *«Уважаемый Сергей Данилович! Прошу Вас, не ожидая июля, сообщить мне письмом о личном деле с тем, чтобы я смог до этого времени ответить Вам. С приветом. Ал. Иванович»*. Затем в карандашный синий текст Тодорский добавляет черными чернилами: в начале – «Поздравляю с 1-м Мая!», а в конце – «Будьте здоровы». В ноябре 1958 г. С.Д. получает от Александра Ивановича поздравительную открытку: *«Поздравляю с годовщиной Октября! Желаю доброго здоровья на долгие годы! Ал. Иванович»*. Между этими открытками, вероятно, было несколько писем с просьбами от С.Д. Мастепанова бывшему комкору и узнику ГУЛАГа А.И. Тодорскому. Примерно о содержании этих писем можно судить по эмоциональному ответу генерал-лейтенанта запаса, написанному 23 мая 1958 года: *«Уважаемый Сергей Данилович! Я запросил Вас о делах не потому, что не желаю встречи с Вами, а для того, чтобы возможно раньше выполнить Вашу просьбу, так как летом Вы меня в Москве можете не застать – я поеду на полмесяца в Бессарабию, а потом – в Крым, на отдых»*.

Ваш ответ снова не вносит конкретности в вопросы.

1) Что значит получить у меня рекомендацию в издании паремиологического сборника? Какую я могу дать рекомендацию по вопросу, в котором не понимаю ни «бе», ни «ме». Я даже не знаю, что значит само слово «паремиологический». Кому нужна моя рекомендация, и что она в Москве значит. Таких, как я, запасных и отставных генералов, здесь «хоть пруд пруди» и совершенно никакого веса и значения ни они, ни тем более я, не имеем. Я подчёркиваю себя потому, что другие (не бывшие в заключении) генералы имеют всюду на всех гражданских и военных постах прямых или косвенных знакомых, с которыми воевали в Великую Отечественную войну, могут найти к ним дорогу через других знакомых и тому подобное. А я, кроме таких, как Вы, бывших людей, не имею никаких нигде знакомых, и никакая моя рекомендация никакому делу не поможет. Это Вам из станицы кажется, что генерал любого порядка имеет силу. Но на самом же деле, да ещё в Москве, я ровно не имею никакого значения и, безусловно, в силу этих причин никакой рекомендации Вам дать не могу.

2) Вопрос об улучшении Вашего материального положения тоже не имеет ко мне никакого отношения. Неужели Вы до сего времени не могли убедиться в том, что всякое даяние от государства, из государственной казны, сейчас обставляется строгими формальностями. На этом основании, мне самому не выплатили пенсии со дня реабилитации (19.III. 1955) до приказа Министра обороны о присвоении мне звания и назначении пенсии (6. VIII. 1958), то есть более чем за четыре месяца только на том основании, что 8. IX. 1958 вышло известное и Вам постановление Совета Министров за №1655 о правах реабилитированных, в котором было сказано, что всякие перерасчёты пенсий за время до выхода этого постановления не производятся. Дело касалось солидной цифры в 20 с лишком тысяч рублей и несмотря на то, что я околачивал пороги Центр. Фин. Управл. нашего Мин[истерст]ва в генеральских погонах, мне так этой явно утерянной мною суммы и

не вернули. Разве кто-нибудь сейчас «верит слезам». Если Вам полагается пенсия, её Вам дадут и без Тодорских, если не полагается, то никакие Тодорские не помогут. Сами Вы, кажется, финансовый работник и эти порядки знаете лучше меня. Так что и в этом отношении я решительно ничем не могу Вам помочь. Я могу только посочувствовать Вам, но из-за этого сочувствия Вы не станете богаче. Простите меня за большевистскую прямоту, но мне жалко и Вашего, и своего времени, когда мы с Вами «толчём воду в ступе». Будьте здоровы! С приветом, Ал[ександр] Иванович». Вероятно, С.Д. пытался через контакты с бывшим комкором заручиться поддержкой по поводу издания своего «паремиологического» сборника (а заодно, надеялся, если издательский проект осуществится, поправить своё материальное положение) и, кроме того, «выхлопотать» пенсию, которая была вполне реальна, «по выслуге лет», с учётом его учительского стажа с 1 сентября 1934 г. (вопросы трудового стажа и пенсионного обеспечения регулировались постановлением Совета Министров СССР №1655 от 8 сентября 1955 года «О трудовом стаже, трудоустройстве, пенсионном обеспечении граждан, необоснованно привлечённых к уголовной ответственности и впоследствии реабилитированных» вплоть до 1 июня 1981 г.). Александр Иванович Тодорский ушёл из жизни в 1965 году. Последние его дни в больнице описал в «Повести о пережитом» советский писатель Борис Дьяков. Неизвестно, переписывался ли С.Д. Мастепанов с Тодорским в 60-е годы, писем не сохранилось, но знакомство Мастепанова с большевистским комкором, о книжке которого упоминал даже Ленин⁷⁸, не осталось без внимания в 1989 г. После публикации статьи «Бандероль из Нью-Йорка» к Сергею Даниловичу обратился Александр Николаевич Секретов, научный сотрудник Института

⁷⁸ Имеется в виду небольшая книжица, написанная А.И. Тодорским, о первых шагах советской власти в провинции, высоко оценённая В.И. Лениным в Отчёте ЦК партии XI съезду: *Тодорский А.И.* Год с винтовкой и плугом. Весьегонск, 1918. Об этом подробнее: *Дьяков Б.* Пережитое: Автобиограф. роман: В 3 кн. М., 1987. С.662.

истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР⁷⁹, с просьбой поделиться краткими воспоминаниями о совместном пребывании в лагере с Тодорским. А.Н. Секретов готовил книгу о периоде установления советской власти и гражданской войне в Таджикистане – «Сердца, отданные революции», в которой предполагался и очерк об Александре Ивановиче, активном борце с басмачеством в Средней Азии. Отдельные воспоминания, если их всё-таки написал Мастепанов о комморе, имели бы, конечно, особую ценность, но каких-либо черновиков или писем в связи с этим эпизодом в остатках его архива не сохранилось. Только на четвертушке серой бумаги удалось найти план одной из «командировок» на трассе Чибью – Крутая (схему лагеря Седью), где среди хозяйственных построек обозначен квадрат под порядковым номером 3, а внизу схемы подпись: «3. Палатка Тодорского». Но большую часть плана лагеря на схеме перекрывает надпись – «Эту часть зоны я уже забыл».

Фольклористы из средней школы

Мы уже отмечали, что начало собирания пословиц, поговорок, загадок, превратившееся постепенно из «хобби» в целенаправленную деятельность, отнимавшую практически всё свободное время, Сергей Данилович и сам не мог вспомнить, когда отвечал на самые неожиданные и одновременно простые вопросы журналистов. Но всё же примерное время превращения увлечения в профессию паремиста, а затем библиографа можно установить по сохранившимся бюллетеням («Фольклорные материалы») Краеведческого кружка Красногорской средней школы. Школьный кружок возник вокруг школьного учителя, всегда записывавшего в блокнотик необычные слова, меткие выраже-

⁷⁹ А.Н. Секретов занимался вопросами военной истории, см.: *Секретов А.Н. Участие Таджикистана в освободительной миссии Советской армии в годы Великой Отечественной войны*. Душанбе: Дониш, 1975.

ния, частушки, услышанные от своих земляков-станичников и их детей, которые учились у него немецкому языку. Первые выпуски записей фольклора – карачаевского и русского – относятся к 1956 году.

Однако в 1977 г. Мастепанов пишет очерк «Почему я хочу побывать в Индии» и в приложенных к нему сведениях об авторе (очерк отправлялся на конкурс) обронил фразу, что афористическое творчество народов мира он уже собирает 35 лет. Из чего можно сделать заключение, что начало этому увлечению относится к 1942 году

Вероятно, десятилетнее отсутствие на малой родине, общение с людьми разных национальностей и культур в Ухтпечлаге, неожиданно открыло для С.Д. своеобразие и ценность родной русской речи, заставило более внимательно вслушиваться в речь и языковую культуру народов Верхнего Прикубанья, Мастепанов смотрит теперь на язык, в том числе и родной кубанский говор, как исследователь, а любая «языковая личность» становится для него источником лингвистического и фольклорного материала. Возвращение на родину было сопряжено с постижением языка своих земляков-кубанцев, а также вернувшегося из ссылки такого же, как и он, репрессированного народа – карачаевцев. Изолированный от своей языковой среды, он неожиданно оказывается посторонним свидетелем, и даже скорее слушателем, поскольку ещё одно десятилетие, вплоть до 1957 год, он, по-прежнему, будет оставаться изгоем и находиться под постоянным подозрением. Не был ли сбор фольклора и редких старинных слов интуитивной подготовкой, а может, и попыткой установить речевой контакт с окружающими его «новыми» советскими людьми, найти «общее» через языковое «уходящее», остатки прошлого, с той социальной средой, с теми людьми послевоенной повседневности, которые были трамвированы сталинской идеологией, тоталитарным режимом и войной, с теми, кто не попал в ГУЛАГ, остался на свободе (понятие условное – в те времена) и панически подозрительно относился к бывшим «вра-

гам народа»? Не было ли это сигналом: «Я свой, я же говорю на вашем языке, узнайте меня, я такой же, как вы!». Если это так, то пословицы и поговорки должны были в этой ситуации быть своеобразным паролем, знаком социальной и культурной идентичности.

За советом, как собирать фольклорные материалы, Мастепанов обращается во Всесоюзный Дом народного творчества им. Н.К. Крупской Министерства культуры СССР и получает оттуда подробное письмо-инструкцию. Письмо было составлено одним из методистов А. Мореевой, которая ещё в 1939 г. выпустила методическую брошюру о том, как надо записывать фольклор. Тогда некоторые методические материалы печатались в начавшей издаваться «Советской этнографии», а выпуск сборников «Советский фольклор» был прекращён, новых книг по вопросам собирания фольклора пока не было. Старший методист Дома народного творчества рекомендует записывать «всё новое, что создают трудящиеся в наши дни – частушки, песни, стихи, пословицы, поговорки», но предупреждает «от ошибок некоторых фольклористов», которые записывают произведения народного творчества только от «престарелых людей». «Мы бы не рекомендовали учащимся записывать отживающие обряды, поверия и другие образцы фольклора, не созвучные нашему времени по своей идеологической направленности», – предупреждает А. Мореева. Творчество самодеятельных поэтов, хоров, художественных агитбригад, создающих собственные произведения, рассматривается в этом письме как «естественный процесс жизни народного творчества нашей современности». Мастепанов и его ученики не всегда следовал этим указаниям. Однако в паремнологических сборах красногорского учителя появляются поговорки о колхозах и «счастливой» советской жизни, хотя, скорее всего, они были выписаны из ставропольских «Блокнотов агитатора» и вряд ли бытовали в колхозной среде. Но позднее дойдет очередь и до современности. После отставки Н.С. Хрущёва получают широкое хождение ан-

тихрущёвские частушки и целая поэма о нем и его политике, что будет сохранено в машинописной копии в архиве собирателя фольклора (затем к этой «народной» обличительной поэме добавится рукописный вариант, переписанный рукой Сергея Даниловича, в котором уже новым политическим антигероем будет М.С. Горбачёв).

Впрочем, некоторые советы профессиональных фольклористов были использованы С.Д. Мастепановым и его кружковцами. Так, появляются записи с фиксацией собирателя (фамилия, имя, отчество, профессия, возраст), указания места сбора материалов. При записи особенностей местного (казацкого) говора сохраняются диалектные особенности. Но, тем не менее, методисты Дома народного творчества рекомендовали собирать современный фольклор, что всё-таки С.Д. Мастепанов проигнорировал, собирая «старые» песни и слова кубанского говора отраденцев, а также сказки, поговорки, поверья карачаевского народа. Сергей Данилович стремился записать всё услышанное в свою записную книжку – редкие слова, выражения, пословицы и поговорки именно так, как он их слышал и как произносили эти слова и речения его респонденты. На одном из тетрадных листков сохранились выражения и поговорки, записанные от родной матери. Они обозначены инициалами Е.Н.М., с указанием дня, месяца и года, и даже с уточнением – «вечером». Вот некоторые пословицы и поговорки, записанные на основе наблюдений в ноябре 1960 г. за речью мамы Ефросиньи Николаевны: *Талкач муку накажить, У палки два канца, Ясли до коний не ходють, Ни в каня корм, Дарам и чирый не вскочить, Сучка ни схочить – кабель ни вскочить, Ни в свайей рубашки, Цыгану долх отдать, Кабель куцай, Иде Макар тилят ни пас, Бис ниво и вада ни освятица, На твоё сердца гамна с перцем, Садись у нас, затем пайдём да вас.* Появляются записи и советских выражений, отражающие бытовые реалии хрущёвского времени: *«Да будет свет!» – сказал монтер и встал в очередь за керосином; Дела идут, контора пишет, рубль дадут, а два запишут.* Посещая ар-

мянина-парикмахера в посёлке Шахты №6 20 октября 1957 года, в полдень, Сергей Данилович занес в свою записную книжку услышанную от него азербайджанскую пословицу: *«Где азербайджанец, там не нужно волка, где русский, там не нужно ишака, где армянин, там не нужно чёрта»*. Одно из народных «наблюдений» услышал от брата Ивана: *Гара с гарой ни сходяща, а милиционер с пьяным сайдуца* (27 ноября 1961 г.). В записи одной поговорки отразились события отраденской истории времён революции и гражданской войны, поскольку она относилась к деятельности большевиков Пузырёва и Леженина: *Два зуба, адин глас смутили весь Кавкас (о Пузырёве и Леженине)*. Фамилии «героев» Мاستепанов специально уточняет в объяснении, в скобках.

Он пытается найти объяснение или толкование «темных» поговорок и речений в старых фольклорных изданиях и записывает их. Так, к выражению «Цыгану не грех божиться!» приводится объяснение из «Тамбовских губернских ведомостей» за 1899 год (№67), в которых было опубликовано народное сказание из Моршанского уезда. В сказании говорится, что право цыган божиться появляется после распятия Христа. Цыган из жалости к Иисусу утаил пятый гвоздь, предназначавшийся для груди Распятого. Когда гвоздь стали искать, то цыган поклялся, что уже отдал и его вбили. Случайно севшая на грудь Христа муха была принята воинами за шляпку гвоздя, и цыган с потомками искупил грех родичей в обмане и божбе.

В записной книжке 1957 года наряду с фиксацией живой речи содержались и некоторые выводы Сергея Даниловича о поведении людей, особенностях национального характера того или иного этноса. 23 июня 1957 года в 6 ч. 30 минут он делает запись: *«Кто о людях без причины плохого мнения, тот сам определённо плохой человек»*. И далее: *«Соприкасаясь неоднократно с людьми, делая наблюдения над их действиями и поведением, я сделал для себя некоторые психологические и моральные выводы относительно некоторых народов и наций. Правда, эти*

выводы не могут претендовать на абсолютную точность и непогрешимость. Однако в основе, я считаю, что эта оценка правильна.

Например, сибиряки очень резки, но прямые и бесхитростны. Белорусы хитры, любят прикидываться “глупенькими”, “тёмными”, “недопонимающими”, но сами себе на уме, очень упрямы, и переубедить их очень трудно. Москвичи очень эгоистичны, с желчью, не имеют, как говорится, человеческой души».

Словарь говора отраденских казаков, который приобретает законченный вид к началу восьмидесятых годов, Сергей Данилович отправляет в ЛО Института языкознания АН СССР и получает от заместителя директора Института языкознания, доктора филологических наук Ю.С. Сорокина благодарственное письмо: «Словарный сектор Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР выражает Вам большую благодарность за присланные материалы для Словаря русских народных говоров. Они являются очень интересным и ценным дополнением к тем сведениям, которые уже имеются в Картотеке словаря, т.к. пополняют эту картотеку новыми, не отмеченными ранее словами, новыми значениями, особенностями употребления диалектных слов в говорах. Ваши материалы способствуют созданию более полного по охвату диалектной лексики Словаря русских народных говоров». Автор, наблюдая за говором своих земляков-отраденцев, пришёл к выводу, что, сложившийся на основе южнорусских казачьих говоров (преимущественно хопёрских и донских казаков), язык отраденцев постепенно, во второй половине XX века, теряет свою самобытность и приобретает всё более черты русского литературного языка. На этот процесс повлияли школа, радио, появившееся в Отрадной с 1927 года, демографические изменения в станице и районе (приток русского неказачьего населения из центральных областей России, выселение и выезд отраденцев в отдалённые регионы страны), язык га-

зет и книг, которые всё активнее входили в культурную жизнь населения Приурупья в советские годы.

Историко-краеведческая деятельность

Собирать краеведческий материал Сергей Данилович Мастепанов начал чуть ли не с детских лет, ведь жил он в отрадненском Предгорье, где на каждом шагу любопытный взгляд может встретить следы буквально всех времён и народов. Но условия жизни не всегда позволяли ему всецело отдаться любимому делу. Однако, уже в 1935 году, работая в Кардоникской средней школе Зеленчукского района, несмотря на негативное отношение к церкви вообще со стороны властей в то время, на областном совещании культработников в г. Микоян-Шахар (ныне Карачаевск) он выступил с сообщением о древнем Шоанинском храме, указав на необходимость взять этот памятник под охрану. Более систематически и планомерно С.Д. начинает заниматься краеведением в 1949 г., работая в с. Петровском Отрадненского района. В конце 1955 г. решением исполкома Отрадненского райсовета Мастепанов был избран членом районной комиссии по краеведению. Председатель Бюро краеведения, давний знакомый С.Д. – Петр Митрофанович Галушко, активно взялся за возрождение краеведения на отрадненской земле. Члену Краеведческого бюро было вменено в обязанность не реже одного раза в две недели письменно или устно информировать бюро о проделанной работе, или трудностях, которые возникали в проведении этой работы. Своеобразным штабом по организации Отрадненского музея становится Дом пионеров. Конкретного поручения в первом квартале 1956 года у Сергея Даниловича не было, но всем членам Краеведческого бюро в своей деятельности предлагалось руководствоваться письмом «Содержание краеведческой работы в районе». Создавать музей краеведения П.М. Галушко помогали М.Ф. Далинчук, Л.М. Ткачёва, В.П. Ло-

бан, Н.Н. Галигоров, А.А. Поползин, А.В. Герасименко, ставшая его первым директором на общественных началах, а также сотрудники редакции районной газеты «Советское казачество». Мастепанову было поручено написать статью для газеты об организации краеведческой работы в школе. В письме Петра Митрофановича Галушко к С.Д. сообщается о проблемах финансирования проекта: «Дело не движется <...> нет денег для поделки мебели <...>. Хотелось к 1 мая открыть комнату для публики». Когда весной 1957 г. в ст. Отрадной по инициативе учителя и активного общественного П. М. Галушко всё же был открыт краеведческий музей, то Пётр Митрофанович написал Мастепанову: «Уважаемый товарищ! В ст. Отрадной открывается районный краеведческий музей. Надеюсь, Вы не забыли своей работы и пришлёте обещанную краеведческую работу хотя бы вчерне. Адрес на обороте. С приветом, П. Галушко»⁸⁰.

Историей своей «второй родины» – Карачаем – Сергей Данилович начинает интересоваться исподволь, собирая фольклорные материалы, книги, он постепенно накапливает сведения о Карачаево-Черкесской области, окрестностях ст. Красногорской, Хумаринском городище, спасает случайные археологические находки для учёных-специалистов, тем более, что часто открытия приходилось делать прямо в своем огороде. Так, в 60-х гг. в пос. Шахта №6, при рытье ямы на участке Мастепанова, на глубине 1.67 м было обнаружено погребение с двумя глиняными кувшинами. После осмотра погребения ставропольским археологом Татьяной Максимовной Минаевой было сделано заключение, что археологический памятник может быть отнесен к эпохе бронзы. Здесь же были выявлены следы средневекового железоделательного производства. На территории посёлка Шахта

⁸⁰ В записной книжке С.Д. Мастепанова 1956/1957 гг. сохранились пометы красными чернилами (заметки, вероятно, для дальнейших разысканий по дореволюционной истории Отрадной, содержащие фамилия, названия событий, фамилии): «Кирияка! Аксёновы! Воропин! Наводнение! Аксёнова роца! Поимка сома! Перекон Тегия! Макеевы! Мастепановы! Мельницы и маслобойни. Пивные заведения. Цены на товары, продукты и работу».

№6 и Хумаринского городища учащиеся школы находили различные предметы, вероятно византийского происхождения, – металлические кресты различных форм, часть из которых легла в дальнейшем в основу коллекции С.Д.

В 1956 – 1957 гг. в ст. Красногорской силами учеников, «инициативно» и «хозспособом», как тогда было принято говорить, возводился ряд подсобных помещений, в том числе и здание школьного краеведческого музея. Отрадненский опыт создания музея «всем миром» был использован Сергеем Даниловичем. Фундамент для музея закладывался из дикого камня, а стены из самана, изготавливавшегося учениками, плотниками и столярные работы делались также учениками под руководством учителей. При активном участии учителей, учащихся и их родителей школьный краеведческий музей был отстроен менее чем за год и торжественно открыт 21 декабря 1957 года. Экспозиция музея постоянно пополнялась. Здесь можно было увидеть археологические находки, образцы минералов и полезных ископаемых, чучела птиц, коллекции насекомых, дореволюционные, советские и немецкие медали, монеты и денежные знаки, медаль в честь 300-летия царствования Дома Романовых (сдал С.В. Бондарев), «дореволюционную печать Преградненского казачества». При музее находился регулярно обновлявшийся «Сборник этнографических, фольклорных и исторических материалов», в составлении которого принимали участие ученики, учителя и некоторые местные жители. Музей и сборник были той основой, на которой строилась экскурсионная, исследовательская и творческая деятельность школьного краеведческого кружка, которым руководил Сергей Данилович Мастепанов. Музей позволял проявиться организационным и деловым качествам учеников. Поскольку музей был школьный, то его «директором» была ученица 8 класса Люба Шкарабан, а заместителем Анна Зацаринная; вёлся дневник посещений музея и «Книга отзывов посетителей». В музей часто приезжали организованные экскурсии учеников из Усть-Джегутинской, Сары-

Тюзской средних школ, были индивидуальные посетители и даже воспитанники детского сада Красногорской станицы.

Успешная деятельность музея привлекала внимание краевого руководства. Нужно было выступать в «высоких инстанциях», отчитываться, передавать опыт. Как всегда, распоряжение «сверху» приходило не вовремя, возникала авральная ситуация. Сохранилась записка завуча школы от 24 мая 1958 г. С такими записками, обычно на дом к учителю, прибегали ученики (и делали они это с огорчным удовольствием!): «Сергей Данилович! Пожалуйста, придите сейчас в школу. Очень срочно, по вопросу музея. Николай Иванович едет в Ставрополь. Нам надо что-то сочинять» (Николай Иванович – Н.И. Якушов, директор Красногорской школы). В марте 1959 г. Мастепанову предлагают выступить в Ставрополе на краевом семинаре турорганизаторов районов (в приглашении было написано: «Ваш опыт создания музея и краеведческая работа в школе заслуживают серьёзного внимания. КрайОНО утвердило ваш вызов на этот семинар...»). В Ставропольской детской экскурсионно-туристической станции очень заинтересовались опытом Красногорского краеведческого кружка. Сборник кружка (вероятно, «фольклорные материалы») хотели послать на Всесоюзную выставку в Москву, потребовались маршруты походов и их описания в окрестностях Красногорской, а все материалы решено было представить в качестве методического пособия в Доме детского творчества и Ставропольском пединституте.

В дальнейшем С.Д. Мастепановым предполагалось на основе собранных источников составить «Историко-этнографический очерк станицы Красногорской».

В период летних каникул проводились краеведческие и туристические походы, материалы, собиравшиеся в этих экскурсиях по родному краю, тщательно обрабатывались и помещались в экспозиции музея. Учащиеся под руководством С.Д. готовили небольшие публикации о своих открытиях, интересных местах, природных явлениях, публикуя их

в газетах «Молодой ленинец» за 1964 г.: «Гора сказок» (№45), «Кто должен открывать пещеры?» (№56), «Так исчезали города» (№139), «В городе мёртвых» (№242), в журнале «Ставрополье» (№3-4 за 1967 г.) – «Эхо древней медицины».

В ноябре 1960 г. С.Д. Мастепанов выступает на районной научно-практической конференции в Карачаевске по итогам экскурсионно-туристической и краеведческой работы в школах за 1958 – 1960 гг.

Совершая пешие прогулки с учениками в первой половине 60-х гг. С.Д. Мастепанов обнаруживает несколько скальных могил («пещерок») в северных каменистых отрогах Кубранской балки, которые позднее археолог Т.М. Минаева будет датировать VI – XIII вв. Два небольших чернолощёных аланских кувшинчика из этих могил Мастепанов передал в Ставропольский музей. Здесь же была найдена уникальная закладочная плита арочной формы с изображением равноконечного креста, прикрывавшая входное отверстие в «пещерку». Южный отрог Кубранской балки вплотную подходит к скале с башней Тамары, как называло фундаменты квадратной башни местное население. Пещерный могильник в балке Шубшурук (окрестности Нового Карачая) был обследован С.Д. Мастепановым в 1961 г. В посёлке Шестая шахта (правый берег Кубани, в трёх километрах южнее Хумары) часто встречались каменные ящики, находки нательных крестов; С.Д. Мастепанов спас для науки остатки медного гроба из богатого средневекового погребения. Уникальный гроб был передан на хранение в Ставропольский музей. Многочисленные археологические объекты были зафиксированы С.Д. при обследовании верховьев балки Каракент. Данные об археологических объектах регулярно передавались археологам Черкесска и Ставрополя, многие из них были включены в монографии Т.М. Минаевой и Е.П. Алексеевой⁸¹.

⁸¹ См.: Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М., 1992. С.103 – 106.

Как к знатоку пеших экскурсионных маршрутов в окрестностях пос. Малокуртанный, осенью 1968 г. к С.Д. обратился за помощью учитель-краевед из Черкесска Дмитрий Иванович Суздальцев, который готовил литературно-художественный альманах «Кубанское ущелье» и попросил в связи с этим показать древности Хумаринского городища, Пещерный городок и другие достопримечательности. Мастепанов удивил гостей своей большой библиотекой и показал «папку, в которой собраны рукописные выписки из редких книг, архивных материалов, а также разной периодической и не периодической печати, касающиеся истории, археологии, этнографии и языкознания» Карачаево - Черкесской области. Очерк Д. Суздальцева о Мастепанове «Народный учитель» был отправлен в «Учительскую газету», но, в соответствии с заведённым порядком, в центральных газетах при публикации подобных материалов потребовалась «рецензия» на очерк. Подобную справку, что описываемое соответствует действительности, дала на работу Суздальцева доктор исторических наук В.П. Невская, которая, в частности, отметила: «Среди краеведов Карачаево-Черкесии особенно выделяется своей глубокой преданностью науке и бескорыстным служением ей Мастепанов Сергей Данилович. Много лет занимается он сбором фольклорного и исторического материала, исследованием археологических и исторических памятников. Свои знания он охотно передает ученикам своей школы и работникам научно-исследовательского (КЧНИИ. – *Авт.*) института. Краеведческий кружок при школе, которым он руководит, проводит большую и интересную работу». В сокращённом варианте очерк Суздальцева, ставший небольшой заметкой под названием «Своя тропа», был опубликован⁸².

Хумаринское городище, западные оборонительные укрепления древней Хумары в районе Каракента, средневековое аланское городище на р. Гиляч, развалины в районе

⁸² Суздальцев Д. Своя тропа // Учительская газета. 1970. 6 января.

Пещерного городка и башни Тамары были излюбленными маршрутами С.Д. По ним он хаживал не один десяток лет и благодаря его энтузиазму тысячи людей увидели древности Кубанского ущелья, познакомились с ними, впервые услышали о них благодаря учителю из пос. Шахта №6. Здесь он бывал со школьниками, туристами областных организаций, учащимися Черкесска и Карачаевска, со студентами Академии художеств СССР.

На рубеже 1950–1960-х гг. в стране развернулась широкая экскурсионно-туристическая работа с учащимися. В походах ежегодно участвовало свыше 10 миллионов школьников. Ещё в 1954 году Сергей Данилович активно водил учеников села Петровское по окрестностям. Пешие однодневные переходы совершались по маршрутам: 1) Петровское – Батрак – Грушка – Зеленчукско – Мостовской – Японский – Исправная (с ночёвкой в станице Исправной); 2) Исправная – Передовая с окрестностями; 3) Передовая – Надёжная – Малотенгинская; 4) Малотенгинская – Лубзавод – Отрадная – Петровское.

Юные туристы выполняли в походах практические задания различных организаций, в том числе по поиску полезных ископаемых, строительных материалов, по изучению истории сёл и городов, заводов и колхозов, школ, пионерских и комсомольских организаций. Как неугомонный турист и краевед, С.Д. не мог остаться в стороне, и за отличную организацию и проведение поисковых работ в туристических походах и экспедициях турорганизатору 8-летней школы №23 Карачаевского района Ставропольского края С.Д. Мастепанову приказом №264 по Министерству просвещения РСФСР от 9 июля 1962 г. была объявлена «благодарность».

В декабре 1967 г. Облсовет КЧАО принимает постановление «О мерах по улучшению работы общества охраны памятников истории и культуры», а в мае следующего года «О проведении массовой научно-практической экспедиции по выявлению и изучению памятников старины в области».

Областной отдел народного образования потребовал от руководства школ всех уровней создать первичные организации «Общества охраны памятников истории и культуры» с массовым вовлечением в организацию учащихся 4-10 классов до 1 декабря 1968 года. Как опытному учителю-краеведу, С.Д. Мастепанову предстояло создать в школе не менее 3-4 отрядов по проведению массовой «научно-практической экспедиции». Цель экспедиции – выявление и взятие на учёт памятников истории и культуры к 15 ноября 1968 г. В 1968/69 учебном году в 8-10 классах предстояло прочитывать циклы лекций по истории Карачаево-Черкесской автономной области.

С 1968 по 1970 год, под руководством С.Д. Мастепанова, через краеведческий кружок, 96 школьников получили значок «Юный турист СССР», а 10 – «Турист СССР». Кружок имел 4 палатки и 10 рюкзаков, было проведено 27 экскурсий и походов, в которых участвовало в общей сложности 406 человек. Более 100 человек в 1970 г. были вовлечены через кружок в «Общество охраны памятников истории и культуры».

Неоднократно С.Д. читал сообщения и доклады о древней и средневековой истории Карачаево-Черкесии в представительных собраниях – на «Крупновских чтениях» по археологии Северного Кавказа, которые проходили в Черкесске 12 – 16 апреля 1977 года⁸³, на «Минаевских чтениях», посвящённых памяти историка-кавказоведа и археолога Татьяны Максимовны Минаевой, которую С.Д. хорошо знал, перед студентами географического факультета Ленинградского пединститута им. А.И. Герцена, студентами Карачаево-Черкесского педагогического института, инструкторами по туризму. Свои лекции, связанные с его туристическим маршрутами, Сергей Данилович писал в школьных тетрадях, придавая им литературную форму и тщательно шлифовал стилистически.

⁸³ См.: *Мастепанов С.Д.* Древности Хумаринского городища // VII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Черкесск, 1977.

Уже выйдя на пенсию, он, тем не менее, участвует в научно-практической конференции «Система краеведческой работы в школе» в Черкесске, 25 марта 1974 года. Правда, не всегда его краеведческие доклады попадали в «точку». Когда речь заходила об их публикации в сборниках в помощь учителям истории, то рецензенты выдвигали требования усилить методическую часть доклада или статьи. Так, доклад С.Д. Мастепанова «Использование краеведческих материалов в педагогической работе», представленный на Центральные «Педагогические чтения», был отклонён рецензентом М.С. Рывкиным, поскольку Мастепанов не показал «формы и методы использования местного материала в учебно-воспитательной работе с учащимися», а дал лишь краткое изложение истории своего края. Школьное краеведение Сергей Данилович рассматривал как одно из средств «более успешного и прочного усвоения учащимися тех или иных изучаемых явлений», «пробуждения у учащихся интереса к предмету», «воспитания у них любви к родным местам».

За долгие годы туристических походов и археологических экскурсий у Мастепанова сложился свой «репертуар» краеведческих лекций-рассказов (около 25 излюбленных тем) с широким диапазоном: от рассказов о легендарных героях древности (Прометей, Александр Македонский, апостол Андрей Первозванный, византийский император Лев III Исавр) до героев недавнего прошлого – путешественник Эвлия Челеби, калмыцкий хан Дондук Омбо, турецкий военачальник Батал-Паша. Главные темы касались, конечно, окрестностей Хумаринского городища. Сергей Данилович мог часами рассказывать о Хумаринской крепости, историческом прошлом посёлка Шахта №6, крепости на Каракенте, укреплениях в балке Большая Шугара, «пещерных городках», о колодцах на возвышенном плато по северной стороне балки Инал, о башне Гоших-Кала и Шоанинском храме, озере Хурла-кель...

Тесные связи были у С.Д. с Карачаево-Черкесским НИИ. Дирекция этого института поручила С.Д. Мастепанову следить за тем, чтобы в районе Хумаринского городища, окрестных местах не разрушались археологические и исторические памятники. Любопытны два сохранившихся письма археолога, тогда ещё кандидата исторических наук Е. П. Алексеевой к С.Д. Мастепанову, которые характеризуют стиль взаимных отношений и степень делового сотрудничества любителя старины и специалиста-археолога по вопросам сохранения и изучения археологических памятников. Мастепанов сообщает Алексеевой о находке медного гроба, который позднее попал в фонды Ставропольского музея, но Е.П. Алексеева занята своей докторской диссертацией и, на просьбу приехать, отвечает 31 марта 1967 года: *«Спасибо Вам за интересное сообщение о находке медной гробницы. Конечно, это очень интересно и для меня, и для науки. Но вот выехать я никак не могу – у меня последние недели для окончания диссертации и дорог каждый день. Поэтому, если Вам не трудно, я Вас попрошу, сохраните остатки этой гробницы – может, у Вас есть какой-нибудь сарайчик, где бы их можно было бы сложить. А мне, если поедете в Черкесск, привезите кусочек от этой гробницы – просто посмотреть, что за медь. Может быть, там что-нибудь было найдено? Если не громоздкое, то тоже, может быть, привезёте? Но это пока необязательно, конечно. Не считите мой отказ приехать за отсутствие интереса к Вашим интересным находкам. Просто мне надо докончить, довести до дела то многое, что я уже видела и знаю об археологических памятниках нашей области»*. В июне 1968 года Е.П. Алексеева пишет Сергею Даниловичу: *«Я только что вернулась из Ленинграда, где сдала текст своей диссертации на кафедру археологии истфака ЛГУ, где думаю защищаться. Альбом не сдала, так как он ещё не готов, в частности, не сделана карта. В связи с этим я прошу Вас помочь мне. Ниже прилагаю схематический чертёжик и прошу Вас уточнить, где находятся: Токмак-*

Кая, балка Шубиурук (где скальные катакомбы – «Пещерный городок») и, кажется, поселение) – мы ведь там с Вами были? Затем скальные катакомбы в местности (или балке) Кубрань, а затем и баиню Тамары. Жду с нетерпением ответа на свое письмо. Ваша Е. Алексеева». Картографические уточнения и сведения об археологических памятниках правобережья Кубани в районе Хумаринского городища, предоставленные Сергеем Даниловичем, затем были использованы Е.П. Алексеевой в монографиях о древностях Карачаево-Черкесии.

Ставропольский краеведческий музей неоднократно благодарил С.Д. Мастепанова за ценные археологические находки, спасённые и переданные в фонды музея. В знак признательности сотрудники Ставропольского музея прислали С.Д. семь томов краеведческих трудов – «Материалы по изучению Ставропольского края». В декабре 1979 г., в связи со столетием Ставропольского краеведческого музея им. Г.К. Праве в его адрес дирекция направила «благодарственное письмо», в котором подчёркнуто: «В дело развития музея вложен и Ваш благородный труд».

Сергей Данилович часто оказывал помощь сотрудникам музея консультациями и имеющимися у него краеведческими материалами. О таком тесном сотрудничестве свидетельствует, в частности, письмо Изабеллы Александровны Усовой: «Уважаемый Сергей Данилович! Высылаю с благодарностью фотографии, извините, что задержала, но вина не моя, до сих пор зависим от всех служб, в данном случае – от фотографа».

Не посчитайте за труд, напишите №№ и даты газет «Кавказ» за 1855 год, где есть заметки об Игельстроме и строительстве дорог, а если у Вас есть копии, вышлите, пожалуйста, мы переснимем и всё вернем.

В музей я доложила и рассказала о кресте, и нужно сказать, что наш заместитель не возражает заплатить по трудовому соглашению трактористам и другим помощникам, так что этот вопрос будет изучаться.

Как будете в Ставрополе, пожалуйста, не минуйте музей; в октябре, ноябре и далее все сотрудники музея возвращаются из отпуска, мы организуем с Вами встречу, которая, конечно же, будет полезной. Успеха Вам большого в вашей работе. С уважением, Изабелла Александровна».

Некоторое время в экспозиции Ставропольского краеведческого музея даже был особый, «именной», стенд с археологическими находками, которые были переданы в фонды музея Сергеем Даниловичем.

В начале восьмидесятых годов С.Д. тесно общается со своим ровесником Николаем Георгиевичем Завгородним – учителем физики и математики, краеведом, создателем и директором Шпаковского народного музея на общественных началах, организатором которого он являлся. Первая экспозиция музея была создана ещё в 1976 г. Мастепанов дарил молодому музею различные экспонаты, книги. Николай Георгиевич не остался в долгу и подарил Мастепанову свою небольшую книгу о Шпаковском – «Село, устремлённое в будущее», вышедшую к 200-летию основания села. Ныне это музей г. Михайловска Ставропольского края, носящий имя своего создателя. По поводу присланной С.Д. книги Н.Г. Завгородний отвечает: *«Вашу книгу я берегу как историческую ценность для музея. Она очень необходима. Спасибо Вам, уважаемый Сергей Данилович, за этот подарок».* Ещё в одной записке (без даты) Николай Георгиевич пишет: *«Здравствуйте, Сергей Данилович! Посылаю Вам газету “Коммунистический маяк”. Подвиг Макея Иванова – лично моя статья. Сергей Данилович, что Вы можете подарить нашему музею? Напишите. Ваши подарки с нашим именем будут у нас в музее. Мы никогда Вас не забудем».* В 1994 г. Н.Г. Завгородний издал книгу о своем родном селе, которое стало городом – «Неиссякаемая живучесть».

У Мастепанова-краеведа было своё научное кредо, высказанное им как-то в одном из интервью: *«В интересах будущего мы должны как можно полнее зафиксировать всё*

уходящее в прошлое. Будущие поколения не простят нам того, чего мы не сделали, но могли сделать. Мы морально обязаны поработать во имя науки». Сельский учитель бережно относился к любым артефактам прошлого и пытался их сохранить.

Ставропольский краеведческий музей неоднократно благодарил С.Д. за сохранение и передачу в дар музею случайно найденных археологических находок.

С 1973 г., выйдя на пенсию, он начинает часто публиковать краеведческие заметки в газете «Ленинское знамя». Так, Михаил Иванович Бруснев, уроженец станицы Сторожевой, был известен в советских учебниках истории как один из первых организаторов марксистских кружков в России. В очерке, посвященном 110-летию со дня рождения Бруснева, С.Д. Мастепановым отмечается вклад казака из ст. Сторожевой в полярные исследования, в частности, в изучение Новосибирских островов и поиски пропавшей экспедиции Толя⁸⁴. В заметке «У нас на Бермамыте» рассказывается об уникальном явлении, отмеченном на г. Большой Бермамыт в Малокарачаевском районе – рефракции лучей света в микроскопических кристаллах льда в осенне-зимний период⁸⁵. Эта заметка даже заинтересовала журналиста Л. Глуза, который решил написать свой очерк об этом интересном природном явлении в центральные газеты. В очерке «У древних стен» рассказывается о пешем маршруте к Шоанинскому храму и памятниках старины в окрестностях с. Коста-Хетагурово⁸⁶.

Отправляясь на поиски паремиологической литературы в столичные научные центры, Сергей Данилович не забывал и историю родного края, поэтому в командировочном удостоверении неизменно указывалось с небольшими вариациями из года в год, что учитель С.Д. Мастепанов командировается «для изучения материалов по истории и этнографии Кара-

⁸⁴ См: Ленинское знамя. 1974. 11 июля.

⁸⁵ См.: Ленинское знамя. 1974. 15 февраля.

⁸⁶ См.: Ленинское знамя. 1973. 4 апреля.

чаево-Черкесской автономной области». История и фольклор всегда оказывались на первом месте среди многообразных интересов сельского учителя! Со временем Сергей Данилович сам становится интересен для историков, как свидетель и участник исторических событий, особенно когда актуализируется изучение советского прошлого 20-30-х годов XX века. В начале 1991 года сотрудники советского отдела Краснодарского историко-археологического музея-заповедника обратились с просьбой помочь музею по изучению проблемы «Национальные отношения в Краснодарском крае», поскольку, как посчитали работники музея, и труды и личность самого Сергея Даниловича, уроженца Кубани, представляет для музея «большой интерес»: «Если Вы сочтёте возможным наше сотрудничество, то мы будем Вам безмерно благодарны».

Отраденский краевед Михаил Николаевич Ложкин, с которым Сергей Данилович был дружен не один десяток лет, в это время организует выставку, посвящённую репрессиям на Кубани, и, в частности, на территории Отраденского района, и просит настоятельно помочь советами, воспоминаниями, предметами, документами для готовящейся экспозиции. Лагерная судьба Сергея Даниловича получила отражение в этой выставке, имевшей важное политическое, общественное и, главное, нравственно-моральное значение для восстановления исторической памяти и справедливости по отношению к безвинно репрессированным и их родственникам.

Газетная слава

Всё началось со знакомства С.Д. Мастепанова со своим коллегой, с учителем и краеведом из Черкесска Дмитрием Ивановичем Суздальцевым. Дмитрий Иванович, выйдя к середине 60-х гг. на заслуженный отдых, стал инициатором издания в нескольких экземплярах машинописных крае-

ведческих историко-литературных альманахов о прошлом и настоящем Верхнего Прикубанья. Отправляясь в августе 1966 года по Кубанскому ущелью, Дмитрий Иванович договаривается встретиться с Мастепановым, чтобы он провел для «путешествующих» небольшую экскурсию по Хумаринскому городищу и «пещерному городку». Мастепанов обещал написать в «альманах» статьи о Шоанинском храме, «пещерном городке», декабристе-инженере И.Г. Игельстроме, военном приставе Н.Г. Петрусевиче⁸⁷. Суздальцев хотел сфотографировать древние памятники, разыскивал для своего издания фото Ислама Хубиева (Карачайлы). Результатом поездки стал очерк Суздальцева «Народный учёный», который в урезанном виде был помещен в «Учительской газете». Энергичный Д.И. Суздальцев «подключает» свои связи с газетчиками Ставрополя, Черкесска и Пятигорска, встречается с редактором «Ленинского знамени» (Черкесск) С.В. Костиным и рассказывает о «народном учёном», который собирает пословицы и поговорки народов мира, которому шлют книги из ООН, который сотрудничает с финским журналом «Proverbium», и о котором не знают ничего его же земляки! Костин заявил, «что Мастепанова немного знает, и что он заслуживает того, чтобы о нем написали статью».

Сотруднику редакции Никулину было дано поручение «обработать» материал, представленный Суздальцевым. Бывший ученик Сергея Даниловича В. Муравьев, работавший в «Ставропольской правде», летом 1969 года встречался с Суздальцевым по вопросу о Мастепанове, но перенаправил «энергию» черкесского краеведа на редакцию областной газеты «Ленинское знамя». При этом, не забыв сказать Суздальцеву: «Сергею Даниловичу мой сердечный привет. С ним у меня связаны самые приятные воспоминания. Он много пережил, и вообще хороший человек». 8 апреля 1971 года Суздальцев пишет Мастепанову: «*На про-*

⁸⁷ Очерк о Н.Г. Петрусевиче был написан для одного из выпусков альманаха в соавторстве с В.П. Невской.

шлой неделе я направил в Ставрополь письмо Муравьеву, просил его написать о Вас статью в «Ставропольскую правду». Послал ему свою заметку в «Учительской газете» и набросок более пространный статьи (и копию фотографии).

Думаю, он должен для своего бывшего учителя сделать что-то приятное, отрадное.

Я ему написал, что для такого человека, как Вы, народного ученого, надо всё сделать, чтобы о нем узнала широкая общественность». Муравьев явно не горел желанием что-то публиковать о своем бывшем учителе и «волеинил» публикацию уже второй год. Наконец, 23 мая 1972 года заметки Суздальцева о Мастепанове («Халкъ Алим») появляются в газете «Ленинни байрагы», а 29 августа на абазинском языке («Арыпхъагъ – апхъахъ») в газете «Коммунизм алашара». Но скоро два краеведа разорвали отношения. Суздальцев обвинил Мастепанова в высокомерии, а последний попросил Дмитрия Ивановича больше не тревожить его письмами и обращениями («А меня – забудьте!»). Во всей этой канувшей в лету истории важно одно обстоятельство: Дмитрий Иванович, отмечая «благородную деятельность в области фольклористики» своего адресата пишет, что именно он «открыл» для прессы личность Мастепанова, опубликовал заметку в «Учительской газете», в областных (на карачаевском, черкесском, абазинском и ногайском языках), посоветовал сотруднику газеты «Ленинское знамя» тов. Глузу опубликовать корреспонденцию о готовящейся поездке «народного учёного» (термин придумал Суздальцев, чем очень гордился) в Хельсинки на международный конгресс паремиологов, помог организовать первую телевизионную передачу о Мастепанове. Трудно разобраться, в чём не сошлись взглядами два учителя-краеведа, но очевидно (об этом пишет в письме Суздальцев), что С.Д. Мастепанов критично отнесся к изданию «альманахов», сказав, что его работа по «изданию альманахов для современности равна нулю». Суздальцев горячо отстаивает свои издания «на об-

щественных началах», полемизируя с Сергеем Даниловичем: «Вы глубоко ошибаетесь. О наших альманахах писали газеты «Известия», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Ставропольская правда», областная «Ленинская правда». Я два раза выступал в Пятигорске по телевидению.<...> Издание альманахов на общественных началах – это веление времени, ещё не совсем оцененное многими».

5 февраля 1974 г. Суздальцев пишет Мастепанову: «У меня тоже срочная, весьма ответственная работа. Издаю ещё 8 литературно-этнографических альманахов, причём на общественных началах, где я не преследую личных интересов, материальных выгод. Кроме того, готовлю большую статью «Обычаи и обряды карачаевцев», собираю материал для своей книжки «Детская речь дошкольников» (иными словами – «факты из жизни малышей»)...».

Архив С.Д. Мастепанова частично сохранился, архив Д.И. Суздальцева, кажется, в основной своей части утрачен⁸⁸; время неумолимо расставило акценты «значимости» и «бесполезности» на увлечениях и трудах двух провинциальных интеллигентов.

Но вернёмся к теме «газетной славы» Сергея Даниловича, она множилась и ширилась. Специальный корреспондент областной газеты Л.С. Глуз впервые о Мастепанове написал 22 ноября 1972 г. в небольшом, но добротном очерке «И всё возможное постичь...» Перед читателем предстал образ сельского учителя-труженика, который всего достиг в этой жизни благодаря книгам, который щедро делится своими знаниями и открытиями, за его крестьянским обликом скрывается не просто начитанный человек, а исследователь; в заключение – безадресное пожелание о том, что пора «помочь энтузиасту в его большой и творческой работе...» Уже в феврале 1974 г. появляется информация, что, не имеющий учёного звания и степени сельский учитель Мастепанов, занимающийся библиографией афористического творчества

⁸⁸ Некоторые выпуски альманахов Д.И. Суздальцева сохранились в фондах Карачаево-Черкесского музея-заповедника

народов мира, получил приглашение выступить на VI Международном конгрессе фольклористов в Хельсинки с докладом «О библиографии паремиологической литературы народов мира». Название финской столицы было на слуху уже два года – в Хельсинки готовилось Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое состоялось в 1975 г.⁸⁹ Сообщение в газете носило выдержанный и информационно- констатирующий характер. На страницах «Известий» (7 апреля 1973 г.) Мастепанов предстает как «хранитель мудрости» народной (термин «хранитель» затем превратится в клише), а в «Советской культуре» (№39 за 1975 г.) Л.Глуз уже более свободно говорит о необходимости знакомить молодежь, чтобы сделать ее досуг содержательным и полезным, с такими интересными людьми, как С.Д.Мастепанов, который занимается и паремиологией, и собиранием народных говоров, и археологией, и собиранием книг. В личности и занятиях Мастепанова автор заметок увидел новый воспитательный резерв для молодёжи советского общества, находившегося в духовном кризисе на пороге «перестройки». Когда был снят документальный фильм «Хранитель» Северо-Осетинской студией телевидения об учителе из Малокурганного, Л. Глуз писал: *«Назначение фильма в первую очередь воспитательное. Ибо это рассказ о том, что в жизни всегда есть место интересному и полезному. Что и в условиях маленького посёлка, отдалённого от центров большой науки, можно заниматься ею, и вносить свой достойный вклад. В этом убеждает пример Сергея Даниловича Мастепанова»*⁹⁰. Посылая очередную газетную вырезку Мастепанову, он просит не огорчаться неточностями, допущенными корректором и журналистом: «Главная цель достигнута: вновь обращено внимание на Вас». В другом письме – *«Материал уже прошёл по краю радио. Я сделал и газетный материал для “Ленинского*

⁸⁹ Глуз Л. В Хельсинки на конгресс // Ленинское знамя. 1974. 9 февраля.

⁹⁰ Глуз Л. Фильм об увлечениях сельского учителя // Ленинское знамя. 1988. 21 сентября.

знамени”. С уважением, Л. Глуз». По радио 15 декабря 1987 г. прошла 15-минутная передача в цикле «Из сословия увлеченных» – о Мастепанове. *«В этой передаче, – пишет автор радиорепортажа нашему герою, – я заострил внимание на том, что вашей работе должны уделить соответствующее внимание в вузах Ставрополья. Надеюсь, что это не пройдет бесследно...»* Вероятно, С.Д. привлекал внимание журналистов не только своими необычными увлечениями, но и тем, что был из одного края с самым главным политиком СССР – Генеральным секретарем КПСС и Председателем Президиума Верховного Совета СССР тов. Горбачёвым М.С. Международные контакты Мастепанова с паремиологами оказались востребованы в связи с перестроечной идеей «народной дипломатии». Не успел Глуз дать заметку в «Ленинском знамени» под названием «Посылка из Нью-Йорка», в октябре 1987 г., как её «перелицевал» собкор газеты «Известия» В. Олиянчук в свою собственную, даже не удосужившись увидеть С.Д., и опубликовал уже 30 ноября под названием «ООН – сельскому учителю».

7 декабря 1987 г. Л.С. Глуз пишет Мастепанову: *«Посылаю Вам, Сергей Данилович, вырезку из газеты «Социалистическая индустрия», где опубликована моя зарисовка о Вас. Думаю, Вы в связи со всеми этими публикациями получите массу писем. Если будут интересные среди них, если что-то появится новое, сообщите, пожалуйста, мне. Буду Вам очень благодарен!»* В зарисовке «Сокровища учителя Мастепанова» (название актуальное, все знали реальную зарплату и пенсию учителя, в «эпоху несунув» он ничего кроме тетрадей из школы он принести не мог!) вновь повествуется о бескорыстном собирателе и самоучке, поднимается вопрос о равнодушии учёных Ставропольского педагогического института и Карачаево-Черкесского НИИ к сокровищам народной мудрости, предлагается этим учреждениям «принять эстафету от своего именитого земляка». В мае 1988 г. Л.С. Глуз делает обзор почты сельского учителя в «Ленинском знамени», отмечая широкие всесоюзные и

международные связи, и вновь описывает непонятную ему ситуацию равнодушия: *«Среди корреспондентов С. Мастепанова, как ни странно, нет людей из самой близкой ему географической точки – из Карачаево-Черкесии: от научных работников, учителей, школьников. От людей просто любознательных и увлеченных. И хотя учитель-пенсионер всегда рад поделиться с земляками немалым духовным богатством, которое он накопил за многие годы напряженных поисков и трудов, воспользоваться этим в области никто не спешит»*⁹¹.

В газетах до начала 1988 г. сведения о Сергее Даниловиче подаются как встречи с интересным, увлеченным своим делом человеком, бескорыстным чудаком и провинциалом, который «обставил» и отечественных дипломированных специалистов, и умнее оказался заграничных учёных, а дорогу к знаниям ему открыла советская власть. Одним словом, всё в традициях лесковского Левши. Новая волна газетных публикаций началась с большого очерка «Тропа Мастепанова», написанного внештатным корреспондентом «Ленинского знамени» Л. Осадчей 7 февраля 1986 г.: здесь акценты смещаются на «богатство личности», истинную интеллигентность учителя, который противостоит «псевдоинтеллигентам», прикрывающимся членскими билетами, служебным положением, модной фразеологией, которым неведомы такие простые вещи, как скромность и порядочность. Эти слабые «уколы» были уже направлены против партноменклатуры, но не её главных представителей, а против «прикормленной» интеллигенции, разговоры об истинной культуре и интеллигентности были тогда модны и популярны. Более заострённым оказался материал в «Ставропольской правде» корреспондента ТАСС Н. Стяжкина, который донес московские «ветры перемен» до Ставрополя и акцентировал внимание на тех темах, о которых уже можно

⁹¹ Глуз Л. Почта сельского учителя // Ленинское знамя. 1988. 1 мая.

было говорить. Его заметка «Хранитель мудрости» была опубликована 19 января 1988 г. под рубрикой «Живущие по совести». Таким образом, в конце восьмидесятых годов возрастает на газетных страницах оценка нравственно-морального содержания деятельности провинциального учителя-пенсионера, а рубрика «Мир увлечений», под которой обычно писалось о нем, как о чудаковатом коллекционере, остается в прошлом – в страну пришла «перестройка» и «гласность». В действительности же, с персоны Мастепанова был снят негласный запрет на публикации о нем в прессе, фактически существовавший с 1975 по 1985 год. Запрет пал под воздействием перестроечных процессов. В этой связи становятся понятны слова из письма Л.С. Глуза Мастепанову от 1 мая 1988 года: «...вновь обращено внимание на Вас».

В большинстве газетных публикаций Мастепанова, с лёгкой руки писателя Г. Немченко, стали именовать «хранитель», «хранитель памяти», «хранитель мудрости», определив Сергея Даниловича на роль эдакого «скупого рыцаря», но собирающего не пиастры, а народные пословицы и поговорки. Однако, вероятно, бесперспективность этого мероприятия после В.И. Даля была настолько очевидна для Сергея Даниловича (а тем более собирание пословиц всего мира), что он довольно быстро это понял и переключился на составление библиографии всех фольклорных изданий о пословицах, поговорках и речениях. Этот труд тоже был неподъёмным, но с крестьянским упорством С.Д. продолжал «вспахивать» поле, однажды уже начатое, всё расширяя и расширяя его границы... В статье ухтинского журналиста В. Булычёва «Хранитель» Мастепанов как раз и просит уточнить это обстоятельство – не сами пословицы предмет его изучения, а библиография паремиологической литературы⁹². Нарушить устоявшийся газетный штамп в 1990 г. решил ученик С.Д. Мастепанова по с. Петровскому В.В. Шев-

⁹² Булычёв В. Хранитель // Ухта. 1990. 31 октября.

ченко. В «Кавказской здравнице» 6 ноября (под «октябрьский» праздник, ещё не отмененный) была опубликована статья под названием «Прометей. История сельского учителя, «врага народа», ставшего учёным, признанным ООН, рассказанная его учеником», в которой, как всегда, излагалась кратко биография Сергея Даниловича, но акцент делался на эпизодах, связанных с периодом репрессий и тем, что никто не желает помочь самоотверженному исследователю опубликовать результаты подвижнического труда всей жизни. *«В 70-х и в начале 80-х его называли «хранителем мудрости», – пишет автор статьи. – Теперь же просто – «хранителем». Этими и некоторыми другими позолоченными пилюлями вот уже более 30 лет подкармливается его ущемленное достоинство. А вот оказать реальную помощь в главном (в издании того, что вынужден только хранить) бессильны все <...> Остается, правда, ещё последняя надежда: может быть, хоть теперь появится какой-то коллектив мудрых издателей <...>, который, освободив С.Д. Мاستепанова от «цепей» хранителя, дарует ему право автора...»*⁹³. В заключение статьи автор пишет: *«Надо сделать так, чтобы труды Мастепанова нашли людей, а его подвиг всё-таки был бы отмечен достойной наградой Родины»*⁹⁴. По тональности – статья «перестроечная», со скрытой критикой советского режима; основные идеи автор повторяет и в журнале «Народное образование», и в «письме» в «Советскую Кубань», опубликованном четырьмя месяцами ранее, и названному редакцией по злой иронии всё тем же клише... «Хранитель».

С конца 1990-х в публикациях о Мастепанове журналистов начинает привлекать, в основном, только гулаговское прошлое. В общественных настроениях усиливается боязнь возвращения «диктатуры», поэтому биография Мастепанова – благодатный материал, чтобы наглядно показать гражданам, что их может ожидать в будущем. Именно эту тему

⁹³ Шевченко В.В. Прометей // Кавказская здравница. 1990. 6 ноября.

⁹⁴ Там же.

поднимают в центральной прессе З. Гельман, а в местной – П. Семенов. Московский журналист Захар Гельман, позднее уехавший в Израиль, в С.Д. видит истинного «гражданина мира», хотя и живущего в лачуге, в шахтёрском посёлке: «Ему пишут со всех концов мира. Его считают своим другом многие зарубежные учёные. Почему? Потому что он открыт для мира. Для каждого человека (он, а не наше общество!) Я уверен: дети, которых учит Мастепанов, никогда не поднимут руку друг на друга, никогда не будут в толпе, громящей и насилующей “инородцев”»⁹⁵. П. Семёнов считает, что история жизни Сергея Даниловича должна современников учить добру, терпимости, когда «на опасные позиции выходят межнациональные конфликты и преступность», а в «некоторых регионах страны – попытка чуть ли не гражданской войны», в этих условиях надо помнить заповедь: «Не желай другому того, что ты не желаешь сам себе!»⁹⁶. После 1990 года Сергей Данилович фигурирует преимущественно в городской газете «Ухта» (г. Ухта, Республика Коми) в связи с деятельностью Ухто-Печорского историко-просветительского общества «Мемориал». С ним активно сотрудничает журналист газеты «Ухта» Валерий Владимирович Булычёв, которому удается, разговаривая с Сергеем Даниловичем в 1990 г., добавить новые штрихи к портрету «незаурядной личности». Журналист признавался, что *«Сергей Данилович Мастепанов являет собой сложный портрет бывшего зека Ухтпечлага, бывшего школьного учителя, потомка древнего рода кубанских казаков, интеллигента и учёного-самоучки»*. Ко всем газетным публикациям и фильмам Мастепанов подходил, по словам Булычёва, поощрительно, но в то же время снисходительно, как бы зная себе цену, «как бы говоря про себя: “Ну, ну пишите, а главного во мне вы так и не поняли”». Мастепанов из тех людей, которые не открывают по пустякам свое сердце»⁹⁷.

⁹⁵ Гельман З. Помилованный // Собеседник. 1990. Декабрь. №50. С.5.

⁹⁶ Семенов П. «Люди, будьте добрыми!» // Ленинское знамя. 1991. 27 февраля.

⁹⁷ Булычёв В. Этот удивительный Мастепанов // Ухта. 1993. 17 ноября.

Газетные публикации или показ документального фильма о Мастепанове завершался, как правило, обильной почтой заинтересованных лиц из разных уголков Советского Союза. Появлении фамилии в прессе, а тем более фотографии, журналистской зарисовки неискушенным советским читателем воспринималось как факт большого общественного признания и даже «правительственного» внимания... А как же – заметили, поддержали, одобрили..., в самой «Правде» напечатали! Вот реакция отрадненского краеведа М.Н. Ложкина на письмо-рассказ о Мастепанове в «Советской Кубани». Ложкин высылает экземпляр газеты Мастепанову с надписью: «Дорогой Сергей Данилович! Поздравляю тебя, рады за тебя! От музейщиков Отрадной – привет! 16/VI 90 г. М. Ложкин». В.В. Шевченко пишет своему учителю: *«Статья от 30.01.89 г. в «Правде» очень мне понравилась и должна иметь последствие (для Вас). А вот фильм, сколько и как не старался, так и не увидел. <...> Статью на работе мне пришлось комментировать, и не раз! Тем более, что даже не я, а несколько сотрудников раньше меня прочитали её. Делал я это, конечно же, с превеликим удовольствием, оперируя фотоснимками, вырезками из газет, книгами»*. Каждый читатель в прочитанном, или увидевший фильм «Хранитель», находили свой особый вопрос к герою фильма или газетной публикации. Спрашивали о значении тех или иных пословиц, уточняли – не видел ли С.Д. в Ухтпечлаге родственника, арестованного в тридцать седьмом, как излечиться от дистрофии (с учётом лагерного опыта), коллекционеры осаждали предложениями обмениваться книгами, марками, местной прессой, лотерейными билетами, проштемпелёванными почтовыми отправлениями (были и такие, кто собирал оттиски почтовых штемпелей со всех отделений почты СССР), изданиями на национальных языках... На первом месте, конечно, были паремиологи – собиратели пословиц, поговорок и речений на всех языках, изданных в виде книг, брошюр, буклетов, в оригинале и переводе; были и лица, увлекавшиеся «темати-

ческой паремиологией»: пословицы о море, рыбной ловле, здоровье, алкоголизме, нецензурные пословицы и прочее, прочее...

Личность С.Д. Мастепанова, безусловно, привлекала внимание человека конца «эпохи застоя», задохнувшегося в атмосфере бездуховности, ограниченных социальных возможностей, примитивного потребительства и полной изолированности от внешнего мира, прорывавшегося к советскому обывателю только через лёгкие «кассовые» (разрешенные к показу) фильмы, редкие, продававшиеся из-под полы модные пластинки, журнал «Америка», поступавший в киоски «Союзпечати» в «избранные» города СССР и «ночные» голоса западных радиостанций. А тут из Богом забытого места, то ли Малокурганного, то ли Краснокурганного (название даже путает спецкор «Известий») сообщают о пенсионере, который переписывается с мировыми «светилами», получает бандероли из ООН – и всё это свободно! Невероятно! Поэтому бывшему ученику Петровской средней школы В.В. Шевченко, после публикации в «Правде» материала о своём учителе, приходится не раз комментировать прочитанное в газете своим коллегам по работе в киевском институте.

После распада СССР, с началом гайдаровской «шоковой терапии» советской экономики, жизнь учителя-пенсионера в пос. Малокурганном временами становится невыносимой, как, впрочем, и повседневная жизнь миллионов его соотечественников. На это обращает внимание Л. Осадчая в газете «День Республики» в сентябре 1992 года: *«Сергей Данилович Мастепанов – человек очень скромный, ведёт аскетический образ жизни, не обивает порогов вышестоящих инстанций, не требует и не спекулирует своим именем»*, поэтому ни городские власти, ни поселковый совет даже и не помышляли улучшить условия жизни 80-летнего человека, который *«многие годы ютится в маленьком домике, где негде хранить каталоги и картотеки, ценные книги, наконец, стыдно принимать гостей из других держав»*; эту ситуа-

цию ни рассказы в прессе, ни на телевидении в лучшую сторону не изменили⁹⁸. Особенно тяжело было зимой. В одном из писем в Ухту от 29 февраля 1992 г. С.Д. пишет: «Зима в этом году у нас исключительно снежная и суровая, да и долгая к тому же». После скоростной смерти Надежды Ивановны, супруги Сергея Даниловича, к бытовым трудностям добавляется одиночество. Сын Николай со своей семьей в это время жил в с. Ивановском Ставропольского края. В одном из писем к Аркадию Ильичу Галкину, сопредседателю Ухто-Печорского историко-просветительского общества «Мемориал», который выступал составителем сборников «В недрах Ухтпечлага», Мастепанов описывает свое состояние: *«Я вот уже два года живу один, позабывший и позаброшенный всеми, даже близкими родными, в своем убогом домишке с огородом и садом. Всю зиму страшно мерзну в своем холодном жилье, а летом заготавливаю «тепло» для будущей зимы.*

Мало-помалу я привык к своей одинокой жизни: ведь живым в могилу не ляжешь. И сейчас, как мне кажется, я смогу написать обещанные воспоминания для планируемых Вами сборников. Если они Вам сейчас нужны – сообщите, и я постараюсь как можно скорее выслать обещанное». В письме А.И. Галкину от 21 сентября 1996 г. Сергей Данилович подытоживает свой опыт общения с прессой через призму прожитых лет, ощущая себя до обидного ненужной вещью: «А главные трудности – это возраст (83 года), 10 лет сталинских лагерей и 10 последующих лет судьбы затравленного волка, «врага народа» (короче, жизнь в аду с 1937 по 1957 год) и под конец – одиночество всеми забытого дряхлого старика, который когда-то всем был нужен, а теперь – никому! Как старая вещь: износилась – выбросили! А ведь когда-то об этой старой «вещи» по заказу Правительства снимали документальный фильм «Хранитель» и четыре телевизионных передачи. Планировалось ещё

⁹⁸ Осадчая Л. «Там, на шахте угольной...» // День Республики. 1992. 22 сентября.

снять обо мне три фильма, но последующая [в конце восьмидесятых годов. – Авт.] после погони за наживой (рентабельность) отбросила эти планы, как не дающие доходов – и обо мне вскоре все забыли». Так прошла «газетная слава» Сергея Даниловича, новый виток в развитии общества на первое место выдвинул иные проблемы, которые возникли сразу и стали насущными – в борьбе за элементарное выживание в конкурентном мире «дикого» капитализма, в стихии крушения социальных идеалов. «Эталоны» российской интеллигентности, которые утверждал своей повседневной жизнью и подвижнической деятельностью Сергей Данилович новым «творцам» отечественной истории были не только не нужны, но даже мешали, о них следовало побыстрее забыть.

Зримый образ

Давно знавший Сергея Даниловича писатель Гарий Леонтьевич Немченко, вместе с режиссером Северо - Осетинской студии документальных фильмов Игорем Икоевым, в 1987 г. осуществил свой заветный план – снять фильм о Мастепанове. Фильм получился короткометражным, и мог бы затеряться среди десятков подобных документальных лент, которые тогда снимались в нашей стране, но он оказался душевным, актуальным и философским одновременно, и получил не только «хорошую прессу», но и огромное количество зрительских откликов, которые в виде писем (их собирали на почте в мешки) приходили на имя учителя-пенсионера из Малокурганного.

Фильм, снятый по сценарию Гария Немченко, возвращал русского человека к его исконным корням – сокровищнице языка, к истокам христианства (впервые за всю историю станицы Отрадной её жители увидели на экране настоятеля своей Рождество-Богородицкой церкви), к недавнему прошлому, связанному с репрессиями, и бердив-

шему души миллионов людей нашей страны, к извечным вопросам цены технического прогресса, достигавшегося за счёт нравственного регресса и усиления отчуждения в элементарном человеческом общении... Каждый зритель удивительным образом в авторском повествовании об интереснейшем человеке увидел свои проблемы, вспомнил о своих предках, своей семейной истории, задумался о труде и вере, о профессионализме подлинном и мнимом, о смысле своего земного бытия... Фильм этот, показанный по Центральному телевидению, вместе с начавшимися газетными публикациями, стал как бы «второй волной» общественного интереса к личности Сергея Даниловича, извлёк его из небытия. Благодаря работе осетинских документалистов мы можем видеть, слышать С.Д. Мастепанова, оценить реально ту обстановку в которой он жил, писал, думал...

Гарий Леонтьевич тяжело работал над сценарием, фактически за несколько десятков минут надо было рассказать о долгой и, казалось бы, безсобытийной жизни провинциального коллекционера-чудака, но через его увлечение, не всем «партийным функционерам» понятное, надо было показать высокую значимость нравственной составляющей в человеческом труде. Ведь не всё измеряется денежным эквивалентом! За образом простого труженика, каким предстает в этом фильме Сергей Данилович, стояли миллионы безмолвных, но бескорыстных, скромных, бедных советских граждан, о каждом из которых невозможно было снять фильм, но, увидев его, они поняли, что это фильм и об их судьбе, поэтому «Хранитель» был так тепло встречен. Многие писали, что смотрели фильм с благодарностью и со слезами на глазах, предлагали свою помощь в осуществлении научных планов Сергея Даниловича.

В одном из вариантов сценария Г. Немченко есть такие строки-размышления: *«Когда были в гостях у Сергея Даниловича Мастепанова, размышляли о житье-бытье, невольно припомнились вдруг печальные афоризмы последнего, не очень весёлого времени, – «Нас толкнут – упадем,*

поднимут – дальше пойдём», «Кому много дано, тот сам себе ещё больше возьмёт...» И подумалось о расточителях народной нравственности, в погоне за материальными благами начисто позабывшими о душе... А Мастепанов остаётся хранителем мудрости, а, значит, и чистоты... Хранителем старых обычаев, таких корневых понятий, как доброта и правда, хранителем непобедимого в бесконечном своем терпении народного духа.

И сколько их, в самых разных концах нашей большой Отчизны: бессребреников, до последнего дыхания оправдывающих звание своё: У ч и т е л ь. Знаем ли мы их ?.. Ищем ли их? Поймём ли?»

В начале девяностых волею судеб Г.Л. Немченко оказался в числе «столичных» отраденцев-казаков принявших участие в возрождении казачества, готовился первый номер казачье газеты, и, как редактор, Гарий Леонтьевич предлагает Сергею Даниловичу активно включиться в подготовку газеты и предлагает разные темы – и о паремиологии, и о словаре говора казаков-отраденцев, и о создании «казачьего архива». Тогда же и возникли планы снять фильм о казачестве и его судьбе в XX веке – «Казачий круг»: «*Кино должно быть вот-вот, обещают и первый фильм повторить (имеется в виду «Хранитель», – Авт.), но когда и как?.. Летом попробуем и то и другое показать на Ставрополье*» – писал Г.Л. Немченко. Он также предлагает вспомнить С.Д. Мастепанову памятное об урупском казачестве: «*Подумали бы вот ещё о чём, Сергей Данилович: мне тут пришло много самых разных писем. От казаков. И, вероятно, мы сложим такую книжку – из казачьих писем. Может, приняли бы участие? Как вспомню один Ваш рассказ, как элеватор разломали, а народный дом – на месте хат разломанных – тоже так и не построили... Опять же – не мне Вас учить. Напишите!.. Это уж и точно, не пропадёт: будем живы – будет такая книга. Тут можно и не стесняться, и в объёме, и в остальном тоже... Чтобы правда, и только правда!.. Жду! С искренним уважением,*

сердечно, – Гарий Н[емченко]». К сожалению, планам о фильме «Казачий круг» так и не суждено было осуществиться, о содержании этого фильма у Сергея Даниловича было своё мнение, он, как живой свидетель процессов «расказачивания», мало надеялся на «возрождение» (и оказался по большому счёту прав), поскольку без настоящего осознания и изучения произошедшей социальной катастрофы с казачеством в XX веке, подлинного возрождения быть не могло... Его живой, зримый образ-портрет остался, к сожалению, теперь только на уже мало кому известной киноленте «Хранитель».

Несостоявшаяся поездка в Хельсинки

Вернёмся вновь к середине семидесятых годов... Об этом случае написали и в местной и центральной прессе: учителю (в это время уже пенсионеру) из пос. Малокурганного пришло приглашение на конгресс в Хельсинки – столицу дружественной, но всё-таки капиталистической страны! Вначале писали оптимистично, в духе: « Вот какой уровень наших учителей, на заграничные научные конгрессы приглашают!» Но дальше информационных сообщений дело не пошло⁹⁹. А началось всё с того, что Сергей Данилович уже несколько лет (с 1965 года) переписывался с доктором Матти Кууси¹⁰⁰, который предложил Мастепанову принять участие в работе VI Конгресса Международного общества по исследованию повествовательного фольклора.

Предыдущий, V Всеобщий съезд Международного общества по исследованию повествовательного фольклора, проходил в Бухаресте в 1969 г. С.Д. Мастепанов был приглашён на конгресс, который планировалось провести с 16 по 21

⁹⁹ Глуз С. В Хельсинки на конгресс // Ленинское знамя. 1973. 9 февраля.

¹⁰⁰ Кууси, Матти (1914 – 1998) – финский фольклорист, профессор Хельсинкского университета, редактировал до 1984 года паремнологический бюллетень « Proverbium».

июня 1974 г. В рамках работы конгресса предполагалось провести заседание Международного общества по исследованию повествовательного фольклора, пленарные заседания, совещания разных секций и экскурсии.

Главными темами конгресса были следующие: 1. Таксономия повествовательного фольклора (проблемы полевой работы, архивирования, систематизации, классификации, типологии, а также анализ жанров и источников); 2. Соотношение фольклора с обществом, культурой и мироощущением человека (бытование фольклора в общинах и субкультурах; взаимодействие фольклора с другими жанрами, т.н. booklore и masslore; экология традиций: ареальные сравнения и ойкотипизация); 3. Современные тенденции в методологии фольклора (структуральные, коммуникативные и количественные подходы в изучении фольклора). Место проведения работы конгресса – Дом Академика в Хельсинки.

В своих письмах С.Д. именует мероприятие как «международный конгресс фольклористов». Доклад Сергея Даниловича, предложенный на конгресс, был посвящён паремнологической библиографии народов мира, и вероятно, получил положительный отзыв организаторов конгресса. Вначале С.Д. не намеревался «выезжать», поскольку для участия требовался организационный взнос всего в сумме 25 долларов(!), которых, естественно, у Мастепанова не было, да и достать их тогда «законным» путем в СССР было нельзя. Это был взнос для участия в Конгрессе и оплаты издания тезисов в трудах Конгресса. 13 декабря 1973 года С.Д. Мастепанов пишет М. Кууси: *«Выслать 25 долларов мне не представляется возможным, так как перевод за границу денег частным лицам у нас не допускается. Возможно, кто-либо из Ваших знакомых согласится внести за меня 25 долларов, а я бы выслал взамен литературы желаемой тематики даже на 50-60 долларов. Я выслал Вам в этом году несколько бандеролей с пословичной литературой. Получили ли Вы их?»* Организаторы конгресса, вероятно, убедили С.Д. приехать в Хельсинки. В это время в Европе идет под-

готовка будущего Хельсинкского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и возникает иллюзия, что контакты можно наладить легко; кроме того, С.Д. подвело полное незнание того, как живёт и действует академическая научная система в нашей стране, со времен Петра Великого «сидящая» на полном гособеспечении и финансировании, рассчитанном только на «своих» учёных, а не на самоучек из «народного ополчения науки», с которыми часто заигрывала власть. С.Д. Мастепанов трижды обращается в 1974 году в Управление внешних сношений Академии Наук СССР и даже к Президенту АН академику М.В. Келдышу с просьбой разрешить ему официально, т.е. за счёт АН, посетить Финляндию.

Но Сергею Даниловичу отказали («оформить Вашу командировку в Финляндию, на указанное мероприятие, к сожалению, не представляется возможным»), предложив два варианта: или ехать на конгресс как частному лицу, оформив через местный ОВИР свой выезд, или передать «научным туристам» из Академии свой доклад для зачитывания его, поскольку небольшая группа учёных из АН едет в Хельсинки на свои личные средства. На этом «конфликт интересов» был исчерпан.

В начале апреля 1974 года Мастепанов пишет Матти Кууси: *«Жаль, что мне не удастся приехать на конгресс. Академия Наук СССР отказала мне в командировке для выезда в Хельсинки, мотивируя своё решение тем, что я не являюсь её сотрудником. Я имел бы большие шансов получить командировку, если бы Вы направили на меня заявку в Министерство культуры СССР и выслали бы мне персональное приглашение на конгресс. Если бы у меня было бы такое приглашение, то наши областные организации взяли бы на себя все расходы и оформление мне командировки. А без официального приглашения не видно, действительно ли я приглашён на конгресс, и с какой целью».* Такой вариант, видимо, был хлопотным для приглашающей стороны и не

получил своего развития, а Сергей Данилович по-прежнему продолжал удивлять всех своей «святой простотой»!

Последней попыткой помочь С.Д. Мастепанову выехать на Конгресс стало письмо от 20 мая 1974 года ставропольского критика и литературоведа Ефима Тимофеевича Кабаченко члену-корреспонденту АН СССР Н.Т. Федоренко, в то время редактору журнала «Иностранная литература». По иронии судьбы, годом ранее, А.А. Тишков советовал Мастепанову обратить внимание на статью Н.Т. Федоренко «Афоризм как жанр словесного искусства», опубликованную в журнале «Вопросы литературы» (Вопросы литературы. 1973. №9. С.135–146)¹⁰¹. В середине мая 1974 г. Е.Т. Кабаченко¹⁰², референт Ставропольской краевой организации общества «Знание» В.И. Анисимов, писатели Анзир Хубиев и Азамат Алимович Суюнчев¹⁰³ побывали в доме Мастепанова. Фактически они перепроверяли то, что написал Л. Глуз в очерке «Увлечённость»¹⁰⁴.

Е.Т. Кабаченко пишет в письме Николаю Трофимовичу Федоренко: « В очерке “Увлечённость” публицист – летописец современности (имеется в виду Л. Глуз.- Авт.) довольно обстоятельно всё изложил, так, как на самом деле живет и работает исследователь-учёный, человек Сергей Данилович Мастепанов. Стеллажи с редкими и особо ценными и уникальными изданиями. Здесь и книги, и журналы, в которых широко представлены публикации педагога (по основной профессии **педагога**). Он – искатель из шахтёрского посёлка, трудолюбив, настойчив в достижении цели.

¹⁰¹ По своим исследовательским интересам Н.Т.Федоренко был близок паремистике Мастепанову, спустя год у него вышла книга: *Федоренко Н.Т.* Меткость слова (Афористика как жанр словесного искусства). М., 1975. См. также: *Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.* Афористика. М., 1990.

¹⁰² Литературовед Е.Т. Кабаченко был автором нескольких статей в Краткой Литературной энциклопедии, с 1953 года входил в редколлегию альманаха «Ставрополь», писал о творчестве ставропольских и северокавказских писателей, см.: *Кабаченко Е.Т.* Творчество писателей Ставрополя. Ставрополь, 1961. – 41 с.

¹⁰³ *Суюнчев Азамат Алимович* (1923 – 2012) – народный поэт Карачаево-Черкесской Республики.

¹⁰⁴ Глуз С. Увлечённость // Ставропольская правда. 1974. 24 марта.

Поиск привёл его к находкам и открытиям. Имя С.Д. Мастепанова известно за рубежом и далеко за пределами Северного Кавказа. Огромная картотека с записями фольклора. Выписки, статьи в журналах. Здесь и рукописи исследований, публикации хранятся особо.

Почта С.Д. Мастепанова богата и многопланова. География переписки с учёными, знатоками, исследователями довольно обширна... Автор письма, заручившись мнением уважаемых коллег – свидетелей визита, пытается убедить Н.Т. Федоренко, что письмо из АН СССР с отказом в помощи Мастепанову, написано «равнодушной рукой», а сельский учитель действительно и исследователь, и литератор, и переводчик (как востоковед и японист, вероятно, это должен был принять к сердцу Н.Т. Федоренко), и против его кандидатуры компетентный в делах культуры, литературы и искусства второй секретарь Карачаевского горкома КПСС ничего против не имеет и даже вспоминает «добрым словом» Сергея Даниловича Мастепанова. Письмо завершается словами: «Если можно что-либо сделать, то мы просили бы Вас ответить С.Д. Мастепанову...», его нельзя считать «частным лицом», как полагает И.В. Плотинский (автор отрицательного ответа из АН СССР). Ответил ли член-корреспондент Академии Наук Н.Т. Федоренко¹⁰⁵ учителю-пенсционеру С.Д. Мастепанову – неизвестно.

Однако завязавшаяся переписка с чиновниками из АН СССР имела свои последствия – имя С.Д. Мастепанова исчезает из газет примерно на десять лет. Уже в 90-е годы это событие было легковерно представлено журналистами, как пример «высокомерия» академической науки по отношению к «народному учёному», что не совсем верно. И Академия Наук, и учитель из «горного села», как любил представлять-

¹⁰⁵ Федоренко Николай Трофимович (1912 – 2000) – филолог-востоковед (синолог и японовед), государственный и общественный деятель СССР, член-корреспондент АН СССР, родился в г. Пятигорске, поэтому Е.Т. Кабаченко обращался к нему, видимо, ещё и как к «земляку». 31 августа 1973 г. Н.Т. Федоренко подписал письмо группы советских писателей в редакцию газеты «Правда» о Солженицыне и Сахарове.

ся С.Д., были «невольниками» одной ветшавшей и двигавшейся к политическому банкротству политической системы, и многочисленная академическая корпорация, и одинокий самоучка-пенсионер в равной мере были не свободны. По соглашению, заключённому в Хельсинки в 1975 году, СССР обязался соблюдать права человека, что дало толчок в развитии диссидентского движения в Советском Союзе. «Случай» с Мастепановым не приобрёл международного звучания, хотя имел определённую тенденцию к этому. В ходе переписки с М. Кууси выявились и «заграничные связи» Сергея Даниловича – несколько книг с пословицами ещё в сентябре 1972 г. должна была передать Кууси «племянница» С.Д. Мастепанова – А.Д. Варела де Мастепанов. Всё это в совокупности могло превратиться в «отягчающие» обстоятельства, но опыт сталинских лагерей подсказывал, что надо быть осторожным в оценках и выражениях, не «давить» на власть, и С.Д. следовал этой тактике неукоснительно.

Конечно, Сергей Данилович был огорчён постигшей его неудачей в связи с поездкой на конгресс. Близким он всё объясняет своей болезнью; пишет об этом ровеснику по возрасту и коллеге по интересам – библиофилу из Риги И.Б. Изнюку, который в ответном письме (от 14 декабря 1974 г.) искренне сочувствует: «Очень соболезную Вашим неудачам – болезнь и невозможность попасть на конгресс и совещание (в Самарканде. – *Авт.*) – это воздействие не только физическое, но и моральное. Отнеситесь к этому с философским достоинством: «Всё, что ни идёт – идет к лучшему». Что такое болезни, я знаю в мои 65 лет, они почти не отпускают меня. Вот и получается, что раньше я разлагался по частям, а теперь все части разлагаются...»

Паремиологическая библиография была и оставалась в дальнейшем для Сергея Даниловича и лекарством, и формой своеобразной духовной эмиграции.

К сожалению, так и не удалось найти документальных подтверждений тому, что после отставки президента Меж-

дународного фольклорного общества Арчера Тейлора на этот пост Матти Кууси предложил фигуру Сергея Даниловича Мастепанова, и что это предложение обсуждалось в АН СССР, и его кандидатура не была рекомендована. Много в журналистском нарративе о Мастепанове нелогичного, непонятого и пересказанного с чужих слов.

В книжной келье

Так и не получив высшего образования, Сергей Данилович всю жизнь занимался самообразованием: книги – молчаливые собеседники – учили, советовали, раскрывали горизонты непознанного, хранили крупницы народной и высоко учёной мудрости, ничего не просили и... никогда не предавали. Страсть к коллекционированию и библиофильству, по своей природе, в основном мужская, женщин-библиофилов крайне мало, причины этого очевидны... В дореволюционной «Адресной книге русских библиофилов» М.Я. Параделова из 1247 зарегистрированных библиофилов только 12 женщин. По статистике 1972 г. в нашей стране из числа библиофилов было не более 10% женщин¹⁰⁶. Поэтому вряд ли супруга Сергея Даниловича Надежда Ивановна, на которой держалось всё домашнее хозяйство, а в большей части и поддержание семейного бюджета, одобрительно относилась к увлечению своего мужа, в то время как «увлечения сельского учителя» вызывали восторги у журналистов. Это чувствуют и посетители дома Мастепанова.

Количеству книг, грампластинок в доме учителя уже поражались ученики с. Петровского в начале 50-х годов. Книжная коллекция дополнялась собраниями монет, медалей, марок. Вот как описывает свои впечатления корреспондент Л. Осадчая в 1986 году, посетив скромный домик

¹⁰⁶ *Петрицкий В.А., Казанков Б.Е.* Советское библиофильство 60-70-х годов. Опыт историко-социологического исследования // Книга и время. Сборник статей. М., 1980. С.93.

Сергея Даниловича: *«На пороге меня встречает седой голубоглазый человек. Проходим в его кабинет, а навстречу – манящий запах книг: на стеллажах, на столах, на подоконнике, на полу, под потолком на антресолях – увесистые тома энциклопедий, труды языковедов разных стран и эпох, на иностранных языках и языках народов нашей страны. Беллетристики здесь не было. Здесь царствовали книги, где билась научная мысль всех времен, наречий и диалектов, книги-работяги со множеством закладок, страницы их испещрены карандашом – следы раздумий и заочных споров с авторами... В многочисленных ящиках – каталоги библиографических исследований хозяина библиотеки»*¹⁰⁷. Количество книг в библиотеке Сергея Даниловича никто не считал, да и сам он не мог этого сделать окончательно, поскольку обменивался книгами, особенно по «пословично-поговорочной» тематике со своими корреспондентами – собирателями пословиц, поговорок и афоризмов почти четыре десятилетия! Отвечая на анкету книговедов в середине 70-х годов, он указывает, что в его библиотеке примерно 3000 томов пословиц и поговорок народов мира; цифра, вероятно, неточная (возможно, завышенная), поскольку журналисты часто в своих заметках путали количество библиографических описаний паремиологической литературы (С.Д. Мастепанов говорил о 30 000 названий на примерно 700 языках) т.е. карточки с количеством книг в его библиотеке. Поэтому иногда указывалось, что у него до 30 тысяч книг. Цифра в 5 000 книг вполне реальная, таким количеством владело не более 10% библиофилов в семидесятые годы, поскольку предел количественным показателям определяли квадратные метры жилья – книги попросту негде было размещать. Помимо книг были ещё «ксероксы» научных статей, микрофильмы, огромное количество журналов и газет. Много было книжных дублетов, предназначенных для обмена. Библиотека была не только предназначена для

¹⁰⁷ *Осадчая Л. Тропа Мастепанова // Ленинское знамя. 1986. 7 февраля.*

научных штудий, но была открыта и для посетителей: не одно поколение учеников школы посёлка Шахты №6 прикоснулось через библиотеку С. Д. Мастепанова к ценностям мировой культуры, узнало великие имена русской литературы, самоопределилось в выборе жизненного пути. О роли книги в своей жизни Сергей Данилович написал так: *«Для меня книга, прежде всего, источник знаний и средство умственного развития. Не получив в детском и юношеском возрасте даже начального образования, я всячески стремился восполнить этот пробел чтением книг. И я страстно любил книги. Как только я смог самостоятельно зарабатывать, я большую часть своего заработка тратил на книги. Книги помогли мне, в прошлом малограмотному, стать учёным. Я могу повторить, что всему хорошему в моей жизни я обязан книгам»*¹⁰⁸.

Здесь уместно вспомнить и о цене библиофильского увлечения. Книги приобретались в магазинах и у букинистов, обменивались и пересылались почтой в другие города страны, отсылались за границу – и это всё стоило денег, а заработная плата учителя немецкого языка, а затем пенсионера была невелика. Экономия достигалась за счёт аскетического образа жизни, ставшего чертой характера после полугодного детства и десятилетнего лагерного бытия, и, как это не прискорбно, общего семейного бюджета. Почти ежегодные поездки в библиотеки Москвы и Ленинграда тоже стоили немалых денег, не прекращался поток бандеролей наложенным платежом книготорговых фирм «Книга-почтой». Сын Николай часто писал отцу в Москву сколько получено бандеролей, и сколько ещё осталось на почте, а маленькое домашнее хозяйство требовало мужского присутствия – огород, сад, ремонт дома, заготовка топлива на зиму... Поэтому понятны приписки Надежды Ивановны в сыновьих письмах к отцу, работавшему в библиотеках: «Возвращался бы ты домой, хватит там скитаться...» Заме-

¹⁰⁸ Цит. по: Петрицкий В.В., Казанков Б.Е. Указ. соч. С.98

чают некоторую отчуждённость и журналисты: «Не знаем, как судит о нем жена, но образа жизни его явно не одобряет, держится сбоку. Это – второй его брак, от которого сын. Но одиноко ему, одиноко...» Книголюб для московских собеседников оказывается очень интересным и редким человеком: *«Замечаем, что всё время разглядываем его, сидя в простенке, заваленном книгами. Их много, около пяти тысяч, в подслеповатой комнатухе, служащей и кабинетом и спальней, где всё сработано руками хозяина – и стол, и стеллажи, и табуретки. Тусклая, без абажура, лампочка свисает над «Альманахом библиофила». Седой бобрик, глаза, кажется, голубые – сумеречно в тесных стенах, не рассмотришь сразу. Обличьем прост, скорее беден. Да и откуда на хорошую одежду, тот же телевизор взять, если пенсия уходит на дорогу, на ксерокопии – он до сих пор навешивается в Институт информации по общественным наукам АН СССР, Библиотеку имени Ленина»¹⁰⁹*. (В морозные зимы домишко промерзал и углы покрывались сыростью и изморозью, «изморозь покрывает печатное и рукописное...», – писал годом ранее другой московский журналист¹¹⁰. Но «книжная охота», если однажды находит на человека, то редко его отпускает, и это увлечение остается до смертного часа. Изменения в церковно-государственных отношениях, произошедшие в год Тысячелетия Крещения Руси, открыли доступ к запретной дотоле церковной литературе. В декабре 1988 г., из Киева, Сергею Даниловичу пишет В.В. Шевченко: *«Высылаю Вам «Библию». Была возможность приобрести «Толковую Библию» в трёх томах, но я поздно узнал, и пока думал и решал как быть (брать – не брать, ведь она стоит 250 руб.), «паровоз ушёл»....Взял себе и Вам вот этот однотомник ценой 50 рублей. Эта купля-продажа была в Экзархате с благословения Филарета (по прошению, т.е. заявлению, благословить Библию за наличный расчёт). Может, я поступил и неправильно, но*

¹⁰⁹ Панкратов В., Чертков В. Бандероль из Нью-Йорка // Правда. 1989.30 января.

¹¹⁰ Стяжкин Н. Хранитель мудрости // Ставропольская правда. 1988.19 января.

вот такая история...». Нашему библиофилу 75 лет, многие уже завершали свой жизненный путь в эти годы, а Сергей Данилович только приступает к чтению главной книги – Библии! Книг много – жизнь коротка.

Книги приобретались, как правило, в нескольких экземплярах для дальнейших обменов, что также обременяло и стеллажи в «кабинете» и семейный бюджет. Международный журнал «Proverbium» он регулярно получал в нескольких экземплярах, обменивая его в последующем на нужные в работе книги, или просто щедро раздаривал, если там были его статьи. И в Нью-Йорк, и в Хельсинки и иные города уходили русские и советские паремиологические издания, причём часто и библиографические раритеты. Бандероли с книгами отсылались десятками в разные города, постоянными адресатами были Матти Кууси (Хельсинки), Виктор Самойлович Гинзбург (Нью-Йорк), Вольфганг Мидер (Вермонт, США), Эмануил Стросс (Великобритания). Но дружба дружбой, а табачок врозь: Матти Кууси, например, регулярно получает книжные новинки и раритеты от Мастепанова, но редакция журнала «Proverbium», которую он возглавляет, просит учителя внести 1 доллар или другую валюту, эквивалентную ему, чтобы напечатать присланную работу. С.Д. предлагает: *«Если бы можно было сумму, даже гораздо превосходящую требуемой, выслать Вам литературой по любой тематике, я был бы рад. Так как с высылкой литературы дело обстоит гораздо проще»*. Один доллар превращается в проблему, неразрешимую для Мастепанова в условиях его советского бытия: *«К сожалению, мне не удалось сделать перевод на указанную сумму, – пишет Сергей Данилович, – так как здесь не оформляют денежные переводы. Этим делом занимается Внешторгбанк СССР в Москве. Если в недалёком будущем я буду там, то я постараюсь указанную сумму переслать в редакцию. Вот таковы обстоятельства...»* В конце концов финский коллега внёс какую-то сумму денег за участие в конгрессе, но время было упущено.

Книги, приобретённые С.Д. Мастепановым на протяжении десятилетий, в ходе поездок в столичные книжные магазины и у букинистов, как-то легко выменивались на библиографическую литературу, в связи со сменой его главного научного интереса, когда от бессистемного собирания паремий различных народов он перешел к составлению библиографии паремиологической литературы. К сожалению, ни лингвистические, ни культурологические, ни социально-исторические или какие-либо сравнительные аспекты изучения пословиц и поговорок Сергея Даниловича не интересовали, и в этом сказалось, вероятно, отсутствие у него всё-таки высшего филологического образования. И в собирании книг, и в собирании народной мудрости он оставался коллекционером в большей степени, чем исследователем, точное описание и количество, своеобразный статистический, констатирующий подход стал превалировать в его статьях, в ущерб анализу и синтезу. Книги были для него в большей степени инструментом в работе, чем библиофильской самооценностью, или некими самодостаточными памятниками книжной культуры.

Тем не менее, будучи самоучкой, Сергей Данилович жадно навёрстывал в течение десятилетий то, что ему было недоступно в лагерные годы, читал и собирал всё, что могло представлять интерес для дальнейшего образования.

Живой интерес к познанию мира, способность мыслить и приходить к оригинальным выводам он не утратил до конца своих дней.

Случайно на тетрадном листке сохранился перечень периодических изданий, которые выписывал по почте Сергей Данилович в 1995 году. Издания и их доставка запаздывали, в стране была галопирующая инфляция, поэтому он тщательно отмечал номера изданий и дату их получения. В списке 16 названий, по которому видно, что в свои 72 года он не потерял детского любопытства и жаждал узнать и прочитать то, что не мог прочитать, или что было недоступно во времена советской подцензурной эпохи. Его интере-

сует история, и он выписывает журналы «Родина», «Отечество», газету «Русский вестник»; для практики в иностранном языке – газету на немецком «Нойес лебен», еженедельник «Книжное обозрение» для того, чтобы быть в курсе новых книжных и паремиологических изданий, региональные издания – газеты «Кавказский край», «День Республики» помогали понять, что происходит на Северном Кавказе. Однако две трети списка – это издания о «невероятном», «таинственном», «аномальном», «удивительном» и «космическом», последнее, видимо, сильно занимало Сергея Даниловича в последние десятилетия жизни, не случайно он опубликовал описание «чудесного происшествия», приключившегося с ним. Жить в ожидании тайны и чудесного раскрытия её было для него естественным состоянием. Книги же были для него некими ключами к постижению источников различных тайн Вселенной.

Не был чужд он и художественной литературы, среди оставшейся части библиотеки, хранящейся у его сына, есть дореволюционные (прижизненные) издания русских писателей-классиков в отличных кожаных переплётках, немецкие издания девятнадцатого века по истории костюма и театра, подписные издания зарубежных и русских писателей, издававшиеся в 50-е годы.

К сожалению, каталога библиотечного собрания Сергея Даниловича не сохранилось, хотя в конце жизни он предпринимал попытки составить некоторые тематические списки книг. Несмотря на короткий период оккупации в 1942 – 1943 гг., военные действия, в семье Мастепановых сохранились книги тридцатых годов, которые ещё выписал из Москвы начинающий эсперантист С.Д. Мастепанов. О круге читательских интересов братьев свидетельствует сохранившаяся записка. 12 ноября 1949 года Михаил Данилович зашёл к брату на квартиру, чтобы забрать свои книги и оставил перечень: *«Сергей! Взял свои книги: 1. Потерянный и возвращённый рай; 2. Шиллер, I и III тома; 3. Отечественные записки, 2 книги; 4. Мольер; 5. Песнь о*

Роланде; 6. Оскар Уайльд, т. III-IV; 7. Полежаев; 8. Чтения по русской литературе; 9. Вестник воспитания; 10. Островский; 11. Шелли; 12. Семья Тибо. Пластинки без тебя уж и не стал отбирать – убоился скандала. За книги и то потребовали расписку. С приветом, Михаил».

В апреле 1957 г. через Усть-Джегутинский магазин Сергей Данилович получает подписные издания таких авторов, как С.И. Тургенев, Жюль Верн, Ромен Роллан, А.И. Герцен, Г. Гейне, Ф.М. Достоевский, «Библиотеку приключений». Но все эти приобретения стоили денег. Дочь Лида, научившаяся недавно писать, крупным каллиграфическим почерком (ещё до «реформы» чистописания в советской школе) сообщает просьбу папе, жившему отдельно: *«Здравствуйте дорогой папа! Как Вы себя чувствуете после болезни. Я тоже сильно переболела. Как здоровье бабушки. Папочка, я очень Вас прошу, пришлите мне денег для улучшения питания. Врачи сказали мне лучше питаться. Как приедете в Джегуту, заходите, я уже соскучилась. А пока всё.*

Целую Вас папа и бабушку. Лида. 8/XII.57 года». Чтобы «справить» форму для дочери Лидуси к первому сентября требовалось 150 рублей, шарфик тёплый стоил 120 рублей. А в это время московский книжный работник Рабинович сообщает т. Мастепанову, что высылает 7-й том Семёнова «Россия», а также у него имеется «Замечательные чудачки и оригиналы» Пыляева (150 руб.) и «Литература русской библиографии» Геннади (250 руб.). Соблазн велик! Это – при месячной средней зарплате учителя в то время в 600-800 рублей... «Средний» дом, в котором нуждалась вторая семья Сергея Даниловича, и к которому он приценивался, стоил в середине пятидесятих годов примерно 19 тысяч (до денежной реформы), впрочем, можно было купить и за 10, и за 30 тысяч, а зарплата по-прежнему была нищенской. Сохранилась ведомость на выдачу отпускных за 1959 – 1960 учебный год учителям Шахтинской семилетней школы №23, в которой работал учителем немецкого языка Сергей

Данилович. Среднемесячная зарплата его в том году составляла 82 рубля 63 копейки. Отпускных он получил 115 руб. 92 коп. Его однодневный заработок составлял 3 рубля 22 коп. И хотя заработная плата учителей с начала шестидесятых медленно увеличивалась, но книг, которые интересовали Сергея Даниловича, с каждым годом издательства выпускали всё больше и больше. Книги неуклонно подтачивали семейный бюджет. Цена «увлечения» Сергея Даниловича была непомерно велика для человека его социального статуса и стала бременем для всех близких на всю оставшуюся жизнь, бременем, вносившим диссонанс во внутрисемейные отношения.

На книги Сергей Данилович денег не жалел, приобретая по пословичной тематике иногда несколько экземпляров, а затем, обменивая их на те книги, которые отсутствовали в его собрании. Его контрагентами по обмену были не только отечественные любители афоризмов и библиофилы, особенно в 60-80-е годы, но и зарубежные библиотеки, в которых он заказывал библиографические справки по фольклору и паремииологии. Ответы приходили даже из Австралии. В 1965 году болгарская Народная библиотека им. Кирилла и Мефодия (София) любезно согласилась обменять издания из своего книгообменного фонда, заинтересовавшие Сергея Даниловича, на книги предложенные им. Личная библиотека учителя служила не только узко научным интересам её обладателя.

Именно в библиотеке Сергея Даниловича многие сельские мальчики и девочки впервые в жизни видели уникальные книги, приобщались к чтению литературной классики, готовили сообщения и доклады; любопытствуя, перелистывая фолианты, дети впервые зрительно знакомились с произведениями искусства, всматривались в репродукции известных картин, иллюстрации великих художников, и это неожиданное знакомство с ранее невиданным и удивительным миром сохранялось в памяти на многие десятилетия. Например, первое, что вспоминает в письме к Сергею Да-

ниловичу ученица Рита Яковлева из с. Петровского – Маргарита Георгиевна Гетман (в письме от 22 февраля 1989 года), – так это книги: *«Вы заметили, что я люблю читать, и делились со мной книгами из своей, по теперешним временам, наверное, уникальной библиотеки. До сих пор помню старинное издание Данте “Человеческая комедия” в пурпурно-красном переплёте»*.

А ведь письмо написано сорок лет спустя после того, как юная ученица впервые увидела в 1949 году учительскую библиотеку! В жизни Маргариты Георгиевны было много событий, много пережитого, работа в разных уголках страны, но детское воображение навсегда поразили книги... Кто знает, может знакомство с книгами из библиотеки сельского учителя, один только вид необычно огромного книжного собрания для станичной хаты, или какая-нибудь иллюстрация, увиденная впервые в жизни в интересном альбоме, или сама возможность подержать в руках редкое старинное издание, заставляли юных посетителей впервые задумываться о своем месте в мире, о смысле и цели земного бытия, оказывали гораздо большее, может и незаметное, подспудное, но всё-таки решающее влияние на будущий жизненный выбор его учеников, чем все официальные школьные мероприятия и бесконечная череда методически выверенных уроков!

Дело всей жизни

В течение второй половины своей жизни, пытаясь определить свои занятия и профессиональную принадлежность, Сергей Данилович характеризовал себя как учителя, занимающегося в свободное от работы время собиранием и изучением мировой библиографии о пословицах, поговорках, загадках, приметах, речениях, одним словом, предметом его интереса были, как выражались профессионалы, «малые жанры фольклора», но не они собственно, а библио-

графия о них. Вершиной его успеха были, конечно, публикации библиографического характера в международном бюллетене «Proverbiūm», а также доклады, опубликованные в Хельсинки и Будапеште в материалах конгрессов. Материалы по народным говорам Кубани использовались составителями многотомного и до сих пор не завершённого издания «Словарь русских народных говоров». В переписке с АН по поводу поездки в Хельсинки (а Мастепанов уже к этому времени пенсионер, с точки зрения государственной системы «материал отработанный») он называет себя «педагог-литератор и переводчик»; занятие Сергея Даниловича было столь редким и необычным, что трудно было подобрать соответствующее краткое определение – а слово «паремиология» было настолько сложным для русского уха, что до конца дней Сергея Даниловича при написании названия дела всей его жизни в газетах обязательно вкрадывалась какая-нибудь опечатка, но он к этому привык, постоянно поправлял и уточнял. Ведь даже когда в пятидесятые годы впервые в местных газетах упомянули Мастепанова, то и в его фамилии, казалось бы, местной, к которой должны были привыкнуть, поскольку она была на слуху, всё равно сделали ошибку.

Переписка с собирателями пословиц, профессионалами и любителями, у Сергея Даниловича была многолетней и разнообразной по содержанию, но как коллекционеры афоризмов и «народной мудрости», они чаще всего сообщали друг другу что, где и как им удалось приобрести те или иные раритеты, или недавно вышедшие книги, обменивались переводами пословиц или целыми списками, выписанными от руки из редких и старинных изданий, книжными новинками. Почти в каждом письме содержатся сообщения о полученных или отправленных бандеролях, планируемых изданиях, предложения для обмена книжных дублетов. Со временем С.Д. стал интересоваться только библиографией паремиологических изданий.

В середине – второй половине 50-х годов среди корреспондентов, с которыми переписывался С.Д. Мастепанов, были китаист и переводчик А.А. Тишков, начинающий албанист Г. Д. Малиничев (оба из Москвы), собиратель пословиц из Белоруссии Н.Я. Астапенко, Р.Музафаров, начинающий паремиолог из Ставрополя, поступивший затем в московскую аспирантуру. Самым опытным в профессиональном отношении был А.А. Тишков. В это время у него вышло четыре книги: в одной он выступил автором переводов¹¹¹, а в других – фольклорных сборниках «Чудесный мастер», опубликованных в 1955- 1959 гг. – переводчиком и редактором-составителем¹¹². Небольшой сборник «Китайские народные поговорки, пословицы и выражения» (в переводе А.А. Тишкова) был первой попыткой познакомить советского читателя с пословицами и поговорками китайского народа, позднее сборник был переиздан в 1962 году.

С А.А. Тишковым Мастепанов познакомился, вероятно, разыскивая новые издания пословиц и поговорок, в частности, попросил у него «Чудесного мастера». В это время Тишков активно работает над переводами с китайского, получая книги из Китая. Он обещает С.Д., что по мере того, как будет переводить китайские пословицы и поговорки – будет делиться с Мастепановым наиболее типичными и понятными для широкого круга читателей пословицами. Правда, при этом оговаривалось – при условии сохранения за ним авторского права на сделанные переводы. Мастепанов высылает Тишкову Труды КЧНИИ и местные пословичные издания. Сергей Данилович выразил желание написать рецензию на «Чудесного мастера», но Тишков объяснил: « *“Литературная газета” не будет печатать статью о “Чудесном мастере”* », так как она уже давала на эту

¹¹¹ См.: Китайские народные поговорки, пословицы и выражения / пер. и вступ. ст. А.А.Тишкова. М.: Иностранная литература, 1959.

¹¹² Чудесный мастер. Китайские легенды, сказки, пословицы и поговорки/пер. с китайского А.А. Тишкова. Вып. I-III. Чита, 1954 – 1959.

книжку рецензию В. Инбер. Если у Вас есть охота, то, быть может, стоит написать в местной газете?».

А.А. Тишков 19 февраля 1957 г. пишет из Москвы С.Д. Мастепанову о своей работе: *«Я перевёл одну пьесу, перерабатываю «Чудесного мастера» для переиздания. Думаю в ближайшем времени опубликовать сотни две три китайских пословиц (у меня их переведено довольно много). Удалось достать кое-какие книги по фольклору на иностранных языках, в том числе несколько книг на немецком языке о фольклоре Африки, Камбоджи. Если Вас интересуют такие книги, то я постараюсь достать и для Вас. Малиничев, кажется, послал Вам сборник пословиц, изданный «Московским рабочим», если нет, то я Вам могу послать. А ленинградский сборник мы с ним достать не можем. Я был в Ленинграде через несколько дней после его выхода – и не мог достать: он моментально разошёлся».* Мастепанов, вероятно, просил ему достать сборник пословиц и поговорок, изданный в Ленинграде Подобиным, о котором в одном из писем Н.Я. Астапенко напишет: *«В городе Ленинграде вышел сборник русских пословиц и поговорок т. В.М. Подобина – пять с половиной тысяч, но мне их не удалось пока достать. Сборник вышел в конце 1956 года. Сейчас он готовит второй выпуск. Я ему писал, он даже не хочет ответить».*

Тишков передает адрес Мастепанова аспиранту Малиничеву, с которым у Сергея Даниловича налаживается оживлённая переписка с октября 1955 года. Герман Дмитриевич Малиничев в то время относил себя к начинающим паремиологам, но у него было преимущество – знание нескольких иностранных языков и довольно редкого – албанского. К этому времени он перевел две тысячи албанских пословиц из редкой книги «Букет пословиц», вышедшей в Тиране в 1944 году. Он просит у Мастепанова пословичную библиографию, интересуется вопросами классификации пословиц, особенно интересуется пословицами о человеке, а в обмен высылает переведённые им албанские пословицы и

поговорки. Любопытна его, молодого человека, характеристика той проблематики, которой он начал заниматься: *«Очевидно, у нас пословицами интересуются только ку-стари, вроде меня и Тишкова. Я сейчас учусь в Институте мировой литературы, и там есть кафедра фольклора, там пословицами занимаются нехотя, разные обветшалые песни и вульгарные частушки собирают и с бешеной скоростью пишут на них даже диссертации»*. В 1955 – 1957 г. Малиничев сдает экзамены и работает над диссертацией по албанской литературе (*«Я пишу диссертацию по албанской литературе. Поверьте, что я в угаре и занят по горло. В этом письме я посылаю Вам ещё несколько образцов пословиц, которые мне очень нужны для сравнения с албанскими. Ничего, что будут повторения. Пусть это Вас не стесняет. Я всё равно очень высоко ценю Ваш труд»*), – отвечает он Мастепанову). Параллельно у Малиничева возникает идея собрать сборник из пословиц разных народов о дружбе, товариществе, взаимопомощи, артельности. Он просит Мастепанова сделать для него подборку и прислать заказным письмом.

Ими обсуждался и такой важный вопрос паремиологии, имевший не только теоретическое, но и практическое значение, – как, по каким рубрикам, систематизировать пословицы и поговорки. В начале знакомства с Сергеем Даниловичем Малиничев пишет ему: *«У меня есть к Вам вопрос: почему Вы собираете пословицы на карточки, удобно ли это, не лучше ли в тетрадях? Если Вам не трудно, расскажите мне подробно о вашем принципе подбора, как Вы и где собираете, как классифицируете, делаете ли Вы также указания источников как у Иллюстрова. Я много собираю по темам и пишу в тетрадки, но я чувствую, что я ку-старь-самогонщик; я, например, нигде не делаю указаний источников. Афоризмы я собираю с указанием источников, но и здесь ограничиваю себя темой: моя тема «Человек» и всё»*. *«Что касается сбора пословиц, – пишет в другом письме Малиничев, – то лучшим принципом я считаю*

принцип [подачи материала] в книге русских пословиц, что я Вам послал недавно. Этот принцип я сам буду применять». Вероятно, в связи с диссертационным исследованием Г.Д. Малиничева интересуют загадки и пословицы кавказских народов о животных, и он также обращается к Мастепанову за содействием. Из переписки двух собирателей выясняется, что Сергей Данилович коллекционирует и афоризмы. Герман Дмитриевич в утешение за длительный перерыв в переписке присылает ему редкий поэтический афоризм албанского классика А. Гаюни, отражавший, как нельзя лучше, общественные настроения «оттепели»:

Хватит на небо ссылаться:
Небо само без опоры,
Что ж на него опираться!

В середине 1958 г. Г.Д. Малиничев и Тишков (по словам самого Малиничева) задумывают издать сборник пословиц и поговорок «против пьянства», но не хватало материала, и Малиничев обращается к Мастепанову: *«Мы с Тишковым задумали срочно издать небольшой сборник пословиц на оригинальную тему – против пьянства. Сборник уже на 75% готов. Мы подобрали русские, китайские, вьетнамские, албанские и пословицы ряда других стран. И поэтому у нас к Вам серьёзная просьба – помочь в этом деле, а помочь Вы можете, особенно пословицами вашей области и целым рядом других, редких. Я думаю, что Вы не откажете в помощи этому важному делу<...>, получился бы редкий сборник пословиц для любителей.*

Кроме того, его можно было бы переиздать в вашем областном издательстве. Теперь несколько но... Во-первых, наш сборник не утвержден и все мы рискуем временем. Затем, если он будет напечатан, то заплатят очень мало: приблизительно 1000 рублей за 500 пословиц. Но Ваш труд, конечно, будет оплачен, хотя здесь деньги – не главное дело. Сборник будет издаваться под одним псев-

донимом, ибо неудобно писать 6-7 авторов. Короче говоря, ждём от Вас срочного ответа – пословиц и советов. К 15 июня мы должны предоставить первый вариант». Как явствует из последующих писем, Сергей Данилович отсылал Малиничеву и пословицы, и литературу, но часть корреспонденции не дошла («утащили милые соседи», – сетует Малиничев). Затем сборник против пьянства «приостановили», один из соавторов, А.А. Тишков, «не дал больше ни одной восточной пословицы, он брал на себя «восточную часть», а теперь саботирует», – пишет Малиничев и просит Мастепанова помочь «чем только можно». Особое внимание составитель и инициатор сборника просит обратить на пословицы не о вине, а против пьянства у северокавказских и иных народов. « Не откладывайте в долгий ящик эти по-иски, – пишет Малиничев С.Д. Мастепанову, – я очень надеюсь на Вас. Я сам сейчас копаюсь в Ленинской библиотеке, но нахожу главным образом русские [пословицы и поговорки]. Мне удалось найти редкие македонские пословицы против пьянства. Вот такие дела!».

А.А. Тишков 26 ноября 1958 года информирует Мастепанова о своих «пословичных» планах: *«Со сборником против пьянства у Малиничева пока ничего не получается (я к этому сборнику никакого отношения не имею) – набрал он всего сотни две-три пословиц, а этого мало. Свой сборничек китайских пословиц посылаю. Есть ли у Вас сборник корейских пословиц? Он вышел недавно. Если нету, то напишите – я его Вам пришлю.*

Второй выпуск «Чудесного мастера» вышел в прошлом году, это совершенно новая книжка, повторяется лишь несколько пословиц. Сейчас готовлю третий выпуск. Вторым выпуск я Вам, кажется, посылал. Сталинградский сборник у меня есть – так что присылать не надо, спасибо. В Москве появилось много сборников сказок. Вы их собираете? Напишите, каких у Вас нету – я, быть может, смогу для Вас что-нибудь достать». Редкие, но содержательные письма А.А. Тишкова, преимущественно о новинках паре-

миологической литературы, поисках старых изданий, о пословицах, встречающихся в произведениях русских писателей, попадают в переписке С.Д. Мастепанова вплоть до начала восьмидесятых годов. Связи с Г.Д. Малиничевым, вероятно, поддерживались и позднее, но интересы постепенно разошлись: Малиничев занялся литературным и журналистским трудом, писал популярные статьи преимущественно на темы о древних цивилизациях Средиземноморья, таинственной Атлантиде, загадках истории и археологии, «альтернативной» истории. В 2006 г. вышла книга его очерков «Археология по следам мифов и легенд» в издательстве «Вече».

А пословичный сборник «против пьянства» так и остался нереализованным проектом, в котором мог принять участие Сергей Данилович.

Из ставропольских собирателей «народной мудрости» С.Д. Мастепанов переписывался с Р.И. Музафаровым и Е.Г. Фенюком.

Рефик Ибрагимович Музафаров по образованию был учителем русского языка и литературы, заочно закончил отделение русской филологии в Ташкентском педагогическом институте, но работал в 1956 году методистом в Ставропольском краевом управлении культуры¹¹³, позднее, в 1960 – 1970-х гг., он заявил о себе не только как учёный, доктор филологических наук, но и как правозащитник и видный деятель Крымскотатарского национального движения, боровшегося за восстановление в правах репрессированного народа – крымских татар. У него была рукописная коллекция пословиц и поговорок народов СССР, которая была отправлена Мастепанову в «качестве культурного обмена». Музафарова тогда интересовали поговорки о любви, пьянстве (об этом пороке было им собрано 200 русских по-

¹¹³ В записной книжке С.Д. Мастепанова сохранился даже его адрес проживания: Ставрополь, ул. Орджоникидзе, 82 и адрес места работы – пр. Сталина, 52, методкабинет.

слов и поговорок), о культуре поведения, вежливости, критике, воспитании...

Затем он поступил в аспирантуру и, вероятно, с темой его диссертации было уже связано собирание и изучение советских пословиц, высылать которые он просил С.Д. Мастепанова, а в ответ высылал свои библиографические источники – более 400 названий. Р.И. Музафаров одновременно собирал пословицы и поговорки на языках народа Средней Азии, занимаясь переводами тюркоязычных паремий на русский язык (по его словам, он владел татарским, карачаевским, ногайским, туркменским, узбекским, казахским, киргизским, башкирским языками), собирался издать сборник крымско-татарских пословиц на русском и татарском языках, а также сборник параллелей пословиц народов СССР. К Мастепанову он обращался с настойчивыми просьбами по разысканию советских пословиц и поговорок по текстам художественной литературы, из газетных статей и пр. в связи с написанием диссертации о бытовании и использовании советских пословиц. В одном из писем 1958 г. Р.И. Музафаров сообщает, вероятно, отзываясь на просьбу Мастепанова: *«Теперь насчёт вашей деятельности. Я постараюсь, конечно, по мере моих возможностей помочь Вам, и надеюсь, что у Вас появится возможность издать сборник. Непосредственно вашим вопросом я займусь летом, когда буду у своего научного руководителя, у которого большие связи...»* Рефик Музафаров регулярно обменивается с Сергеем Даниловичем библиографическими списками русских народных и советских пословиц и поговорок, высылает, изданный в Калуге в 1957 году, где он возглавлял методкабинет, небольшой пословичный сборник (в один печ. лист) «Запиши в свой блокнот».

Реабилитация «репрессированных» народов вызвала интерес у паремиолога к пословицам и поговоркам крымско-татарского, карачаевского и балкарского народов, чечено-ингушскому фольклору, что отразилось в письмах Музафарова к Мастепанову в 1957 – 1958 годах. Летом 1958

года Рефик Ибрагимович перебирается на работу из Калуги в Саранск, работает в методкабинете при Министерстве культуры Мордовской АССР, а в конце того же года завершает написание своей диссертации. О последующей их переписке никаких данных не сохранилось. Р.И. Музафаров, вероятно, пытается после защиты устроиться в Рязанский педагогический институт, но не прошёл по конкурсу (определяющую роль здесь сыграла, вероятно, его национальная принадлежность), о провале на конкурсе по занятию вакантной должности он и сообщает 14 августа 1960 года: *«Уважаемый Сергей Данилович! Как Вы уже догадываетесь, я не прошёл по конкурсу. В данное время работаю в Спасском педучилище (Рязанская обл.) преподавателем педагогики и литературы.*

Очень сожалею, что не могу выслать Вам свою работу «Татарские народные пословицы» - у меня остался единственный экземпляр, а другого я достать не смог, хотя очень старался. Единственное, что я могу сделать – это послать Вам другую работу – «Культура поведения в пословицах народов СССР», изданную в Ташкенте. Если она Вам нужна, напишите, я вышлю.

Могу выслать Вам книжечку «Узбекские пословицы» (на русском языке), её мне на днях перешлют из Ташкента.

В свою очередь, у меня к Вам просьба: если можете – вышлите, пожалуйста, мне всю вашу библиографию, касающуюся пословиц народов СССР (кроме русских). А я вышлю Вам свою библиографию пословиц народов СССР. Кроме того, если можете, вышлите мне имеющиеся у Вас лишние экземпляры сборников пословиц народов СССР, особенно тюркоязычных. С уважением, Р. Музафаров»¹¹⁴.

¹¹⁴ Музафаров Рефик Ибрагимович (1928 – 2011) – учёный-фольклорист, автор работ по фольклору крымских татар, кумыков, якутов, белорусских татар, славяно-тюркским фольклорным связям; кандидатскую диссертацию, посвящённую изучению крымскотатарских пословиц, защитил в Казани (1960 г.), доктор филологических наук (1967 г.). По теме докторской диссертации опубликовал монографию «Русско-тюркские фольклорные связи» (Саратов: Изд-во СГУ, 1966). В период знакомства и переписки с С.Д. Мастепановым Р.И. Музафаров издал несколько

С советскими пословицами у Рефика Ибрагимовича, скорее всего, ничего не получилось, и в 1960 г. он защищает в Казани текст кандидатской диссертации, посвящённой изучению крымскотатарских пословиц и поговорок.

О дальнейшей судьбе единственного в то время специалиста по крымскотатарской филологии Р.И. Музафарова Сергей Данилович мог узнать позднее из центральной газеты «Труд», которая 12 апреля 1972 года опубликовала клеветническую статью некоего Ю. Баранова «Профессор получает “неуд”». В статье осуществлялась «гражданская казнь» Музафарова по политическому заказу свыше. Это была месть властей за непримиримую позицию Р.И. Музафарова по вопросу возвращения крымскотатарского народа на родину, в Крым. Музафарова, в то время работавшего в Кишинёвском институте искусств, выставляли в статье «невеждой», профессором, который не написал ни одной научной статьи, «летуном», поменявшим уже работу в десяти вузах. Причины (прежде всего политические), по которым вузовское руководство многих институтов избавлялось от профессора неугодного КГБ, понятное дело, в статье не приводились, как и научные труды уже к тому времени доктора филологических наук.

Как провинциальным собирателям пословиц и поговорок приходилось «штурмовать» областные и центральные

книг: «Кто лучше знает?» (Ташкент, 1956), «Татарские народные пословицы» (Казань, 1959), «Очерки фольклора тюрков» (Мелекес, 1966) и совместно с польским востоковедом В.Зайончковским статью – «Крымско-татарские пословицы и поговорки» в восьмом томе краковского ежегодника *Folia Orientalia* (1967). За активную правозащитную деятельность по восстановлению в правах репрессированного крымскотатарского народа его пытались лишить всех учёных степеней и званий, власти не раз пытались его стеснить в праве преподавать, его исследования не принимались издательствами к публикации. С 1987 года, после долгих скитаний, Р.И.Музафаров возвращается в Крым, возглавляет Крымскотатарский культурно-просветительский и научно-исследовательский центр «Ватан», продолжает работу над составлением русско-крымскотатарского и крымскотатарско-русского словарей, подготовил вместе с А. Короткой к изданию двухтомную «Крымскотатарскую энциклопедию» (1993-1995). Подробнее о нём см.: Крымскотатарская энциклопедия. Т. II: Л-Я / Составители: проф. Р. Музафаров, А.Короткая. Симферополь, 1995. С.489-493.

издательства хорошо видно из письма Евгения Григорьевича Фенюка, с которым С.Д. переписывался до 1983 года. «Сергей Данилович!– пишет он 5 мая 1968 года. – Я очень был обрадован письму и журналу «Провербium». Я и не знал, что там, в журнале, говорится и о моей статье «Жизнь красна трудом», напечатанной в нашем «Блокноте агитатора» <...> Со сборником дело движется туго, со скрипом. Начал весеннее наступление на издательства. В эти майские дни отправил четыре письма. Правда, только одно адресовано издательству «Советская Россия». (Я ранее был у главного редактора издательства.) Другое – редакции газеты «Книжное обозрение», ответ на их вопросы: что предлагаете (темы) для включения в планы издательств на 1969 и последующие годы. Ещё одно – в Комитет по печати при Совете Министров РСФСР, вместе с письмом Ставропольского книжного издательства. И ещё одно – одному известному писателю. Но тут речь идёт не об издании, а о написании предисловия к сборнику.

Вот чем я занимался в майские праздники!

В конце рукописи «Жизнь красна трудом» помещён список основной использованной литературы, состоящий из 118 изданий. <...> Свои пословицы я почти нигде не публиковал, потому что считаю: работа «Жизнь красна трудом» цельная и до опубликования книги нет смысла её дробить. Два раза (маленькие подборочки) были напечатаны в журнале «Дон», раза три – в газете «Кавказская здравница». Подобные мытарства были хорошо известны Сергею Даниловичу. Понятно, что, опубликовав несколько обзоров в международном журнале, он, наконец, испытал творческое удовлетворение и определённую гордость перед коллегами, но это было позднее, а в конце пятидесятых были сплошные разочарования. Тёплые ветры «оттепели» обогрели не всех.

Одним из адресатов С.Д. Мастепанова, с которым переписывался и обменивался всей «паремиологической информацией» Сергей Данилович, был белорусский коллек-

ционер «народной мудрости» Никита Якимович Астапенко. Он был одним из тех, кому «повезло» издать свой собственноручно собранный тематический пословичный сборник, и в то же время он был, если можно так сказать, типичным коллекционером пословиц и поговорок середины пятидесятых-шестидесятых годов. Сергей Данилович начинает с ним переписку в 1955 году и находит в его лице единомышленника. В конце февраля 1956 г. Астапенко спрашивает: *«...Как Вы ведете учёт, как расположены пословицы и поговорки, где хранятся, как классифицируете, и что думаете сделать с этими материалами в дальнейшем? По всем этим вопросам нам нужно поделиться опытом»*. Никита Якимович собирал свой материал десять лет, записывал в тетради в алфавитном порядке, насобирав, примерно, 30 тысяч единиц. В Институте истории АН БССР, куда он обратился с предложением издать свой собранный пословичный материал, ему рекомендовали распределить весь материал по разделам. С Академией наук Астапенко «связался» через ЦК КПБ. Мастепанова интересует вопрос – на каких условиях будет издаваться сборник, но Астапенко не знает (*«Вместе с товарищем из академии подобрали материал, отпечатали и выслали в академию. Там на секторе этнографии материал рассмотрели и выслали в ЦК, и будут на днях печатать»*). В АН сборник был подготовлен к печати, но получился небольшим по объему, и автор не согласился его публиковать. В Белгосиздате тоже хотели издать сборник, но только с белорусскими пословицами. Мастепанов рекомендует Астапенко обратиться к редким сборникам белорусских пословиц, который выписывает их из Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. Дельный совет помог Астапенко, и в феврале 1957 г. он сообщает, что собирается выпустить сборник белорусских пословиц (8000 на белорусском языке), с издательством договорился, и осталось малое – перепечатать на пишущей машинке собранные материалы с карточек. Через два месяца ещё один рукописный сборник с 5500 пословицами был подготовлен и сдан

на рецензию. Публиковать предстояло в Смоленске (хотя и здесь отнеслись к предложению издать пословицы без энтузиазма), поскольку в Витебске издательства не было, а в Академии Наук БССР предложенный сборник «заволокитили». Никита Якимович жалуется на нехватку времени, чтобы доделать сборник, хотя у него под рукой работники редакции газеты «Рабочий Осинторфа», которые перепечатавали рукописный материал и всё необходимое из присылаемых книг. О таких условиях работы Сергею Даниловичу приходилось только мечтать.

В октябре 1956 года Н.Я. Астапенко сообщает Мастепанову, что уже собрал почти 100 000 различных пословиц и поговорок. Даже находясь на отдыхе в Пятигорске, он собирает пословицы, и за двадцать дней собирает, выписывает и привозит с юга 400 пословиц и поговорок. Он почти ровесник Сергея Даниловича (родился в 1909 году), но судьба его сложилась более благополучно. Н. Я. Астапенко – член партбюро, член пленума райкома и обкома партии, депутат поселкового и районного советов, директор крупнейшего торфодобывающего предприятия «Осинторф» в Ореховском районе Витебской области (предприятие, которым руководил Н.Я. Астапенко находилось рядом со ст. Осиновка Калининской ж.д., в ста километрах от Смоленска). Он имел большую библиотеку, квартиру в 50 кв. метров и часто приглашал Сергея Даниловича к себе в гости («гостиница бесплатно»).

Статьи о Н.Я. Астапенко выходили тогда в областной газете «Витебский рабочий» и республиканской «Литература и мастацтво». Но, как настоящий коллекционер, он ждет не дождется выхода на пенсию, чтобы основательно заняться любимым делом: *«Если б дали пенсию, то я с удовольствием пошел бы на пенсию и работал бы с пословицами, и читал бы книги, но по возрасту ещё придётся работать 12 лет»*, – пишет он с некоторой долей сожаления в одном из писем. Пословицам приходилось посвящать зимние месяцы, а весеннее-летние – добыче торфа. *«На предприятии, – пи-*

шет Астапенко, – начался сезон. Добыча торфа производится днем и ночью. Работы сейчас много, придется меньше заниматься пословицами и поговорками. Наша работа зависит, в основном, от состояния погоды». Дождливая погода срывала планы добычи фрезерного торфа. Это портило настроение директора торфопредприятия Астапенко, но коллекционеру Астапенко эти обстоятельства всё же не мешали почти ежемесячно обмениваться с Сергеем Даниловичем новинками и старыми паремиологическими изданиями, многостраничными списками пословиц и поговорок народов мира. Лето 1957 года выдалось очень плохим: *«План по добыче торфа провален. Имеются большие убытки. Работать пришлось много и тяжело, – сообщает Астапенко Мастепанову в ноябре 1957 года. – Например, в августе был перерасход зарплаты на 770 тысяч руб. Пришлось ехать в Минск, в Управление с расшифровкой для перекрытия фонда зарплаты и т.д. Но всё это уже кончилось...»* Из-за летних производственных трудностей переписка двух коллекционеров временно прервалась. Астапенко сообщает, что его «белорусский» сборник включен в перспективный план, но выйдет не ранее 1959 года.

В ходе общения с учёными и редакторами коллекционеры совершенствуют свои навыки систематизации материала. Н.Я. Астапенко шлет Мастепанову чистые карточки для заполнения их паремиями и просит указывать год издания и страницу источника, откуда была взята пословица или поговорка. Работа над пословицами не прекращалась и во время болезни: *«Я ещё продолжаю болеть, – пишет Астапенко Мастепанову 24 декабря 1957 года, – сижу дома, пишу карточки с ягнобского¹¹⁵»*. В марте наступившего года, получив две большие бандероли от Мастепанова со списками и карточками новых пословиц, Астапенко отвечает: *«Не знаю, как Вас за это отблагодарить..., за большую заботу обо*

¹¹⁵ Ягнобский язык (новосогдийский) – один из иранских языков восточной группы, бесписьменный, на котором говорило немногочисленное население (ок. 2,5 тыс человек) в долине реки Ягноб (Таджикская ССР).

мне по сбору пословиц и освобождению меня даже от писанины». Иногда случавшиеся длительные перерывы в эпистолярном общении объяснялись занятостью на основной работе. «Извините меня за то, что своевременно не мог написать Вам ответа, – пишет Астапенко, – был крепко занят в связи с подготовкой предприятия к сезону и началом сезона. Пришлось за это время проделать большую работу, чтобы отремонтировать оборудование, подготовить кадры – завезли 850 новых рабочих, их пришлось организовано набрать в колхозах. Усиленно готовили болото. И много другой работы проделано за это время. Так что Вы меня извините, не сердитесь, будем и дальше в дружбе, как и раньше».

Работать с пословицами и выпускать, вероятно, было легче в союзных республиках и отдалённых регионах, где имелись издательства, определённую положительную роль сыграли партийные связи и должность директора крупного предприятия, которую занимал Н.Я. Астапенко. Он сообщает в одном из писем Сергею Даниловичу: *«Обком партии ко мне больше двух месяцев пристаёт, [просит] дать две тысячи пословиц, чтобы отпечатать мою книгу в гор. Витебске, и я не могу дать из-за отсутствия времени. Мне обещают, что если сегодня привезёшь пословицы, то сегодня будет сдано и в набор, обещают сделать хорошее оформление. Мне даже стыдно появляться в гор. Витебске. Смоленский сборник так же ещё не сдан, хотя должны были его сдать в марте месяце».* В августе 1958 года сборник пословиц и поговорок, составителем которого выступил Н.Я. Астапенко, пошел в производство, редактором был В.Ф. Шурыгин, а рецензентом выступил доктор филологических наук В. Сидельников.

С.Д. Мастепанов отсылает Н.Я. Астапенко «Блокноты агитатора» и сборник «солдатских» пословиц и поговорок, в ответ получает четыре тетрадных списка белорусских поговорок. В августе-сентябре 1958 года Никита Якимович «перелицовывает» всё свое собрание, перенося пословицы из

тетрадей на карточки, он за два месяца переписал более шести тысяч пословиц и поговорок. Мастепанов регулярно высылает ему, почти ежемесячно, по две-три бандероли с карточками и книгами. В конце 1957 года у Астапенко был общий знакомый его и Мастепанова – Р.И. Музафаров, написавший Сергею Даниловичу: *«Только недавно вернулся из «Осинторфа», где провёл два дня. Ознакомился бегло с картотекой Никиты Якимовича. Она у него в хаотическом состоянии. А сам он очень плохо разбирается в фольклоре. Я кое в чём ему помог».*

Никита Якимович в каждом письме радушно и настойчиво приглашает Сергея Даниловича приехать к нему в гости¹¹⁶, в Белоруссию, обещает устроить различные экскурсии, в Минск и другие города. Материальное положение его было гораздо лучше, как советского и партийного работника: он приобрёл в начале 1957 года автомобиль «Москвич» за двадцать тысяч рублей и жил в отдельном доме на две квартиры, а в ноябре 1958 года у него уже был телевизор. («Сейчас нахожусь в отпуске, никуда не ездил отдыхать, сижу дома, смотрю *тиливизер*, через Смоленск смотрю Москву».) Его смоленский сборник «Жемчужины народной мудрости. Пословицы и поговорки и сходные с ними народные выражения» вышел весной 1959 года тиражом 15 тысяч экземпляров.

В 1963 году Сергей Данилович пытается наладить отношения с зарубежными паремиологами и получает вдохновляющее и ободрительное письмо от неперменного секретаря Паремиологического общества из Нью-Йорка, лейтенанта-полковника Военного комитета при ООН Виктора Самойловича Гинзбурга (Lt. col. Victor De Ginzbourg). Его ответ на фирменном бланке и присланные книги из ООН не раз вдохновляли журналистов на газетные «зарисовки» о Мастепанове. Выходец из России, знавший хорошо русский язык, любитель и глубокий знаток паремиологии, он был

¹¹⁶ Судя по карандашным записям названий железнодорожных станций – С.Д. Мастепанов всё-таки побывал в гостях у Н.Я. Астапенко в 1957 г.

искренне рад найти в лице Сергея Даниловича единомышленника и советчика. Демократизм и открытость автора письма (просто не сравнимые с сухостью и высокомерием советского бюрократического стиля) удивляют до сих пор, читающего это письмо из Нью-Йорка, и его стоит привести полностью.

«27 января 1964 г.

Ура, нашего полку прибыло.

Дорогой Сергей Данилович!

Не по моей вине, я не мог ответить Вам немедленно, ибо уехал в служебную командировку, как раз когда пришло Ваше милое письмо. Всё что я успел, это отправить Вам мою книгу, которую, я надеюсь, Вы уже получили или получите на днях.

Я в восторге, что нашел ещё одного любителя пословиц(т.е., вернее говоря, рад, что он нашел меня). Итак, должен Вам подтвердить, что я буду аккуратно отвечать на Ваши письма, буду обмениваться с Вами всеми нужными материалами, библиографическими данными, книгами и т.д. Кстати, не обижайтесь на меня, что я печатаю это письмо на машинке, а не пишу от руки, но у меня отвратительный почерк.

Если позволите, я задам Вам несколько вопросов. Вы пишете, что Вами собрано уже около 200.000 пословиц. Записываете ли Вы их на карточки, или на листы бумаги? И в каком порядке, т.е. по алфавиту или по содержанию? Вы также пишете, что в Вашей картотеке библиографических материалов у Вас имеется около 40.000 названий источников по вопросам пословиц и поговорок. Имеете ли Вы в виду именно книги пословиц или ещё что-нибудь? Ведь в существующих библиографиях, как-то Бернштейн, Моль, Бонзер и т.д. едва ли можно подсчитать более, скажем, десяти тысяч?

Конечно, я буду Вам признателен за присылку мне списка имеющейся у Вас литературы.

Хотя до сих пор я намеревался издать только дополнение и исправление к Бонзеру, но, может быть, в конце концов, я решу последовать совету дорогого Болеслава Михайловича Ховратовича и Вашему – и сделаю мой труд всеобъемлющей библиографией. Кстати сказать, библиография Моля, хотя она и содержит много материалов, но она составлена настолько сумбурно, что в ней действительно очень трудно разобраться, а пользоваться ею могут только такие спецы, как, скажем, Вы, Болеслав Михайлович и я, а простые смертные, наверное, из неё и не вылезут.

Я постараюсь разыскать библиографию Хейвуда, о которой Вы упоминаете, и буду рад её Вам послать.

В скором времени, если успею в феврале месяце, я напечатаю список имеющихся у меня книг пословиц народов СССР и вышлю её Б.М. и Вам, с тем, чтобы, если Вам случится найти дубликаты, которых у меня нет, т.е. дубликаты книг у Вас уже имеющихся, то мы смогли бы устроить настоящий «товарообмен», т.е. Вы бы поставляли мне то, что мне нужно, а я, конечно, доставал бы книги для Вас.

Позвольте мне закончить это письмо пожеланиями всего наилучшего Вам и Вашим в Новом году – счастья, здоровья и успехов на нашем излюбленном поприще. Повторяю ещё раз, я счастлив, что познакомился с Вами и надеюсь, что наша переписка будет регулярной, плодотворной, а уж о том, что она принесет нам удовольствие и удовлетворение, нечего и сомневаться.

Крепко жму Вашу руку, Ваш Виктор Самойлович Гинзбург».

Переписка с В.С. Гинзбургом затем неожиданно прервалась и возобновилась только в начале 1970 г. Судя по письму Мастепанова, Гинзбург менял место работы, но увлечению пословицами не изменил. Сергей Данилович отправляет ему 6 января 1970 года шесть бандеролей с пословичной литературой, высылая «встречный» список для обмена. Библиографию Хейвуда (Haywood Ch. A bibliography

of North American folklore and folksong. N.Y., 1951) он так и не получил, и повторяет свою просьбу к Виктору Самойловичу о присылке этой книги. В канун Нового, 1975 года, В.С. Гинзбург шлёт поздравления Мастепанову на открытке с коллажем, изображающем Центральные учреждения ООН в Нью-Йорке, и кратко пишет: *«Дорогой друг, шлю Вам наилучшие пожелания счастья и здоровья в новом, 1975, году, обещаю сразу после наступления нового года написать Вам подробное письмо, которое объяснит моё такое долгое молчание. Крепко жму Вашу руку. Виктор Гинзбург»*. Судя по дрожащему почерку, Гинзбург перенес заболевание, и эпистолярное общение, скорее всего, прервалась.

Сергей Данилович состоял в середине 60-х гг. в переписке с известным немецким фольклористом и знатоком международной библиографии по вопросам паремиологии доктором Отто Модем, но эта переписка, кажется, не сохранилась. О ней известно из письма Мастепанова М. Кууси от 29 декабря 1968 г., в котором он соболезнует по случаю его кончины. Доктор О. Модем был долгое время сотрудником бюллетеня «Proverbium».

Во второй половине шестидесятых годов начинается плодотворное сотрудничество Мастепанова с финским паремиологом и фольклористом, издателем международного паремиологического бюллетеня «Proverbium» доктором Матти Кууси, продолжавшаяся до середины семидесятых годов. Самое раннее письмо от Матти Кууси, сохранившееся в архиве Мастепанова, датировано 19 мая 1967 г. В нем финский учёный сообщает, что статья Сергея Даниловича о поговорках и пословицах Карачаево-Черкесии будет опубликована в бюллетене. В дальнейшем контакты расширились, стали более доверительными. В адрес редакции Сергей Данилович регулярно отправляет новинки пословичной литературы, старые редкие англоязычные издания, и кое-что получает в обмен из библиографических финских публикаций и работ самого М. Кууси. Обмен литературой в ка-

кой-то мере компенсирует необходимые затраты редакции на издание библиографических обзоров С.Д. Мастепанова по паремиологии народов Северного Кавказа.

7 декабря 1969 года Сергей Данилович обратился к Матти Кууси с двумя важными для него вопросами. Он пишет: «...Я намерен опубликовать ряд исследований библиографического характера о собирании и публикации пословиц и поговорок народов Северного Кавказа на русском языке, языках народов СССР и зарубежных стран. Все эти работы будут первыми не только в отечественной фольклористике, но и в мировой паремиологии. Две работы из них Вы уже опубликовали, а именно: «О собирании и публикации пословиц и поговорок народов Карачаево-Черкесии» и «О собирании и публикации пословиц и поговорок Кабардино-Балкарии». Работа «О собирании и публикации пословиц и поговорок Адыгеи» находится в вашей редакции. Сейчас я пишу работу «О собирании и публикации пословиц и поговорок Калмыкии». Остальные работы, а именно: «О собирании и публикации пословиц и поговорок Чечено-Ингушетии», «О собирании и публикации пословиц и поговорок Осетии» и «О собирании и публикации пословиц и поговорок народов Дагестана» будут написаны мною в 1970 году.

После опубликования всех этих работ я хотел бы на основании выполненных работ защитить в вашем Литературном обществе диссертацию на соискание учёной степени доктора наук. Если же этого недостаточно, то я планирую написать обобщающую и исчерпывающую докторскую диссертацию «О собирании и публикации пословиц и поговорок народов Северного Кавказа». В этом труде с максимальной полнотой будут учтены все работы на языках мира о пословицах и поговорках абазинцев, аврцев, адыгейцев, андийцев, ахвахцев, балкарцев, ботлихцев, даргинцев, дидойцев, ингушей, кабардинцев, калмыков, карачаевцев, кубачинцев, кумыков, лакцев, лезгинов, ногайцев, осе-

тин, рутульцев, табасаранцев, черкесов, чеченцев, годоберинцев и других народов Северного Кавказа.

Мне хотелось бы узнать, смогу ли я осуществить это намерение. Я глубоко убеждён, что опубликованием этих работ Вы окажете большую услугу мировой паремиологии, так как афористическое творчество многих малых народов Северного Кавказа впервые будет введено в научный оборот.

И второй вопрос. Я уделяю достаточно внимания укомплектованию библиотеки вашего общества паремиологической литературой, но я испытываю затруднение в отыскании и подборе необходимой литературы. Хорошо было бы, если бы Вы прислали мне хотя бы на некоторое время каталог вашей библиотеки, чтобы я смог подбирать для Вас отсутствующую в вашей библиотеке паремиологическую литературу на языках народов мира. Если это сделать невозможно, то [могли бы Вы прислать] хотя бы краткий список, какую именно литературу Вы хотели бы получить для вашей библиотеки.

Вот на эти вопросы я хотел бы получить исчерпывающие ответы. На днях высылаю бандероль с книгами». Вопрос о возможности защиты диссертации так и не был решен по причине бюрократических и процедурных препон, которые сопровождали этот процесс и у нас, и у них. Что, вероятно, в ответных письмах и попытался объяснить финский профессор русскому учёному-самоучке. Возможно, что-то могло сдвинуться с места после конгресса, если бы С.Д. поехал в Финляндию, но это событие, которое могло стать рубежом в его жизни так и не состоялось.

О содержании и деловом стиле эпистолярного общения С.Д. Мастепанова и М. Кууси, например, можно судить ещё по одному письму – от 26 февраля 1973 г.: «Дорогой друг! Посылаю Вам переработанный и улучшенный вариант библиографического обзора об осетинских пословицах и поговорках для напечатания в журнале.

Правда, эта работа несколько больше моей предыдущей работы. Но ведь ценность библиографии зависит от её точности и полноты.

Несколько дней назад послал Вам две бандероли с пословичной литературой. На днях, как только получу книги, вышлю ещё. Хотел бы знать, когда будет напечатана эта работа. 19-й и 20-й номера журнала получил – большое спасибо за внимание. Правда, 20-й номер возвращаю Вам, так как он с дефектом (стр.750 – 751 и 754 – 755 – чистые). Прошу, если можно, заменить его. Крепко жму вашу руку. С искренним уважением к Вам, С.Д. Мастепанов».

На VI Международный конгресс фольклористов С.Д. готовил доклад «О паремиологической библиографии народов мира» и предварительно, в декабре 1973 года, отослал текст М. Кууси для отзыва и рецензии. После того, как стало очевидно, что выехать на конгресс не представляется возможным, Сергей Данилович в апреле 1974 года просит Матти Кууси поручить чтение доклада любому участнику конгресса. Он надеется, что доклад будет прочитан и обсуждён и просит одновременно выслать материалы конгресса. После прекращения издания бюллетеня «Proverbium» в Финляндии переписка С.Д. Мастепанова с Матти Кууси постепенно сходит на нет¹¹⁷.

Более десяти лет Мастепанов поддерживал эпистолярное и деловое общение с преподавателем, профессиональным художником, затем уже кандидатом педагогических наук и заведующим одной из кафедр Абаканского педагогического института, – Болеславом Михайловичем Ховратовичем. Последний также пытался найти контакты с журналом «Proverbium», но его попытки, кажется, были безрезультатны. В то же время с Гинзбургом Ховратович переписывался лет шесть. В марте 1969 г. он пишет Мастепанову из

¹¹⁷ Вольфганг Мидер отозвался на смерть Матти Кууси статьёй: Mieder W. Matti Kuusi (1914 – 1998): In Memory of the Last Giant of International Paremiology // Proverbium, 15. 1998. P. 1 – 12.

Абакана: *«От Гинзбурга – ни слова. В чём дело? Книги тоже не шлёт, хотя время от времени я посылаю некоторые книжонки. Может он на линии «перемирия» Египет-Израиль? Ведь он же военный. Хочу послать письмо на имя его жены.*

В «Комсомольской правде» были статьи о необходимости создания института фольклора. Напишите свое «да» этому делу. Я готовлю такое же письмо.

В ближайшее время вышлю Вам сборник хакасских пословиц. Хорошо оформлен...» К этому времени Ховратович уже был автором-составителем нескольких пословичных сборников: «Слово народов. Пословицы и поговорки разных стран и народов о мире, войне, единстве, дружбе» (Красноярск, 1960), «Так в Сибири говорят. Пословицы и поговорки народов Сибири» (Красноярск, 1964), «Поле любит труд. Русские народные пословицы и поговорки о сельском хозяйстве» (Красноярск, 1966).

Уже в начале семидесятых Б.М. Ховратович пишет: *«Хорошо, что успешно продвигаются Ваши библиографические связи с Proverbium'ом. К сожалению, я никак не могу наладить желанных контактов с этим изданием. Видимо, по Вашему примеру, нужно подготовить некоторые материалы для него».* Его попытки, вероятно, были напрасны и в дальнейшем. Не лучше дело обстояло и с Гинзбургом, если судить по письму от 10 февраля 1973 года: *«От Гинзбурга я ничего не получаю даже на Новый год...»* Болеслав Михайлович защищает кандидатскую диссертацию по теме «Нравственный идеал в хакасской народной педагогике», более чётко определяются в сторону этнопедагогике и проблем воспитания его научные и «пословичные» интересы. Он пишет Мастепанову: *«Ваш перечень пословичных новинок очень важен. И я всё переношу на карточки. Я уже писал Вам, что у меня в черновом состоянии есть материал для сборника пословиц на тему: «Воспитание, обучение, подготовка к жизни молодой смены». Видимо теперь, после защиты, засяду капитально за него. Не знаю, как бы лучшие*

озаглавить такой сборник? Может Вы что-то подскажите?» В дальнейшем Б.М. Ховратович работал над «сборником пословиц народов нашей страны на тему воспитания и обучения».

Переписка часто подкреплялась подарками для коллекции Сергея Даниловича – почтовые марки и сибирские газеты, в том числе на хакасском языке.

Изредка в письмах возникают бытовые и семейные темы (здоровье, успехи детей), планы на лето. В письме, написанном в 1974 году, Болеслав Михайлович искренне радуется, что Мастепанов едет на конгресс в Финляндию (он не знал, что поездка не состоялась) и делится своими планами на лето: *«Живу горячим желанием скорее окончить учебный год и отправиться в поездку по маршруту: Москва – Ленинград – Даугавпилс – Могилев – Гомель – Ромны – Павлыш (в школу Сухомлинского). Я состоял в переписке с В.А. Сухомлинским, поддерживаю связь с музеем В.А. Сухомлинского».*

Б.М. Ховратович восхищается успехами С.Д.: *«Вижу, что Вы не даете себе поблажек и тянете огромную работу. Это уже черта характера, которая мне так хорошо знакома и которая не позволяет «душе лениться». Видимо, если бы нас каким-то образом отключили от этих повседневных нелегких добровольных дел, связанных с поиском, с маленькими открытиями, с работой мысли, мы ощутили бы огромную, ничем не восполняемую пустоту жизни. Жаль, что НОТ нашей повседневной жизни и деятельности во многом не зависит от нас».* В письме от 20 августа 1978 года Болеслав Михайлович пишет: *«Что нового в Вашей научной работе? Есть ли какие-либо сдвиги в возможности публикации библиографии? Будет величайшей несправедливостью, если Ваш библиографический труд не будет напечатан вовремя. На мой взгляд, он представляет не меньшую ценность, какую в свое время имело издание Бонсера и Стефенса!»*

Одна из последних книг Б.М. Ховратовича была посвящена отражению в русском фольклоре, поговорках и пословицах представлений о народном земледельческом календаре¹¹⁸.

С семидесятых годов, так же, как и с Хельсинки, не сумев выехать на научный симпозиум по фразеологии и фольклору в Самарканд, С.Д. познакомился с учёными-филологами из Самаркандского университета и начал постепенно реализовывать свои библиографические «наработки» по паремиографии.

Во второй половине XX века в филологической науке и фольклористике происходит переход от накопления и систематизации пословиц и поговорок к активному научному изучению паремий. Пословицы и поговорки начинают рассматриваться не как часть фольклора, что было традиционно ещё с XIX века, а как языковые (массовые) афоризмы, только восходящие к фольклору по своему происхождению, но в большей степени имеющие отношение всё-таки к фразеологии и лексикографии. Основания для такой классификации были: пословицы и поговорки никогда «не исполняются» в народе наподобие песен, частушек и т.д. Паремии существуют и функционируют в языке как фразеологические обороты. В зависимости от происхождения исследователи начинают делить языковые афоризмы на две большие группы: 1) пословицы и поговорки; 2) крылатые выражения («мудрые мысли» великих людей). Изречения «великих» квалифицировались как речевые (индивидуальные) афоризмы. Всесоюзным центром по изучению русской фразеологии в 60-70-е годы становится Самаркандский государственный университет им. Алишера Навои. Самарканд постепенно становится не только «Меккой русской фразеологии», но и фразеологии народов Средней Азии. Ведущим специалистом по библиографической репрезентации фразеологии и паремиологии здесь был Анатолий Михайлович

¹¹⁸ *Ховратович Б.М.* Погодой год припоминается. Русский народный земледельческий календарь. Красноярск, 1992.

Бушуй, защитивший в 1982 году диссертацию по теме «Лексикографическая и библиографическая репрезентация фразеологии» на соискание учёной степени доктора филологических наук. В университете был создан центр по координации фразеологических исследований, регулярно проходили конференции, издавались многочисленные тематические сборники трудов, монографии, учебные пособия по фразеологии, библиографические указатели.

Анатолий Михайлович Бушуй и его коллеги, используя материалы С.Д. Мастепанова, издают библиографические указатели «Паремиология Узбекистана». Кажется, было издано три выпуска, пока не начался апогей «перестройки». В одном из писем в феврале 1979 г. белорусский паремиолог из Могилёва Никита Якимович Астапенко спрашивает у Мастепанова: «Вы заняты составлением библиографического указателя литературы о пословицах и поговорках – «Узбекская паремиология. Ч.2». Она должна печататься в Самарканде в конце этого года, или в начале следующего года? Напишите мне более ясно». Переписка с самаркандскими коллегами не сохранилась. Перед нами только два коротких письма от А.М. Бушуя с промежутком в семь лет. 9 сентября 1981 года он пишет: *«Уважаемый Сергей Данилович! Письмо Ваше получил. Спасибо. ПУзб-3 [Паремиология Узбекистана. Вып.3. – Авт.] находится в производстве. Как могу, содействую. Объем солидный – 250 стр. Наберемся терпения. Не болейте. Всего Вам доброго. Ваш. А.Бушуй»*. Долгожданная книга вышла, Сергей Данилович заказал не один десяток авторских экземпляров и вплоть до начала девяностых годов (даже в Ухте) раздаривал её своим знакомым. Сотрудничество с А.М. Бушуйем расширялось. В письме Мастепанову от 12 ноября 1988 г. он пишет: *«Уважаемый Сергей Данилович! «Паремиология Белоруссии» (вып.1) получилась компактная. Но, конечно, следом целесообразно пустить и 2-ой выпуск, чтобы снизить критику за пропуски. Поэтому здесь работу следует продолжить. Если к ап-*

релю завершим сбор азербайджанского материала, то через 3 месяца издам. Это украсило бы всю серию.

Серию по союзным республикам сделать? Что может человек мечтать. Я – «за»!

Желаемое количество экземпляров и большее Вы будете получать. В ответ желательно получить любое из Bonser'a, Moll'a и т.п. Всё это мне нужно...» Весной 1989 года Мастепанов пытается собрать все имеющиеся библиографические материалы для «самаркандской серии» по «Паремиологии Азербайджана»¹¹⁹.

Однако соавторство в подготовке сборников, вероятно, смущало Сергея Даниловича, оставляло какой-то горький осадок. Привыкший работать в одиночку, не зная объема работ по подготовке и редактированию рукописи, он не представлял, сколько труда на это уходит и, вероятно, не понимал до конца, почему он указывается как соавтор. «Паремиология Узбекистана» вышла под тремя фамилиями, С.Д. Мастепанов на обложке книги стоит последним автором-составителем, даже не по алфавиту. Приятно, конечно, было видеть результат многолетнего кропотливого труда в виде книги. В условиях того времени он, учитель-пенсионер, самостоятельно никогда бы не смог опубликовать свою пословичную библиографию, а потому пришлось согласиться с соавторством. В 1990 году Мастепанов пишет о себе: «...составил книгу «Паремиология Узбекистана» (правда, в соавторстве), опубликованную в Самарканде; в печати в Самаркандском госуниверситете находятся ещё две составленные мною (также с соавторами, к сожалению, у нас иначе ничего не издашь) книги – «Паремиология Белоруссии» и «Паремиология Украины». Разговоры об этом

¹¹⁹ Какова доля участия С.Д. Мастепанова в этих библиографических проектах – неизвестно. Из переписки, которую он вёл со своими старыми коллегами, очевидно, что библиографические указатели по паремиологии Узбекистана (не только вып. III), Белоруссии, Украины, Азербайджана предполагалось готовить при участии С.Д. Мастепанова, как одного из основных авторов-составителей. Но А. М. Бушуй, видимо, поменял свои планы, некоторые проекты не реализовались вообще, другой, например, «Паремиология Украины» вышел в свет в ином соавторстве.

Сергей Данилович вёл с корреспондентом газеты «Ухта» В.В. Булычёвым, фрагмент из этих бесед был опубликован: *«Зимой прошлого года Сергей Данилович прислал мне свой труд «Паремиология Узбекистана». Издан в Самарканде. Солидная книга в 250 страниц. Я знал, что рукопись принадлежит перу одного автора – Мастепанова. Но на титульном листе книги авторов уже три. Ст. научный сотрудник, кандидат филологических наук А. Бушуй (учёная степень и звание указаны неверно. – Авт), некто Р. Салимова и С. Мастепанов (на третьей позиции).*

– Ты что же, Данилыч, поступился принципами?

– Да чёрт с ними, с этими прилипалами. Иначе бы книга вообще не вышла, точь-в-точь как мои зарубежные поездки»¹²⁰. В. Булычёв здесь, как это часто водится у журналистов, не всегда точен: даже имея книгу на руках, путается в учёных степенях и званиях, да и трудно как-то представить, что деликатнейший Мастепанов был на словах так неблагодарен самаркандским коллегам, тем более что готовил ещё библиографические сборники для Самаркандского университетского издательства. Эту тему, что титулованные учёные «обирают» «народного» учёного-самоучку, вероятно, для пущего драматизма очень любили развить в своих газетных заметках корреспонденты о Мастепанове.

Осенью 1988 г. Сергей Данилович составляет список друзей, библиотек, коллег-паремиологов (в том числе и зарубежных), тех, кто писал о нем, снимал фильмы, помогал в библиографических поисках, родственников, чтобы подарить им будущие издания по паремиологии Узбекистана (вып. 3), Украины (вып.3), Белоруссии (вып.1). В списке оказалось 47 адресов и фамилий.

Книга «Паремиология Узбекистана» (Вып. III) получила положительные отклики в среде исследователей - тюркологов. Она отражала результаты систематизированного описания материалов о пословицах, поговорках, загадках и дру-

¹²⁰ Булычёв В. Феномен и парадоксы учителя Мастепанова // Ухта. 1991. 19 октября.

гих паремийных единицах в узбекском регионе, в ней были обобщены публикации на иностранных и национальных языках СССР. Библиография охватывала почти столетний период в изучении паремий узбекского, каракалпакского и крымскотатарского народов. В этой работе приводились сведения об опубликованных собраниях узбекских, каракалпакских, крымскотатарских паремийных единицах на русском, украинском, молдавском, польском, немецком и других языках. Полные сведения приводились о 2800 узбекских, около 1000 каракалпакских и более 1900 крымскотатарских пословицах, поговорках, загадках и речениях. В книге были исправлены недостатки предыдущих выпусков по паремиологии Узбекистана и, по мнению рецензентов, она имела не только региональное значение, но и могла быть использована для исследования общей сравнительной паремиологии¹²¹.

Возможно, обширные библиографические материалы, собранные С.Д. Мастепановым, пригодились бы для фундаментального библиографического указателя по украинскому фольклору и этнографии, к изданию которого намеревался приступить Институт искусствознания, фольклора и этнографии им. М.Ф. Рыльского в 1989 году, но события 1991 г. поставили точку на многих научных проектах. Сергей Данилович положительно отзывался на публикацию библиографического указателя по фольклору и этнографии в украинском журнале «Народна творчість та етнографія» (№2 за 1989 год) и получает доброжелательный ответ из редакции.

Поддерживал отношения Сергей Данилович и с ведущим паремиологом СССР Григорием Львовичем Пермяковым (1919 – 1983). Сохранилось только одно письмо от 26 ноября 1980 года: *«Дорогой Сергей Данилович! Посылаю Вам оттиск из «Acta Ethnographica» о паремиологическом семинаре, который проходил в рамках IV Международного конгресса финно-угорского в сентябре 1975 года.*

¹²¹ Мустафин Ф.З. Рец. на кн.: Паремиология Узбекистана. Вып. III. Самарканд, 1981. – 250 с. // Советская тюркология. 1982. №5. С.97 – 98.

Одновременно посылаю Вам адрес Вильмоша Фойта (домашний). Напоминаю, что ему нужен адрес Паремнологического общества, организованного Гинзбургом. Пожалуйста, напишите ему, сославшись на меня (это я передал Вам его просьбу).

Обещанные Вам лишние экземпляры «Провербиума» я пока не нашёл. Не помню, куда положил их. Но скоро я буду перекладывать книги, они найдутся. Как только разыщу их, вышлю Вам.

С приветом и лучшими пожеланиями. Ваш, Г. Пермяков. Упомянутый в письме профессор Вильмош Фойт (Vilmos Voigt) был в то время видным венгерским фольклористом, заведующим кафедрой этнографии в Университете ЕЛТЕ (Будапешт), в дальнейшем — членом редколлегии ежегодника «Proverbium», возглавлял кафедру фольклористики в Национальном университете Лоранд (Loránd Eötvös University, Budapest). Эта переписка была вызвана тем, что Сергей Данилович отсылал свой доклад на IV Финно-угорский конгресс, проходивший в 1975 году в Венгрии, но материалов конгресса, даже оттиска своего доклада, своевременно не получил. 10 июня 1980 г. (прошло почти пять лет!) он обращается в журнал Венгерской Академии наук «Acta Ethnographica», в котором печатались материалы заседания о пословицах, с просьбой прислать опубликованный доклад. Главный редактор журнала Тибор Бодроги ответил, что отдельный оттиск своего сообщения о кавказских пословицах и поговорках Мастепанов может получить у профессора Фойта, а автору отсылает ксерокопию доклада. В письме в Acta Ethnographica Мастепанов также предлагал свои новые материалы по пословичной библиографии, но Т. Бодроги перенаправил автора к тому же В. Фойту. Профессор В. Фойт через Г.Л. Пермякова пересылает отдельный оттиск сообщения С.Д. Мастепанову.

Григорий Львович Пермяков долгое время занимался разработкой системы формообразующих и предметно-тематических групп, на основе которых было бы можно

классифицировать поговорки и пословицы народов мира, и создал эту систему к началу семидесятых годов. На материалах русского языка ему удалось выделить от 800 до 1500 пословиц и поговорок известных повсеместно. Такие языковые афоризмы были известны широко, массово воспроизводились, имея незначительные модификации¹²². В своих исследованиях Г.Л. Пермяков показал, что языковые афоризмы, в частности пословицы и поговорки, представляют собой *клише* (воспроизводятся), являются *знаками*, могут иметь *мотивировку* своего значения, могут иметь *синонимы* и *антонимы*, обладают *функциональным сходством* (используются в номинативных целях), обладают *парадигмами* (могут выступать в различных падежах и склоняться)¹²³. Результаты его паремиологических исследований получили мировое признание, общение с Григорием Львовичем, позволило С.Д. Мастепанову найти свою нишу в науке о народной мудрости и акцентировать свои интересы не на паремиологии, а преимущественно на паремиографии. Светлой памяти Григория Львовича был посвящен сборник, вышедший в 1995 г.¹²⁴

В конце восьмидесятых Сергей Данилович периодически обменивается письмами, познакомившись, вероятно, через «Книжное обозрение» с Александром Федоровичем Чистяковым, которой ещё с военных времен увлёкся собиранием пословиц и поговорок, и коллекционированием народной мудрости, по его признанию, в одном из писем, эта деятельность здорово помогала ему как литератору, журналисту, учила народному языку... Он отвечает Мастепанову: *«Очень рад Вашему большому и содержательному письму. Теперь то я узнал, что значит Мастепанов! (Помог*

¹²²См.: Пермяков Г.Л. Паремиологический эксперимент. Материалы для паремиологического минимума. Полторы тысячи русских пословиц, поговорок, загадок, примет и других народных изречений, наиболее распространенных в живой разговорной речи. М., 1971.

¹²³См.: Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 250.

¹²⁴Малые формы фольклора. Сборник памяти Г.Л. Пермякова. М., 1995.

и очерк о Вас) Да, жизнь здорово посмеялась над Вами. Но люди, увлечённые, страстно влюблённые в своё главное дело, непобедимы. Я тоже живу только благодаря этому. Ни тяжелейший инфаркт, ни серьёзные травмы в автокатастрофе, ни прочие невзгоды, включая войну, – ничто, тьфу, тьфу! – пока не берёт. (Сейчас 67, но сил ещё много, бодрости тоже хватает).<...> Спасибо за библиографические сведения Мельц, Ивановой и др. Вполне возможно, что придётся к ним обращаться.

За газету с очерком о Вас – особая благодарность. Возвращать ли её? Хотелось бы её зажилить для собрания своих паремиологических редкостей. Уж очень колоритная штука! И герой её – ого! (Не примите за лесть!) Главное, что хочется пожелать Вам в конце – здоровья и такого же мужества, каким Вы всегда обладали».

В начале девяностых, после окончательного исчезновения цензурных запретов, Александр Фёдорович Чистяков задумал «поозорничать» в паремиологии и обращается с предложением к Сергею Даниловичу помочь пополнить копилку не совсем приличных пословиц и поговорок. «Сейчас увлёкся, – пишет он, – сбором и обработкой «неприличных» пословиц, хочу выпустить небольшую книжку. Пока к ней подготовлено около 1.000 штук. Разбил по разделам, темам... Думаю, такое издание имеет право на «жительство». Афанасьевские неприличные сказки¹²⁵ вышли уже несколькими изданиями и имеют успех. А почему таким же пословицам не появиться? Как Вы думаете? Не знаю, есть ли в вашем собрании подобные пословицы. Если «да», то хотел бы обратиться к Вам с просьбой войти в пай. Подумайте, пожалуйста, а?» Но подобных пословиц и поговорок в большом количестве у Мастепанова не было. Он всё-таки был учителем... Тем не менее, А.Ф. Чистяков и С.Д. Мастепанов начинают обмениваться дубликатами книг и различных сборников «по теме» из своих обменных фондов.

¹²⁵ См.: Афанасьев А.Н. Русские заветные сказки. М.: МИФ, 1991.

Александр Фёдорович считал себя практиком, в его собрании было около 500 пословичных сборников и примерно 300 сборников афоризмов.

Знакомство с Мастепановым он считал «приятным исключением» из того обширного эпистолярного общения, которое всегда возникало у собирателей, когда они публиковали свои адреса в газете «Книжное обозрение» в поисках единомышленников и соратников по своему «афористическому» увлечению. *«Да, конечно же, я много о Вас слышал, и с весьма давних пор. Мне приятно, – пишет Александр Фёдорович в одном из писем, – что Вы в добром здравии и продолжаете родное обоим нам дело. Думаю, после покойного Александра Макаровича Жигулёва (мы были с ним друзьями) Вы – наиболее видная фигура в паремологии».*

Упомянутый в письме Жигулёв Александр Макарович – кандидат филологических наук, педагог, известный составитель пословичных сборников, автор статей о методике использования народных пословиц и поговорок в воспитании и обучении детей дошкольного и младшего школьного возраста, публиковавшихся в 1970-е годы журнале «Дошкольное воспитание». Им были изданы сборники пословиц и поговорок «Без бога шире дорога. Атеистические пословицы и поговорки» (М.: Госполитиздат, 1963), «Русские пословицы и поговорки» (М.: Московский рабочий, 1958; сборник неоднократно переиздавался позднее), «Русские военные пословицы и поговорки» (М.: Воениздат, 1960), «За край свой насмерть стой» (М.: Воениздат, 1974). Выявить письма А.М. Жигулёва в архиве С.Д. не удалось, однако в 1957 году Мастепанов в свою записную книжку выписал около двух десятков пословиц и поговорок о труде, собранных А.М. Жигулёвым.

Сергей Данилович сообщает Чистякову о бюллетене «Proverbium», вероятно, в период его прекращения издания в Финляндии. Отдельные номера этого журнала Чистяков

видел в библиотеке А.М. Жигулёва и намеревался посетить его вдову, чтобы приобрести ряд номеров этого издания.

А.Ф. Чистяков был младше Сергея Даниловича и свои главные «проекты» осуществил в конце девяностых годов. В 1998 г. в издательстве «Крон-Пресс» вышел составленный им сборник «Пословица не зря молвится», в который вошло 2,5 тысяч пословиц 105 народов мира. Он собрал около 3.000 пословиц об охотничьих собаках и псовой охоте («Гончая охоту делает») и частично опубликовал их в серии «Охотничья библиотечка» (1996). Им было написано предисловие к сборнику, составленному А.С. Ермоловым, «Народное погодоведение», опубликована подборка пословиц и поговорок о Москве¹²⁶, выпущен в свет, обсуждавшийся с С.Д., сборник «неприличных» афоризмов, пословиц и поговорок.¹²⁷

Правда, за восемь лет до опубликования «пословичного Декамерона», А.Ф. Чистякова «опередил» М.И. Армалинский (Михаил Израилевич Пельцман) – литератор, издатель и сетевой деятель, известный своими эротико-порнографическими проектами, живущий в США с 1976 г., он издал в своем издательстве в Миннеаполисе в 1992 г. сборник «Русские бесстыжие пословицы и поговорки».

В 1969 – 1981 гг. С.Д. Мастепанов продолжает поддерживать книгообмен и переписку с белорусским паремиологом Никитой Якимовичем Астапенко, который ещё изредка публикуется¹²⁸. Сергей Данилович помогает ему в разыскании пословичных сборников, издававшихся тогда в Киеве, а Никита Якимович предлагает свои услуги по переписке коллекционного материала (пословиц и библиографии), имеющегося у Мастепанова, готовит для него библиографические данные из своего собрания, в частности, по киргиз-

¹²⁶ Чистяков А.Ф. В Москву за песнями. Пословицы и поговорки о Москве // Московский журнал. 2003. №1.

¹²⁷ См.: Дзама В., Чистяков А. Афористический, или Карманный Декамерон. Дубна: Издатель В.Дзама, 2000. – 326 с

¹²⁸ В альманахе «Охотничьи просторы» в 1969 г., в №25, вышла подборка пословиц и поговорок об охоте, сделанная Н.Я. Астапенко.

ским пословицам (публикации 1870 – 1897 гг.). Никита Якимович пытается собрать все существующие пословицы и поговорки (план явно мало осуществимый одним человеком в течение одной жизни, а тем более жившим в СССР). Тем не менее, он собрал их к середине семидесятых годов более 313 тысяч (на всех языках народов мира), каждая пословица была переписана на белую хорошую бумагу, разложена тематически и по алфавиту, к каждой пословице был указан источник – откуда она была взята. Сергей Данилович отправлял Н.Я. Астапенко пословицы кавказских народов, цыганские, исландские, пенджабские, а в обмен получал белорусские, народов Прибалтики и т.д. *«Убедительно прошу выслать, – обращается Астапенко к Мастепанову, – пословицы и поговорки, переведенные Вами с немецкого, шведского, болгарского и словацкого языков».*

Увлечение молодости – собирание пословиц, поговорок, афоризмов, речений – постепенно превращается для многих из корреспондентов Сергея Даниловича в смысл жизни. Н.Я. Астапенко делится размышлениями с Мастепановым в 1974 году: *«Несмотря на то, что наш труд не будет опубликован при жизни, я буду усиленно работать над собиранием и систематизацией собранного материала...».* И ещё: *«Под старость не хочется бросать это дело, хочется ещё больше собрать, зная, впрочем, что из этого ничего не выйдет. Отпечатать сейчас у нас в Белоруссии невозможно. Развелось много учёных, которые хотят выдвинуться. А работать не хотят...».* Когда позволяло здоровье, Никита Якимович на предмет выявления «народной мудрости» просматривал всю белорусскую периодическую печать, включая районные газеты за послевоенный период, которые хранились в областной библиотеке, и делился своими находками с Мастепановым. Они обменивались не только неизвестными или вновь найденными пословицами, но, как подлинники коллекционеры, радуясь по-детски своим маленьким открытиям, они зачастую, даже делились бума-

гой для карточек, или десятками страниц собственноручно переписанного того или иного пословичного собрания.

Через Н.Я. Астапенко Сергей Данилович знакомится с собирателем фольклора из Минска Николаем Васильевичем Хониным, который за полтора года до этого опубликовал в «Правде» заметку об Астапенко. Хонин обсуждает с Мастепановым возможность создания *«фольклорного общества» с некоторыми коллекционерами: «Их в нашей стране приблизительно 300-500 человек, – пишет Хонин. – Как Вы относитесь к тому, чтобы их объединить вместе, создать «Всесоюзное общество любителей словесности и фольклора». Вот вокруг Никиты Якимовича организовалась сейчас небольшая группа, к которой и я имею счастье причислить себя. Вы вот переписываетесь с более чем ста авторами. Это уже надо считать в какой-то мере, степени работа ведётся целенаправленно. А если бы добиться официального создания общества? Об этом пишут некоторые любители, с которыми я переписываюсь. А известная Вам Лидия Павловна Устюгова прислала памятку для любителей афоризмов. И вот таким образом уже родился Устав, и программа выработалась будущего Общества любителей словесности и фольклора. В зависимости от того, какой Вы пришлете ответ на этот вопрос, какое будет мнение Ваше – можно будет и Вам [предложить] рекомендательные Устав и Программу. Своего я ничего не внес. Единственное, что [я] разделяю с самого начала включения в [это] движение любителей фольклора – это необходимость объединения. В этом я убеждён на все сто процентов».* Ответ С.Д. Мастепанова на это предложение неизвестен. Однако из его газетных интервью можно сделать вывод, что и Сергей Данилович, несмотря на весь свой скептицизм по вопросам создания общественных организаций, выходил на «академические верхи» с предложением больше внимания уделять фольклору и инициировать издание тематического периодического журнала, вероятно, в формате близком «Провербиуму».

Тогда же, в семидесятые годы, Сергей Данилович начинает переписываться с коллекционером из Кременчуга Борисом Львовичем Хирге (1892 – 1979), которому было уже 80 лет. Борис Львович был учителем еврейского и украинского языков и всю жизнь занимался собиранием еврейского фольклора (преимущественно пословицы и поговорки), переводил на еврейский язык фольклор других народов. Его публикации выходили на еврейском языке в еженедельнике «Фольксштиме» (Folks-sztyme) в Варшаве и в ежедневной еврейской газете La presse nouvelle, издававшейся в Париже. Б.Л. Хирге после болезни почти не выходил из квартиры, городская библиотека (довольно небогатая, как и во всех областных центрах) фактически становилась для него недоступной, и он получает значительную помощь от Сергея Даниловича, который высылал ксерокопии, книги, справочные материалы. Но время было неумолимо. В феврале 1977 года Б. Хирге пишет: *«Уважаемый Сергей Данилович! Меня мучает мысль о том, что станется с результатами моего долголетнего труда по сбору и обработке фольклорного материала, когда меня не будет. Нечему передать всё это.*

Я уже стар, силы истощены, понемножку я ещё продолжаю работать, но уже не то. Думал я было связаться с издательством «Дніпро» в Киеве (выпускающим малоформатные сборники пословиц и поговорок народов СССР на украинском языке), но теперь мне это непосильно. Может, Вы порекомендуете мне такого человека, который бы взялся продолжать начатое мною дело по сбору и обработке еврейского фольклора? Это ободрило бы меня». Однако проблема продолжения начатого дела и сохранения накопленной информации становилась всё более острой и для самого Сергея Даниловича. Может, поэтому он и спешил издать хотя бы что-нибудь из своего библиографического собрания, пусть даже по частям. Тем не менее, С.Д. ещё полон планов и надежд, в конце декабря 1977 года он запишет: *«План моей дальнейшей работы в области паремииграфии*

– создание капитальной библиографии литературы о пословицах и поговорках народов мира как в оригинале, так и в переводе на другие языки, исследовательских работ, рецензий на паремиографические работы и публикации и работы об известных паремиологах, словом – всей литературы о паремиологии».

В 1981 – 1990 гг. (время переписки устанавливается по штемпелям на сохранившихся конвертах) Сергей Данилович активно общается, обменивается литературой с паремиологом-любителем из Великобритании Эмануилом Строссом. Письма из Малокурганного шли почти ежемесячно на русском, ответы С.Д. получал на английском и давал их переводить, вероятно, учительнице английского языка (некоторые переводы сохранились). Пословицы для Э. Стросса – хобби («Proverbs are a hobby of mine»). Он был почти ровесник Сергея Даниловича, родился на Западной Украине в 1914 г., где и партизанил против фашистских оккупантов во Вторую мировую войну. Э. Стросс работал инженером в американской «публичной компании» (сейчас бы её называли акционерной), которая занималась электронными технологиями (производство электронных компонентов, транзисторов, микросхем и пр.), часто бывал в СССР, в Москве, Львове. Отделение компании International Rectifier находилось в Великобритании. Э. Стросс жил в 20-30 милях от центра Лондона, в городке Рэдхилл, что на юге «Большого Лондона», в местечке Мэрстам. Письма, надиктованные им для С.Д., за него часто подписывали помощники. По делам работы Стросс часто бывал в Италии, где в Турине у него был второй дом.

В то время Стросс работал над обширным многоязычным словарем пословиц, в котором английским пословицам приводились бы эквиваленты на европейских языках. Труд в области сравнительной паремиологии требовал не только обширной эрудиции, но и больших затрат при публикации. Автор предполагал дать 2 или 3 тысячи «базовых» пословиц с эквивалентами на английском, французском, итальянском,

испанском, немецком, голландском, датском, русском, украинском, польском, чешском и латинском. Дополнительно можно было привлечь пословичные эквиваленты и на других европейских языках, а также восточных, но писать их на латинице или кириллице. Возможность ездить по всему миру облегчала поиски и приобретение новой литературы, но и здесь были препятствия: книги были или крайне редкими, или слишком «популярными», недостаточно научными.

Э. Стросс познакомился с С.Д. Мастепановым через М. Кууси, который дал почитать одно из писем Мастепанова, написанное на «великолепном немецком» («Должен сказать, – пишет Э. Стросс 19 мая 1981 года, – я восхищён вашим великолепным немецким, на котором Вы написали письмо профессору Кууси»). Переписка приобретает быстро доверительный и дружественный характер, С.Д. отсылает дубликаты и «раритеты», которые были недоступны Эмануилу Строссу, а также обширный, более двухсот позиций, список литературы для обмена.

В октябре 1981 г. Стросс пишет Мастепанову, что выслал ему ксерокопию Rosten's Book of Jewish proverbs and quotations, а заодно сообщает, что его список разыскиваемых книг передал доктору Пазолай (Dr. Peczolay) из университета в г. Веспрем. Он такой же коллекционер пословиц, недавно издал книгу венгерских пословиц с английскими эквивалентами и занимается компаративной паремнологией, охотно поможет в поисках венгерской литературы.

Если для С.Д. Мастепанова больших трудов стоила поездка в Москву или Ленинград, то Э. Стросс за, примерно, десятилетний период общения с Сергеем Даниловичем не раз посещал СССР, Финляндию, США, Багамы, Израиль, Италию, Швейцарию, Шотландию, Чехословакию, Венгрию.

Пословичным делам Стросс мог посвятить только свободное время от службы, тем не менее, он неоднократно

выбирается в Библиотеку Британского музея, чтобы сделать библиографические уточнения для работ С.Д., снять копии редких книг, заказывает для него новые книги в американских книжных магазинах. Сергей Данилович, в свою очередь, ищет для него пословичные эквиваленты на русском и украинском языках, а также то, что издавалось в границах СССР. Э. Стросс сетует, что на европейских букинистических рынках пословичная литература довольно редка, сказались последствия мировых войн, а издания старых лет если и есть, то хранятся в университетских и публичных библиотеках, поэтому с них приходится делать фотокопии.

Тем не менее, получив из США внушительный компе-диум, – «A Treasury of American Folklore / Ed. By B.A. Botkin», объёмом в 931 страницу, – Стросс, вместе с другими книгами, отправляет его Мастепанову. Он заказывает для своего адресата в одном из книжных магазинов Нью-Йорка «Библиографию американского фольклора» Фланагана, делает выписки из библиографии О. Моля. Однако некоторые бандероли «теряются» по пути из Великобритании в СССР в конце 1982 г. и их приходится разыскивать. В СССР шла пересмена власти и началось андроповское «подмораживание». Содержимое посылок, с точки зрения Главлита «идеологически вредное», конфисковывалось на Международном почтамте в Москве, что стало известно из письма Э. Стросса от 11 марта 1983 г. Стросс готов прислать Мастепанову словарь английских и немецких пословичных параллелей В.Мидера, словари шведских пословиц, итальянских, но беспокоится о том, дойдут ли они до адресата. «Я слышал из одного источника в Москве, – пишет Стросс, – что теперь существуют новые правила по поводу посылок в Советский Союз. Правда ли это – не знаю».

Не все просьбы Мастепанова Стросс выполнял вовремя, поскольку имел огромную, более 5000 названий, библиотеку, посвящённую только пословицам и около 2000 книг, состоящую из годовых подборок журналов по шахматам, а также книг по всемирной литературе, географии и т.д.

Как всегда бывает у библиофилов, библиотека была плохо систематизирована, и Э. Стросс спрашивал у «опытного библиофила» Мастепанова, как лучше её структурировать. Поэтому он просит у Мастепанова прислать списки необходимых книг, ранжировав их по важности: книги, необходимые в первую очередь, во вторую, в третью и т.д.

Летом 1983 г. Э. Стросс высылает Мастепанову ксерокопии некоторых библиографических сборников на датском и английском и настоятельно рекомендует обратиться к В.Мидеру, как преемнику М. Кууси по изданию «Провербиума». Некоторые сведения из сборника датских пословиц Мастепанов тотчас включил в готовящийся труд «Паремиология Украины» (который впоследствии так и не вышел). Стросс по-прежнему искал издателя для своего грандиозного проекта и вел переговоры с издательством Лонгман. Редкие паремиологические издания удавалось через посредство Э. Стросса приобретать у нью-йоркского книготорговца Элиота Клейна (Elliotte Kleine LTD. New, Rare and Out-of-Print Books Folklore, Mythology & Related Fields), который собирался в 1984 г. открыть букинистический магазин в Париже.

Восстановить связи с редакцией «Провербиума» непосредственно через Вольфганга Мидера Сергей Данилович почему-то не решается, хотя Э. Стросс передает Мастепанову домашний адрес Мидера. Мастепанов весной 1986 года просит достать для него издание *International Proverbs Scholarship*, написанное этим американским исследователем, но Стросс ссылается на то, что он не знаком с Мидером, а книга его в Англии не продается и её придётся доставать через знакомых в США. Болезни, которые настигли и самого Э. Стросса и его супругу, отодвинули на второй план все дела, связанные с пословицами и, в частности, работу с издательствами.

В 1990 году Мастепанов устанавливает контакт с новой редакцией, теперь уже не бюллетеня, а ежегодника «*Proverbium*» (*Proverbium: Yearbook of International Proverb Schol-*

arschip). Редактором его был Вольфганг Мидер (W. Mieder), профессор кафедры германской и русской филологии в Университете штата Вермонт (Burlington, Vermont), в США. Планы С.Д. не поменялись, он проявляет удивительное постоянство и пытается реализовать свои «издательские» планы, которые ещё предлагал М. Кууси – дать исчерпывающий библиографический обзор по истории сбора и публикации пословиц и поговорок народов Северного Кавказа, не меняется и схема написания статей. Мастепанов пишет В. Мидеру: *«В настоящее время я имею возможность подготовить к публикации библиографические обзоры литературы о пословицах и поговорках всех народов СССР. Не смогли бы Вы опубликовать в вашем ежегоднике что-либо из собранного мною, например, библиографический обзор «О собирании и публикации пословиц и поговорок народов Дагестана». Эта работа будет содержать описания около 1000 названий пословичных публикаций на языках народов Кавказа, народов СССР и зарубежных стран. Одновременно я работаю над библиографией библиографий литературы о пословицах и поговорках народов мира на европейских языках. Эта библиография будет насчитывать свыше 2000 названий <...> Большинство библиографических сведений будет кратко аннотировано»*. Сергей Данилович был знаком с библиографическими изысканиями самого В. Мидера, который свою аннотированную библиографию пословичной литературы издал в 1982 году (Mieder, Wolfgang. International Proverb scholarship: An Annotated Bibliography. N.Y., London: Garland Publishing, INC, 1982). Профессор В. Мидер любезно откликнулся на предложение С.Д. Мастепанова, подкреплённое щедрым подарком новейшей советской пословичной литературы, выслал в ответный дар седьмой том ежегодника. Издание ежегодника испытывало значительные экономические трудности, и главный редактор даже позавидовал умению советских учёных преодолевать трудности, связанные с паремнологическими изданиями, которые явно в Америке не пользовались большим спросом.

Осенью 1991 года Сергей Данилович сообщил В.В. Булычёву, что по просьбе В. Мидера, редактора международного ежегодника «Proverbium», подготовил библиографический обзор «Афористическое творчество народов мира» и приложил к нему 750 карточек библиографических названий. Публикация должна была появиться в 1992 году. Однако в отдельном виде она не появилась ни в следующем году, ни в последующих. В. Мидер сам вёл две библиографические рубрики в Ежегоднике (“International Bibliography of New and Reprinted Proverb Collections” и “International Proverb Scholarship: An Updated Bibliography”) и, вероятно, просто использовал материалы Мастепанова в форме элементарных библиографических описаний, не увидев в присланном обзоре концептуальной целостности. Не исключено, что присланный обзор по каким-либо причинам «не пошёл» ежегоднику «Proverbium», или попросту затерялся при пересылке. Следует, однако, признать, что и эта и предшествующие работы Сергея Даниловича были далеки от совершенства и, к сожалению, оставались на уровне начала шестидесятих годов. Этим объясняется, что публиковать с середины семидесятих годов свои редкие работы ему становилось всё труднее. Редакторы и издания, используя любые благовидные предлоги, отклоняли присылавшиеся материалы, или избегали контактов. Следует учитывать и значительную конкуренцию среди фольклористов и паремистологов по части научных публикаций, в связи с довольно узкими издательскими возможностями по этому направлению в нашей стране до 1992 года.

Что касается Э. Стросса, то он выполнил свой грандиозный план, опубликовав в Лондоне в 1994 г. многоязычный сравнительный словарь европейских пословиц. Работа вышла в трёх томах, имела 2036 страниц. В «Словаре европейских пословиц», собранных Строссом, вошли 50 тысяч пословиц на 70 языках и диалектах с параллелями к 2500 ан-

глийским пословичным гнёздам¹²⁹. Это был итог 40-летних разысканий. Сокращённый вариант книги (Concise Dictionary of European Proverbs) вышел в 2003 году. Как и ожидалось, труд Э. Стросса оказался монументальным, но чрезвычайно дорогим – даже сейчас первый вариант его «Словаря европейских пословиц» в книжных магазинах стоит около 760 долларов.

«Я умственно работаю только в холодное время...»

Это признание в одном из писем Сергея Даниловича одновременно и верно и неверно, речь идёт о том, что главная, с его точки зрения, «интеллектуальная» работа, всегда велась, когда непогода, холода, (короче, когда ненастные осенние и зимние месяцы) не способствовали физическому труду на приусадебном участке – ведь приходилось пенсионеру жить в основном натуральным хозяйством! Но и летом, если планы удавались, Мастепанов тоже работал интеллектуально – когда ездил за сбором библиографического материала в московские библиотеки. Эти поездки в Москву и Ленинград с завидной регулярностью, начавшись с конца пятидесятих годов, продолжались без малого почти сорок лет. Но часто непреодолимым препятствием для общения с книгой становился пресловутый квартирный вопрос.

Сохранившиеся в архиве московского писателя, земляка-отраденца, Гария Леонтьевича Немченко несколько писем Сергея Даниловича передают атмосферу напряжённости и беспокойности Мастепанова по вопросу: удастся или нет, например, в очередное лето выехать в столицу, чтобы выполнить намеченные планы. И часто планы приходилось поправлять, а то и отменять. Так и случилось в «олимпийское» лето 1980 года:

¹²⁹ Dictionary of European Proverbs / Collected by E. Strauss. L.: Routledge, 1994. Vol.I – III. – 2036 p. В. Мидер отозвался на этот труд рецензией, опубликованной в ежегоднике Proverbium, 13.1995.

«Многоуважаемый Гарий Леонтьевич! – пишет Мастепанов. – Извините, что решился побеспокоить Вас своей просьбой. Вы, вероятно, помните, что обещали мне помочь в подыскании для меня жилья месяца на 2-3 (за соответствующую оплату, конечно) на время моей работы в московских библиотеках. Возможно, среди Ваших знакомых найдутся такие, имеющие возможность предоставить мне место. Что будет стоить, - я заплачу без всякой торговли: ведь для меня самое главное – иметь возможность работать в библиотеках, а на квартире я буду только спать. Если удастся подыскать что-либо для меня подходящее, то я приеду в Москву в конце апреля или в начале мая. Если же нет, то буду сидеть летом дома. Конечно, если бы мне было в Москве остановиться у кого-нибудь хотя бы на несколько дней, то я, возможно бы походил, искал и нашёл бы квартиру. Но это опять-таки рискованно. А если не найду? Что тогда? Назад? Вот я бы и хотел заручиться кое-какой помощью в разрешении жилищного вопроса заранее. А поэтому я Вас очень просил бы ответить мне на это письмо о возможностях устройства на временное проживание в Москве. С искренним уважением к Вам, Мастепанов. 15-3-1980 г.» Летом 1981 года, в июле, С.Д. зазывал в гости и ожидал приезд Г.Л. Немченко из Кисловодска, на несколько дней, отсылал телеграмму в санаторий, желая показать местные древности и красоты природы, а более – поговорить побольше. Сергей Данилович сообщает в письме к Г. Немченко, что занимается «приведением в порядок своих бумажных «завалов» и вновь возвращается к «жилищному» вопросу: *«Возможно, поздней осенью и поеду в Москву, если мне удастся уладить вопрос с жильем. Ведь на гостиницу мне рассчитывать не приходится: для таких людей, как я, там никогда нет мест!»*

Из письма к Г.Л. Немченко от 19 декабря 1983 года явствует, что автор напряженно работал осенью в московских библиотеках, но заболел и с высокой температурой вернулся домой: *«А когда приехал домой, то здесь меня уже ожи-*

дала масса неотложных дел. Необходимо было наводить порядок в саду и в огороде: ведь жене всё делать самой трудно, так как она работает на производстве. В дополнение к хозяйственным работам и заботам, я обещал 1. XII. 1983 года закончить работу над книгой «Паремиология Украины». Но видно уже, что не смогу уложиться в срок. Вероятно, придётся ещё поработать и январь 1984 г. Думаю, что эта книга уже в следующем году выйдет из печати. А там буду работать над «Паремиологией Белоруссии». Надеюсь закончить её в 1984 г. <...> Вероятно, летом на несколько дней приеду в Москву: нужно будет кое-что сделать в библиотеках».

Однако работа над запланированными книгами затягивалась. 10 мая 1985 г. Сергей Данилович пишет: «Уважаемый Гарий Леонтьевич! Не смогу ли я пожить у Вас на даче в Кобяково? Мне необходимо будет поработать над «Паремиологиями». Долго я не думаю быть у Вас, так как срок моего пропуска в научный зал Ленинской библиотеки истёк. Поработаю немного в ИНИОНе¹³⁰. Вот такая у меня к Вам просьба». Над библиографическими указателями по украинской и белорусской паремиологии Сергей Данилович активно и напряжённо работает в 1982 – 1988 гг. и часто прибегает к радушному гостеприимству Гария Леонтьевича, но письма с благодарностью всегда запаздывали, и для этого были причины: «Извините, что так задержался с ответом. — пишет С.Д. Мастепанов Г.Л. Немченко. — Домой приехал благополучно. В Невинномысске Коля¹³¹ меня встретил, и мне не пришлось тащить чемодан. А дома меня уже ждала масса неотложных хозяйственных дел. В круговороте домашних дел я никак не смог даже выбрать время, чтобы написать письма. Каждый день, с утра до вечера, работаю в саду и в огороде, или вообще по хозяй-

¹³⁰ Фундаментальная библиотека Института научной информации по общественным наукам при АН СССР, где были сосредоточены новейшие зарубежные издания по гуманитарным наукам.

¹³¹ Николай Сергеевич Мастепанов (р. 1957 г.) – сын Сергея Даниловича Мастепанова.

ству, а вечерами уже чувствую себя усталым, и сосредоточиться на чем-либо трудно. Поэтому всю интеллектуальную работу откладываю на сырую холодную погоду, когда на воздухе работать будет невозможно. И как назло, плохая погода так и не наступает: за всё время, как я возвратился из Москвы, было не более 3-4-х дней мокрых, а всё остальное время – сухо и тепло.<...> Я кое-как выбрал время, чтобы съездить в Отрадную, был у Михаила Николаевича [Ложкина]... Вы, вероятно, как планировали раньше, скоро приедете в Отрадную. Постарайтесь как-нибудь заглянуть на несколько дней ко мне. Если сможете, достаньте для меня книгу: «Песни былого: Из еврейской народной поэзии. Пер., сост. Н. Гребнёва.- М.: Сов. Писатель, 1986.<...> 31-Х-86. С уважением к Вам, Мастепанов».

Из этих писем видно, что когда Мастепанову пришлось вплотную заняться составлением паремиографической библиографии, то тот час же на темпах и качестве работы сказалось его провинциальное пребывание: за любыми уточнениями необходимо было ездить в столичные библиотеки, а в «столицах», как и в прежние времена, остановиться надолго было негде, да и стоимость проживания была высока для пенсионера. Он понимал, что работа ему не по плечу, но отказываться от возможности реализовать план всей своей жизни, или хотя бы часть его, не мог, поскольку возникал другой вопрос – если появилась возможность, и ты ею не воспользуешься сейчас, то тогда зачем начинал этот сизифов труд в пятидесятые годы? Отказаться сейчас – означало предать мечты молодости, признать бесцельность всей предыдущей деятельности в течение десятилетий... И Сергей Данилович пытался довести дело до конца, как в корейской пословице – «Если начал копать колодец, то копай его до конца!» Однако его соавтор, А.М. Бушуй, уже не рассчитывает на Сергея Даниловича при подготовке библиографического справочника по паремиологии Украины, и в 1982, а затем 1983 гг. издает соответственно первый, а затем

второй тома по паремиологии Украины¹³² общим объёмом около 300 страниц. Его соавтором выступает аспирант из Харькова А.А. Ивченко. Какова доля мастепановских библиографических сборов в этом издании – неизвестно. Следы книги под название «Паремиология Белоруссии» ни на современных интернетовских сайтах, ни в каталогах библиотек обнаружить не удалось, хотя о ней, как о почти уже осуществленном проекте, писал в своих письмах А.М. Бушуй.

«Мемориал»

С «мемориальцами» Сергей Данилович сблизился с начала девяностых годов. Они, вероятно, его разыскали как одного из оставшихся в живых свидетелей истории Ухтпечлага. Летом 1990 г. Мастепанов на конференцию ВДИПО «Мемориал» в Москве не поехал, но был приглашён председателем Правления Совета Ухто-Печорского общества «Мемориал» А.И. Терентьевым на готовившуюся выставку об узниках и преступлениях сталинского режима в г. Ухте осенью того же года. «Неделя совести» в Ухте начала работу 30 сентября. Иногородним участникам было забронировано в гостинице 50 мест. Предполагались экскурсии на Ветлосян-гору, посёлки Водный, Ярега, а также по автодороге Ухта-Войвож до речки Седью. Места эти были хорошо знакомы Сергею Даниловичу. Он едва выжил в Ветлосянской слабкоманде, здесь были места массовых захоронений узников Ухтпечлага. Как и в Москве, в Ухте, в городской библиотеке была устроена выставка документов, вещей, здесь были и оставшиеся в живых бывшие политкаторжане, с которыми можно было поговорить и узнать «правду истории» из первых уст. Увидел Сергей Данилович в дни «недели» и зримые образы прошлого – портреты, рисунки, пей-

¹³² Библиографический указатель по паремиологии: Паремиология Украины / А.М. Бушуй, А.А.Ивченко. Самарканд: СамГУ, 1982.Т.І; 1983.Т.ІІ.

зажи такого же ухтинского узника, как и он, но художника, который тайно рисовал своих товарищей - политзаключенных. Это был Николай Андреевич Миллер, сын немецкого краснодеревщика и кубанской казачки из станицы Алексеевской Тихорецкого района, он попал в ГУЛАГ после войны, едва закончив первый курс Академии художеств в Риге. На Ветлосянской горе, в память об умерших, был установлен православный крест. Сергей Данилович всё это видел, участвовал, разговаривал, вспоминал...

В день открытия «Недели совести» в зале центральной библиотеки бывший узник, поэт, заместитель председателя ухтинского «Мемориала» Николай Володарский говорил: *«... Мы собрались сюда, чтобы вспомнить страшные годы, годы произвола и насилия, вспомнить имена тех, кого уже нет среди нас. Чтобы сталинская чума, всенародная беда не повторилась, мы должны о ней напоминать людям и призывать их к бдительности. Сталиницина не должна повториться»*¹³³. В этой же газетной заметке зампреда общества «Мемориал» В.П. Потолицын представляет ухтинцам и Сергея Даниловича Мастепанова: *« Он хотя и не выступал на открытии, – пишет Виталий Прокопьевич, – но не менее других заслуживает отдельных слов. Потомок кубанских казаков, бывший учитель, отсидевший десять лет в ухтинских лагерях, через несколько десятилетий после освобождения закончил работу над дневником – поразительным документом по своей правде и проникновенности. В дневниковых записях Мастепанова – имена десятков людей, встреченных им в ГУЛАГе. Возможно, среди них есть и такие, кого до сих пор разыскивают дети, внуки и правнуки? А ещё надо сказать, что после всего пережитого Сергей Данилович Мастепанов не только вернулся к преподавательской работе, но и стал признанным в мире специалистом по пословицам и поговоркам»*¹³⁴.

¹³³ Цит. по: Потолицын В.П. Гуманность // Ухта. 1990. 5 октября.

¹³⁴ Потолицын В.П. Гуманность // Ухта. 1990. 5 октября. С.5.

В конце октября 1990 г. в газете «Ухта» на полную страницу в рубрике «Время, события, люди» появляется очерк журналиста и краеведа Валерия Владимировича Булычёва¹³⁵ о С.Д. Мастепанове. Она выдержана в традициях уже сложившихся зарисовок о нём: «хранитель мудрости», «интеллигентность – величина постоянная» и пр. Но среди известного, чему и сам С.Д., уже не придавал значения, среди того, о чём было писано и переписано журналистами не раз, «прорывается» в репликах реальный и живой голос Сергея Даниловича. Он говорит о намерении писателя-земляка Г.Л. Немченко снимать фильм о нём и судьбе казачества под рабочим названием «Казачий круг» и откровенно, с горечью, говорит: *«Не “Казачий круг”, а “Недобитые” – надо было бы поименовать эту ленту. Я сейчас работаю над статьей «Правда и вымысел о казачестве». И коли пожелают, скажу об этом в фильме, если таковой состоится»*¹³⁶.

Ухто-Печорское общество «Мемориал» пыталось проводить встречи – «Недели Совести» каждую осень, но средств и желающих помогать делу восстановления справедливости после августа 1991 года становилось всё меньше. Общество постепенно определяет сферы своей деятельности. Осенью 1991 г. в Ухте проводится первая городская конференция по историческому краеведению. «Мемориал» добивается льгот для репрессированных, оказывает материальную помощь нуждающимся, выпускает краеведческий сборник «В недрах Ухтпечлага», открывает новые места захоронений узников Ухтпечлага и пытается ставить на их месте поклонные кресты. Среди членов УПО «Мемориал» было 342 человека, из них 83 – бывшие репрессированные, в возрасте от 70 до 90 лет. Среди членов УПО были жители Ухты, городов и посёлков Коми, Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Баку, Алма-Аты, Ташкента, малых населённых пунктов

¹³⁵ О нём см.: Валерий Владимирович Булычёв: библиографический указатель /сост. Г.Г.Тиктинская, Р.Н.Фёдорова [Краеведы Ухты: Вып.7]. Ухта, 2011. – 24 с.

¹³⁶ Булычёв В. Хранитель мудрости // Ухта. 1990. 31 октября. С.3.

России. С руководством Правления УПО и его членами, корреспондентами газеты «Ухта» Сергей Данилович поддерживал постоянные связи до 1996 г., как свидетельствуют сохранившиеся некоторые письма А.И. Галкина, В.П. Потолицына, Л.Л. Чижевского. В июле 1991 года своеобразный «дайджест» публикаций о Мастепанове, вероятно, В. Булычёв помещает в районной газете «Зори Тимана» под названием «Мастепанов выручит Буша, или Путешествие по книге “Мудрость и разум ООН”»¹³⁷, но за подписью – «С. Мастепанов, специально для “ЗТ”». В ответ С.Д. пишет письмо в редакцию «Ухты», благодарит за присланные три экземпляра: *«Большое вам спасибо за внимание. Жаль только, что всего три экземпляра. Мне нужно гораздо больше. Один экземпляр я высылаю в Москву члену Русско-Американского исторического общества З. Гельману, второй – главному режиссёру Северо-Кавказской киностудии И. Икоеву, который намерен снять обо мне ещё один, более расширенный, фильм. Сообщите, какова судьба моего материала о Ветлосянском ШИЗО. С искренним уважением к Вам, С. Мастепанов»*¹³⁸.

В октябре 1991 года, в «Ухте», В. Булычёв публикует очерк «Феномен и парадоксы учителя Мастепанова», в которой С.Д. делится своими воспоминаниями и размышлениями о советской эпохе, днях заключения в Ухтпечлаге и о том, что пишет статью «Правда и вымысел о казачестве» и что подготовил для редактора «Провербиума» профессора Мидера библиографический обзор «Афористическое творчество народов мира» с приложением 750 библиографических описаний паремиологических изданий. Судя по тексту этой и других статей В. Булычёва, он использует рукописные воспоминания С.Д., над которыми в это время Мастепанов начинает активно работать. Ссылками на свою научную и хозяйственную занятость Сергей Данилович, скорее всего, оправдывался перед настойчивыми коллегами по пе-

¹³⁷ См.: Зори Тимана. 1991. 23 июля. С.3.

¹³⁸ См.: Ухта.1991. 28 сентября. С.2.

ру, ждавшими от него именно мемуаров, как можно более жёстких по стилю. «Этот удивительный Мастепанов» – так называлась статья о Сергее Даниловиче, появившаяся в газете в ноябре 1993 года – кажется, последняя работа В. Булычёва, как и последней оказалась сама поездка Мастепанова в Ухту: годы неумолимо брали своё, а фронт работ всё расширялся. Сергей Данилович неоднократно переписывает от руки, редактируя свои гулаговские воспоминания, несколько школьных тетрадей, дополняет списки «сидельцев», но, самое главное, берёт на себя непосильный труд составить картотеку известных ему лично и по другим источникам узников ГУЛАГа. Идея выросла из списка тех лиц, с которыми Мастепанов непосредственно встречался в период с 1937 по 1947 год, а затем, как библиограф, привыкший всё заносить в карточки и каталогизировать, С.Д., увидев нарастающий вал информации, появившийся в открытой печати, явно не устоял перед соблазном, как настоящий русский человек, сделать великий труд, а не разминаться по мелочам. Он стал собирать сведения из краевых и областных газет, журналов, книг «памяти», воспоминаний, устных свидетельств, но систематизировать это было также трудно, как и когда-то безбрежное море пословиц и поговорок, от собирания которых он перешел к решению более обозримой задачи – описанию библиографии паремий.

Но время беспощадно к силам и интеллекту человека... Всё хуже обстояли дела и с финансами. Жертв сталинских политических репрессий приравнивали только к ветеранам Великой Отечественной войны по пенсионному обеспечению. В ноябре 1993 г. он говорит В. Булычёву: *«Уже много лет я веду картотеку на репрессированных. Собирается она разными путями: прочитал в газете заметку или статью о ком-то из них – в карточку, плюс сюда же идут мои личные воспоминания и встречи, переписка. Вот так, с бору по сосенке, и у меня накопилось около 50 тысяч карточек.*

Со временем передам картотеку в “Мемориал”»¹³⁹. Газеты могли прислать друзья и знакомые, и этими просьбами С.Д. обременял многих, но начавшие выходить «Книги памяти» стоили дорого по причине объемности и малотиражности. Сергей Данилович вновь определил для себя неподъемную задачу, схватился за её решение основательно и крепко, по-крестьянски, упускать не хотелось... Возможно, желая показать заинтересованным лицам успешность своего начинания, Сергей Данилович несколько преувеличивал результаты своего труда по составлению именника репрессированных, или в общении с корреспондентами прозвучала неясно цифра, но в газетах появились неправдоподобные факты о количестве биографических карточек на репрессированных. Писатель П. Ткаченко сообщает об «уникальном собрании С.Д. Мастепанова, содержащем сведения на миллион(!) жертв геноцида и на сто тысяч с фотографиями»¹⁴⁰. Не на много эти данные приуменьшает О.А. Гудимова, сообщая в заметке-некрологе, что в его картотеке персональных жертв политических репрессий были собраны огромные сведения – «около миллиона фамилий репрессированных и около ста тысяч их фотографий»¹⁴¹. Достаточно было познакомиться с бытом Сергея Даниловича, чтобы понять, что подобные сведения невозможно было не только собрать одному человеку, но и хранить их было бы попросту нигде! Впрочем, его личность и деятельность всегда обрастала легендами!

Через публикации в «Правде» и статьи З. Гельмана с С.Д. познакомился Николай Петрович Степанов, московский эсперантист, работавший тогда над историей эсперанто-движения в СССР в 20 – 30-х годах. В 90-х годах он публикует ряд статей на эсперанто в журнале «Сеннациуло»,¹⁴² о судьбах отдельных эсперантистов, репрессированных сталинским режимом; он сообщает С.Д. адрес в Клайпеде, где

¹³⁹ Булычёв В. Этот удивительный Мастепанов // Ухта. 1993. 17 ноября. С.2.

¹⁴⁰ Ткаченко П. Учитель Мастепанов // День Республики. 2004. 24 января.

¹⁴¹ Гудимова О.А. «Человек большой души и бесконечного трудолюбия...» // Экспресс-почта. 2003. 11 января.

¹⁴² Название журнала буквально переводится «Без национальности».

можно подписаться на журнал, присылает свои копии статей, задает в письме вопросы об эсперантской деятельности Мастепанова, круге знакомств в тридцатые годы и пытается узнать «максимум деталей из эсперанто-жизни того времени».

Мастепанов ответил двумя лаконичными письмами Степанову, даже вспомнил некоторые подробности, оставшиеся в памяти, но при этом твёрдо заявил, что не был эсперантистом, как это представлялось Степанову: *(«Я не был эсперантистом. Я [только] был, – вспоминает Сергей Данилович, – в 1935 – 1937 гг. эсперантистом (вплоть до моего ареста 25-ХП- 1937 г.), окончил Центральные заочные курсы эсперанто, был членом СЭСР под номером 101, вёл переписку с какой-то английской принцессой, которая и приглашала меня на Международный конгресс эсперантистов, намечавшийся в 1938 году в Лондоне. Но при аресте почти всю переписку, значок (SEU Esperanto), членский билет и кое-что из литературы на эсперанто было изъято»;* *«...в Москве не бывал тогда, поэтому лично никого не знал (Н.П. Степанов спрашивал о деятелях эсперанто-движения. – Авт.), с советскими эсперантистами не переписывался».* Во время обыска было изъято и «письмо английской принцессы», и именно по поводу этого письма следователь сказал, что «одного этого письма было достаточно для расстрела» Мастепанова. Объясняя Степанову, почему он не эсперантист, Мастепанов пишет: *«Все эти годы мне пришлось жить в глухих углах и было не до эсперанто...»*¹⁴³. Но в одном был прав Н.П. Степанов – в опубликованные тогда биографические материалы С.Д. не вошла и «сотая часть его эсперантской судьбы». Даже когда стало возможно говорить более подробно о репрессиях, в том числе и об эсперанто-движении, и это охотно публиковали в газетах и журналах, Сергей Данилович ровным счётом ничего не прибавил к той скудной информации о своих эсперантистских

¹⁴³ Цит. по: История эсперанто в России и СССР. Советское движение эсперантистов в документах и цитатах // <http://historio.ru/mastepan.php>

увлечениях, которую он «дозированно» говорил на допросах в НКВД. В газете «Ухта», среди писем читателей, соседствуют два письма, случайно встретившиеся в редакторском портфеле: Мастепанов благодарит за статью, опубликованную о нём, а Н. Степанов просит помочь в поиске информации о репрессированных эсперантистах, которых приходилось встречать, как писали А. Солженицын и В. Шаламов, и на Колыме, и в Казахстане и в других местах заключения¹⁴⁴.

Следует заметить, что после XX съезда КПСС, когда эсперанто-движению негласно было разрешено существовать, Мастепанов пытался, вероятно, наладить связи с эсперантистами и возобновить изучение искусственного языка. Возможно, у него были идеи выйти на паремиологов мира через письма на эсперанто. В одной из его записных книжек летом 1957 г. была сделана пометка, вероятно, об одном из первых упоминаний об эсперанто в «положительном смысле» в послесталинскую эпоху (из «Литературной газеты» от 18 июля 1957 г.): «... ответ Е. Бочкарева, доктора филологических наук: “Эсперанто – вспомогательный международный язык”».

К этому времени молодые граждане СССР уже не представляли себе, что такое эсперанто. Иркутская корреспондентка Сергея Даниловича, с которой он переписывался с 1953 года, Вероника Горбовская (1934 года рождения) с любопытством спрашивает в одном из писем к Мастепанову об искусственном языке эсперанто. В конце 1957 г. Мастепанов получил из Москвы от эсперантиста Н. Дановского несколько адресов эсперантистов: 1) Грушко, который возглавлял секцию эсперантистов в Доме Учёных в Ростове-на-Дону; 2) Н.Г. Федотова, работавшего во Всесоюзном НИИ зерна в Москве; 3) москвича С.В. Сарычева, а также номер абонентского ящика в г. Горьком, обратившись в который можно было получить адреса зарубежных эсперантистов. Но с заочным обучением, вероятно, ничего не получилось,

¹⁴⁴ См.: Ухта. 1991. 28 сентября.

поскольку требовалось организовать 3 группы по 2 – 3 человека и приобретать пособия, а организатором и консультантом должен был быть Сергей Данилович, в то время как политическая ситуация с эсперанто по-прежнему была неясной. Москвич Николай Григорьевич Федотов 8 января 1958 г. пишет: *«...организация пока ещё не разрешена, но работать можно. За работу никто не преследует...»* Именно это и заставило С.Д. поостеречься заводить новые контакты с эсперантистами...

Переписка с Н.П. Степановым, вероятно, не имела продолжения, хотя Сергею Даниловичу была прислана анкета-заявление на новое вступление в Союз эсперантистов советских республик (СЭСР) в апреле 1989 года. Организация воссоздавалась на базе Ассоциации советских эсперантистов и действовавшего до 1938 г. Союза эсперантистов советских республик. Наряду с коллективным членством СЭСР предусматривал и индивидуальное. С.Д. Мастепанову предлагалось заполнить заявление-анкету и выслать в Комиссию СЭСР по индивидуальным членам. Но, как говорили древние, дважды войти в одну и ту же реку невозможно, тем более что СССР через два с половиной года прекратил свое существование.

На написание мемуаров Сергея Даниловича, вероятно, подтолкнул один из старейших узников Ухтпечлага Константин Петрович Гурский, он собственно и сообщил ухтинской организации «Мемориала» адрес Сергея Даниловича. К.П. Гурскому довелось до Печоры побывать в заключении на Соловках и о. Вайгач. Он активно наводил справки о солагерниках у Сергея Даниловича, работая над своими мемуарными заметками об Ухтпечлаге. Несмотря на преклонный возраст, Константин Петрович нашёл силы приехать в 1990 г. в Ухту из Ялты. Мастепанов некоторое время переписывался с ним в начале девяностых. К.П. Гурский подписал ему в дар два номера газеты «Ухта»: *«Многоуважаемому Сергею Даниловичу, моему подневольному «соратнику» по освоению Печорского края Коми, где всё*

воздвигнуто и построено во славу нашей Родины на костях бесчисленных жертв утопического коммунизма и социализма. К. Гурский». И ещё: «Многоуважаемому Сергею Даниловичу, бывшему одновременно со мной в тридцатых годах строителем печально известного тракта Чибью – Крутая, (см[отри] Льва Разгона), поглотившего тысячи невинных жертв... К. Гурский. 1 октября 1991 г. г. Ухта (б. Чибью)».

В 1993 – 1994 годах Мастепанов пытается собрать, начавшие периодически выходить «книги памяти» о репрессированных гражданах в различных краях и областях России, а также материалы о репрессированных, публиковавшиеся в центральной и местной прессе. В его архиве сохранились газеты со списками тех, кого «изъяли» органы НКВД в Черкесской АО в 1930-е годы, в Краснодарском крае, а также поимённые списки репрессированных эстонцев из Отрадненского района, список реабилитированных жителей станицы Отрадной в период с 1985 – по начало 1990-х гг. Однако, свою главную задачу он видел в том, чтобы максимально точно восстановить в подробностях свой лагерный период жизни и вспомнить имена тех, с кем пришлось встретиться в Ухтпечлаге. Сергей Данилович сообщает А.И. Галкину, что работа над воспоминаниями ведётся, но отдельные части по почте он высылать остерегается, бандероль может затеряться, и предполагает их привезти в Ухту в июле-августе 1993 года. Смерть Надежды Ивановны, жены Сергея Даниловича, различные бытовые неурядицы затянули работу над очерками о годах, проведённых в лагере, на несколько лет.

В одном из писем Константину Петровичу Гурскому, который тоже работал над воспоминаниями, С.Д. Мастепанов пишет: «*Посылаю Вам «Список некоторых лиц, с которыми мне пришлось встречаться» и «Мои воспоминания о ШИЗО».* Если перепечатаете их на машинке, то пришлите и мне по 1-2 экземпляра копий, на случай, если мне при-

дется послать их в Ухту. Если же что-либо из этого будет опубликовано в Ухте, то не забывайте выслать и мне.

Сейчас я продолжаю «ворошить» свою память, а также свои бумаги в поисках пропущенных лиц в моем списке.

Я, конечно, не знаю, имеется ли в Ухтинском обществе «Мемориал» картотека лиц, побывавших в Ухтпечлаге, или нет. Но думаю, что такая картотека очень нужна для ведения учёта и наведения различных справок о репрессированных. По моему понятию, это будут как официальные данные о различных лицах, так и различные воспоминания». После ознакомления с воспоминаниями Сергея Даниловича, К.П. Гурский перенаправил просьбы некоторых польских исследователей, которые искали своих соотечественников, сосланных в Ухтпечлаг, С.Д. Мастепанову. Московская журналистка В.Я. Резвушкина просила более подробно осветить лагерные судьбы М. Чухновского и Оскара фон Адольфа, которыми интересовались польские коллеги. Она пишет Сергею Даниловичу: *«Очень прошу Вас, напишите нам об этих людях, их биографиях, судьбе, в какой степени она переплеталась с вашей собственной. В Польшу письма идут трудно, пропадают, а я буду «почтовым ящиком». И буду с нетерпением ждать от Вас вестей. Ваше имя тоже будет упомянуто в этих трудах. Прошу Вас, я понимаю, что это очень трудно, но всё же в память о тех, ушедших... Сделать это – это ведь всё равно, что положить камень памяти на могилу. Буду ждать ваших воспоминаний»*. Свидетельства очевидцев были весьма ценны, неформальная информация сохранялась только в живой человеческой памяти, а свидетелей становилось с каждым месяцем всё меньше и меньше... Мастепанов отзывается на просьбу В.Я. Резвушкиной, и в одном из писем А.И. Галкину, в феврале 1992 года, сообщает, что работает над списком поляков, находившихся в Ухтпечлаге: *«Эту работу я выполняю по просьбе польских учёных»*. Если верить цифрам, сообщаемым уже в марте 1999 года, у него в картотеке было 3000 – 3500 фамилий репрессированных иностранцев, а све-

дений о поляках доходило до 1000. Однако все эти данные происходили из различных печатных изданий, которые С. Д. пытался охватить, проанализировать, извлекая из прямых и косвенных упоминаний любые сведения об узниках ГУЛАГа.

Из оставшихся в живых солагерников, проживавших в Карачаево-Черкесии в начале девяностых годов, Сергей Данилович знал только абазинца Биляла Копсергенова из аула Кара-Паго, который проработал на Водном промысле около восьми лет. Но удалось ли встретиться двум выжившим в Ухтпечлаге – неизвестно.

Упомянутый уже «Список лиц...», с которыми пришлось встречаться в заключении Сергею Даниловичу Мастепанову, ещё не опубликован. В последней рукописной авторской редакции он насчитывает 96 пунктов и называется «Словарь некоторых лиц, с которыми мне пришлось встречаться в заключении с 25 декабря 1937 года по 5 декабря 1947 года». Упомянутые в списке лица записаны по фамилиям (часто без имени и отчества – время стирает всё из памяти!), в основном это те, с которыми он непосредственно контактировал или видел в ближайшем окружении, информация иногда приводится со слов солагерников, иногда по слухам, врезавшимся в память, поэтому приводимые факты нуждаются в дополнительной проверке, требуют разного рода уточнений. Например, под №20 в списке написано: *«Иосиф Михайлович (фамилии не знаю) – преосвященный Ростовский, Новочеркасский и Таганрогский, работал посудомойкой на кухне 4-й командировки на тракте Чибью – Крутая до моего отъезда в 1940-м году на Водный промысел. Больше я с ним не встречался и о дальнейшей его судьбе ничего не знаю»*. Работа церковных историков по восстановлению биографий репрессированных иерархов Русской Православной Церкви позволяет уверенно говорить, что здесь речь идет о епископе Ростовском и Таганрогском Чернове Иосифе (Иване) Михайловиче (1893 – 1975), который был рукоположен во епископы 27.11.1932 г.

Епископ Иосиф был ревностным противником обновленчества, подвергался репрессиям за свою жизнь несколько раз. По обвинению в антисоветской агитации был арестован в 1935 г. и этапирован в Усть-Ижемские лагеря Коми АССР, с 1936 по 1940 год находился в лагпункте пос. Чибью (Ухта). В лагере он работал дневальным у инженера-геодезиста, посудомойкой на кухне, работал на лесоповале, где обморозил пальцы на руках и ногах. В декабре 1940 г. епископ Иосиф (Чернов) вернулся из лагеря на старое место служения, в Таганрог, но все церкви в городе были закрыты, и он работал истопником в яслях. Не будем говорить о дальнейших его злоключениях, преследованиях и советскими и оккупационными властями, «возвращении» в лагерь, реабилитации... Отметим только, что с 1968 по 1975 гг. в сане митрополита он возглавлял Алма-Атинскую и Казахстанскую митрополию РПЦ¹⁴⁵.

В девяностые годы Сергей Данилович Мастепанов выступает «заявителем» (свидетелем) по вопросу восстановления сведений о лагерном периоде владыки Иосифа, что отмечается в официальной биографии последнего. Точно переданы в информации Мастепанова и титулы Преосвященного епископа Иосифа (Чернова) – он был епископом Таганрогским, викарием Ростовской епархии и временно управляющим Донской и Новочеркасской епархии. Всё это говорит о том, что «сведения» С.Д. Мастепанова о «лагерных встречах» могут иметь большое значение при соответствующей дополнительной информационной поддержке из «перекрестных» источников.

Трудности в работе с архивами у членов общества «Мемориал» были постоянными, поскольку банк данных по заключённым в самом ухтинском «Мемориале» оказался небольшим и только начал создаваться, справки буквально приходилось «выколачивать» из местного архива. Сопредседатель «Мемориала» Виталий Прокопьевич Потоплицын

¹⁴⁵ Подробнее см.: http://kuz1.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/docum/no_dbpath

писал в одном из писем Сергею Даниловичу о сложностях сбора информации летом 1992 года: *«Нет сил и времени (у работающих) [собирать данные об узниках], а активистов очень немного, да и не дают материалов в архиве. Если что покажут, то со скрипом и большим недовольством»*.

Тем не менее, возникали и некоторые перспективы. Так, активист «Мемориала», сын бывшего репрессированного, Леонид Лукич Чижевский, сообщает в феврале 1995 г., что издательство «Воскресенье» готово рассмотреть работы Мастепанова для издания (неизвестно, идет ли речь о паремиологических работах, или о мемуарах и «банке данных» по репрессированным, скорее последнее) и что этот шанс надо бы не упустить.

Однако война в Чечне, инфляция, внутривластные «битвы» в государстве в середине девяностых резко снизили интерес к теме ГУЛАГа и судьбам репрессированных. Восстановление исторической правды о репрессиях 30 – 50-х годов новой политической элитой, пришедшей к власти после августа 1991 года, уже не воспринималось как первоочередная задача, а тем более после октября 1993 года.

В 1992 году Сергей Данилович обращается в органы власти, чтобы его «дело», как невинно осуждённого в годы сталинских репрессий, пересмотрели и выдали причитающуюся компенсацию с предоставлением всех льгот на основании постановления Правительства от 16 марта 1992 г. Из заявления мы узнаём, что после «освобождения» ему было сделано две пластические операции, на ногах были следы язв от перенесенных заболеваний пеллагрой и цынгой, а также были потеряны все зубы. Сталинские лагеря, у выживших, оставляли свои меты не только в душе, психологии поведения, но и на теле, до конца земных дней человека.

Под влиянием новых публикаций о С.Д. Мастепанове в центральных газетах и газете «Ухта», работники госархива КЧССР обратились 12 сентября 1992 г. с официальным письмом к Сергею Даниловичу, предлагая в архиве образовать личный фонд: *«Нам известно, что Вы прожили тяжё-*

лую, сложную, но интересную жизнь. Вы не просто бывший заключённый УХТПЕЧлага, бывший школьный учитель, потомок древнего рода кубанских казаков, учёный-самоучка, но и человек – феномен.

Предлагаем Вам в госархиве КЧССР образовать личный фонд Мастепанова Сергея Даниловича. Возможно, в процессе вашей деятельности отложились документы, представляющие большой интерес для изучения истории республики, страны. Нас интересуют документы о Вашем образовании и награждении, автобиография, записные книжки делового характера, рукописи, черновики, переписка с вашими читателями и коллегами, фотографии, вырезки из газет и журналов, ваши воспоминания, удостоверения, а также документы, собранные Вами для своих работ по интересующим Вас темам.

Госархив обязуется хранить документы постоянно, в надлежащих условиях. Без вашего согласия документы не будут выдаваться для изучения исследователям. Условия передачи будут оговорены отдельно».

Однако в оговоренные сроки, в 20-х числах сентября, передача документов не состоялась, хотя Сергей Данилович, вероятно, всё пересматривал из своего архива в девятностые годы и паковал в конверты из обёрточной бумаги: здесь были и подшивки личной и официальной переписки пятидесятых годов, личные документы, газетные вырезки на краеведческие темы, на темы репрессий, истории казачества, голода 1932 – 1933 годов и т.д.

Возможно, стремление Сергея Даниловича завершить свои основные творческие замыслы – собрать исчерпывающий материал по мировой паремиографии, составить «банк данных» по репрессированным, написать о судьбе казачества и многое другое – не позволили ему решить вопрос по передаче своего личного архива в государственное хранилище оперативно, в кратчайшие сроки, а затем новые проблемы нашего быстро текущего и меняющегося времени,

навалившиеся недомогания и болезнь сделали передачу архива уже нереальной.

Послесловие

Сергей Данилович Мастепанов ушёл из жизни 26 февраля 2002 года в окружении своих близких в с. Ивановском Ставропольского края, незадолго до этого сын вывез отца, архив, книги из пос. Малокурганного (Карачаево - Черкесская Республика). Перед этим он пережил тяжёлые утраты: в 1983 г. Сергей Данилович похоронил свою маму, к которой вернулся в 1947 г., освободившись из лагеря, в 1994 г. он навсегда простился со своей женой Надеждой Ивановной, которую похоронил в ст. Кардоникской и рядом с которой он сам будет погребён через восемь лет. К годовщине смерти о С.Д. Мастепанове сообщила только «коммерческая» газета. На первой странице черкесской «Экспресс-почты» был опубликован некролог-прощание О.А. Гудимовой 11 января 2003 года. Затем в нескольких изданиях была опубликована статья «Учитель», написанная московским писателем П.И. Ткаченко, в которой была сделана попытка определить место Мастепанова в культурной и научной жизни многонационального Северного Кавказа. Но биография Сергея Даниловича стала для Петра Ивановича Ткаченко лишь только отправной точкой для собственных размышлений о времени прошедшем и сегодняшнем дне, о судьбах русского интеллигента в провинции, о равнодушном отношении многих наших соотечественников к культурному наследию своего народа, не говоря уже о культуре других народов, о бюрократическом чванстве и цинизме... Размышления писателя во многом справедливые, тем не менее, они мало что прибавляли к биографии «увлечённого паремиологией», но стали основой для посмертной мифологизации Сергея Даниловича. Последующие авторы газетных публикаций уже не скупилась на эпитеты и характеристики.

Так, Сергей Данилович, скромный пенсионер-учитель, всю жизнь занимавшийся собиранием даже не столько пословиц и поговорок, сколько библиографией изданий по различным разделам паремиологии, превращается в «автора десятков статей и нескольких монографий», становится «выдающимся русским советским учёным-паремиологом и фольклористом», «профессором», «почётным членом нескольких зарубежных университетов и членом нескольких научных обществ», «эсперантистом», «полиглотом», «крупнейшим в мире паремиологом», «учёным уровня В.И. Даля», «выдающимся российским паремиологом» и т.д. Надо ли говорить, что это не соответствовало действительности. Эти лестные характеристики проникли и в русскоязычную Википедию, где удивительным образом отложились сведения только о двух российских паремиологах – действительно выдающемся учёном Григории Львовиче Пермякове (Германе) (1919 – 1983) и скромном учителе из российской глубинки паремиологе-любителе и библиографе Сергее Даниловиче Мастепанове (1913 – 2002). Если бы Сергей Данилович прочитал нечто подобное о себе, то он, конечно, всё бы отредактировал и унял полёт фантазии некоторых «тружеников пера», поскольку цену этому труду он знал не по наслышке. Но человека, ставшего уже легендарной личностью при жизни, с нами уже нет. А неуёмная страсть любого человека к познанию истины заставляет нас вновь и вновь обращаться не столько уже к личности Сергея Даниловича (о ней много ещё можно написать), сколько к его эпохе, в которой он жил и пробовал творить, оправдывая главное божественное предназначение земного человека – жизнь ради Творчества. Наверное, мы так и не сможем до конца понять тот механизм, который подтолкнул станичного паренька, в условиях кровавого двадцатого века, когда приходилось миллионам людей бороться только за чисто биологическое выживание, заняться, казалось бы, совсем пустяшным и никому не нужным делом – *собираанием народной мудрости* не только своего, русского народа, но и

народов мира, но это собрание мудрости оказалось, и он об этом тогда ещё не знал, – древнейшим занятием, которому уделял в свое время внимание древнегреческий философ Аристотель, гуманисты эпохи Возрождения, выдающиеся учёные-языковеды и фольклористы Нового времени... Интуитивно он повторял путь великих людей, и это был знак божественного Промысла, это было испытание, предначертанное свыше, и это испытание с твёрдой решимостью Сергей Данилович нёс до конца своих дней. В его судьбе поражает верность избранному делу. Это стоическое следование однажды и навсегда предначертанному пути впечатляла всех, кто общался с ним. Квинтэссенцию жизни Мастепанова, его исканий можно определить словами немецкого психотерапевта середины XX века Фредерика Перлза: «Я делаю своё, и ты делаешь своё. Я в этом мире не для того, чтобы соответствовать твоим ожиданиям. И ты в этом мире не для того, чтобы соответствовать моим ожиданиям. Если нам случится найти друг друга, это прекрасно. Если нет, то ничего не поделаешь».

Обычно говорят, и это стало уже аксиомой обыденного сознания, что история учит тому, что она ничему не учит. Однако подобный пессимистический взгляд на «уроки истории» разделяют не все. Один русский академик на назойливый вопрос корреспондента «чему же учит история», сказал примерно так: «История учит тому, что власти с народом шутить не следует». Если же вернуться к судьбе конкретного человека из этого народа, судьбе отдельного человека, выжившего в хитросплетениях века ушедшего, и попытаться понять, где он и почему прошёл «точку невозврата», не позволившую ему осуществить свою Мечту, то мы вынуждены остановиться на рубеже детства и юности, когда Сергей Мастепанов (по обстоятельствам семейным или иным) не смог получить среднего образования. Время самоучек быстро оставалось в прошлом. Незавершённое образование стало тем социальным ограничителем, который не позволил двигаться вперед, отсутствие документа о среднем

образовании не позволило поступить ему даже на заочную форму обучения в ближайший институт, а у него были планы поступить в институт иностранных языков и даже институт восточных языков. Время, проведенное в Ухтпечлаге, поставило его в положение возрастного цейтнота, после тридцати пяти лет доступно было только заочное образование, но нужно было содержать семью, мать, добывать средства к существованию... По непонятным причинам он не воспользовался возможностью сдать за среднюю школу экстерном; может, стеснялся своего возраста, может, наивно верил, что свидетельство об окончании заочных курсов – это и есть диплом о высшем образовании?.. А знаний полученных вполне достаточно, чтобы учить азам немецкого... Логика его рассуждений мы уже не узнаем никогда. Нельзя исключить и того, что его увлечение паремиологией отодвинуло на второй план жизненно важные и необходимые задачи по получению высшего образования – паремиология оказалась интереснее школярно-студенческих «штудий». И в этом оказалась его ошибка в жизненной стратегии. Сергей Данилович был сильной личностью, но слабым, хотя и трудолюбивым, профессионалом на той научной стезе, которую он себе избрал. И это главный урок его жизненного пути. Образование в двадцатом веке всё-таки превратилось в фактор социального отбора, несмотря на скрытую политику государства по сдерживанию образовательного уровня своего народа, навязывания ему моделей поведения и жизни «усредненных стандартов», формирования пренебрежительного отношения к Знанию и интеллектуальному труду. Общество экстенсивной и распределительной экономики, где доминировал физический труд, воспевавшийся как героизм и подвиг, в противовес труду интеллектуальному, не могло иметь перспективного будущего. Может быть поэтому, в условиях господства коммунистической идеологии и атеизма, часть советского общества, почти интуитивно начала искать новые пути по обретению некой универсальной, не классовой, а народной мудрости. Буквально взрыв

интереса к пословицам и поговоркам, мудрым мыслям и афоризмам на рубеже 1950-х – 1960-х гг., повторившийся затем в 1990-х – 2000 гг. в нашей стране, несмотря на различные в целом ситуации (в социально-экономическом, политическом и культурном отношениях) свидетельствует о типологической общности тех переломных этапов, когда происходит смена одной системы другой, включая и официальные идеологии, а современники и участники этих процессов жадно ищут универсальный рецепт объяснения «эпохи перемен» в «родниках народной мудрости», чтобы выжить, объяснить происходящее, примириться с неизбежным, предвидеть опасное, укрепиться в вере по поводу справедливого будущего. В этом отношении, как и во многих других сторонах своей жизни и судьбы, Сергей Данилович Мастепанов был неотъемлемой частью XX века, сыном своего сурового времени. К сожалению, ему так и не суждено было до конца реализовать свой человеческий потенциал...

ОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ С.Д. МАСТЕПАНОВА

1. МАСТЕПАНОВ С. Д. О собирании и публикации пословиц и поговорок Карачаево-Черкесии: Библиографический обзор // *Proverbium*. [Helsinki], 1967. № 8. Р. 177–180.
2. МАСТЕПАНОВ С. Д. О собирании и публикации пословиц и поговорок Кабардино-Балкарии: Библиографический обзор // *Proverbium*. 1969. № 12. Р. 312–318.
3. МАСТЕПАНОВ С. Д. О собирании и публикации пословиц и поговорок Адыгеи: Библиографический обзор // *Proverbium*. 1971. № 16. Р. 583–585.
4. МАСТЕПАНОВ С. Д. О собирании и публикации пословиц и поговорок Калмыкии: Библиографический обзор // *Proverbium*. 1972. № 18. Р. 669–674.
5. МАСТЕПАНОВ С. Д. О собирании и публикации осетинских пословиц и поговорок: Библиографический обзор // *Proverbium*. 1973. № 22. Р. 835–844.
6. МАСТЕПАНОВ С. У древних стен // *Ленинское знамя*. 1973. 4 апреля.
7. МАСТЕПАНОВ С. Наш выдающийся земляк. К 110-летию со дня рождения М.И. Бруснева // *Ленинское знамя*. 1974. 11 июля.
8. МАСТЕПАНОВ С. И у нас на Бермамыте // *Ленинское знамя*. 1974. 15 февраля.
9. МАСТЕПАНОВ С. Д. О международной паремиологической библиографии славянских народов // *Вопросы фразеологии*. Самарканд, 1975. Вып. 9. С. 139–141. [=Труды Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. 1975. Вып. 288.]
10. МАСТЕПАНОВ С. Д. О собирании и публикации пословиц и поговорок Чечено-Ингушетии. Библиографический обзор // *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1977. Т. 26 (1-2). Р. 184–192.
11. МАСТЕПАНОВ С. Д. Древности Хумаринского городища // VII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. — Черкесск, 1977= Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного

Кавказа. Вып. VIII: Крупновские чтения, 1971 – 2006. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2008. С.181.

12. Паремология Узбекистана: Библиографический указатель: Вып. 3 / Сост.: А. М. Бушуй (отв. ред.), Р. Х. Салимова, С. Д. Мастепанов. Самарканд, 1981. – 250 с.

13. МАСТЕПАНОВ С. Моя встреча с инопланетянами // Ленинское знамя. 1990. 22 июня.

14. МАСТЕПАНОВ С.Д. Мастепанов выручает Буша, или Путешествие по книге «Мудрость и разум ООН» // Заря Тимана [г. Сосногорск Коми ССР]. 1991. 23 июля.

15. МАСТЕПАНОВ С. [Письмо в редакцию газеты «Ухта»] // Ухта. 1991. 28 сентября.

16. МАСТЕПАНОВ С. Д. Воспоминания об Исламе Къарачайлы (Хубиеве) // Ас-Алан. 2002. № 3 (8). С. 81 – 82.

17. МАСТЕПАНОВ С.Д. Страницы из автобиографии // Вопросы истории Поурупья. Вып. I: Ильичёвское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры. Материалы краевой научной конференции посвящённой 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища. Армавир, 2012. С. 99 – 107.

18. МАСТЕПАНОВ С.Д. [Библиографические обзоры о собрании и публикации пословиц и поговорок народов Северного Кавказа] // Ткаченко П.И. Кубанские пословицы и поговорки. С.Д. Мастепанов о пословицах и поговорках народов Северного Кавказа. Краснодар: Изд-во «Традиция», 2012. С.163 – 212[см.: №№ 1 – 5,10].

19. [МАСТЕПАНОВ С.Д.] Пословицы и поговорки из собрания С.Д. Мастепанова // Ткаченко П.И. Кубанские пословицы и поговорки. С.Д. Мастепанов о пословицах и поговорках народов Северного Кавказа [Издание второе, доп. и уточнённое]. Краснодар: Изд-во «Традиция», 2012. С.51 – 102.

ЛИТЕРАТУРА О С.Д. МАСТЕПАНОВЕ

1. ШКАРБА Л. Школьный музей построили сами // Молодой ленинец. 1958. 26 сентября.
2. Это нам по плечу: [О школьном краеведческом музее в ст-це Красногорской]. М.: Гос. изд. дет. лит-ры Мин. просв. РСФСР, 1959. С. 123–135.
3. СУЗДАЛЬЦЕВ Д. Своя тропа // Учительская газета. 1970. 6 января.
4. СУЗДАЛЬЦЕВ Д. Халкъ алим // Ленинни байрагы (= Знамя Ленина). 1972. 23 мая.
5. СУЗДАЛЬЦЕВ Д. АрыпхьагІв – апхьахьа // Коммунизм алашара (= Свет коммунизма). 1972. 29 августа.
6. ГЛУЗ Л. С. И все возможное постичь... // Ленинское знамя. [Черкесск], 1972. 22 ноября.
7. ГЛУЗ Л. Хранитель мудрости // Известия. 1973. 7 апреля.
8. ГЛУЗ Л. В Хельсинки на Конгресс // Ленинское знамя. 1974. 9 февраля.
9. ГЛУЗ Л. Увлеченность // Ставропольская правда. 1974. 24 марта.
10. БАЙЧОРОВ С. «Экономия» за счёт предков. О том, как разбазариваются исторические ценности // Ленинское знамя. 1974. 14 мая
11. ГЛУЗ Л. «Требуется энтузиаст» // Советская культура. 1975. №39. С.6.
12. АНИН Б. И. Учитель в моей жизни. М.: Советская Россия, 1977. С. 173.
13. ПРИДИУС П. Е. Отрадненское предгорье. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1980. С.73.
14. ПЕТРИЦКИЙ В. А., КАЗАНКОВ Б. Е. Советское библиофильство 1960–70-х гг.: Опыт историко - социологического исследования // Книга и время. Сборник статей. М.: Книга, 1980. С. 98.

15. КУДАЕВА З.Ж. Состояние и проблемы изучения адыгских паремий // Вопросы фольклора народов Карачаево-Черкесии (характеристика жанров). Черкесск, 1983. С.79,90.
16. ОСАДЧАЯ Л. А. Тропа Мастепанова // Ленинское знамя. 1986. 7 февраля.
17. ОЛИЯНЧУК В. ООН – сельскому учителю // Известия. 1987. 30 ноября.
18. ГЛУЗ Л. Сокровища учителя Мастепанова // Социалистическая индустрия. 1987. 4 декабря.
19. СТЯЖКИН Н. Хранитель мудрости // Ставропольская правда. 1988. 19 января.
20. ШЕВЧЕНКО В. В. Сельский учитель, эрудит, ученый-языковед // Народное образование. 1988. № 4. С. 41–42.
21. ГЛУЗ Л. Почта сельского учителя // Ленинское знамя. 1988. 1 мая.
22. МИХАЙЛОВ А. Хранитель памяти // Социалистическая Осетия. 1988. 23 октября.
23. ГЛУЗ Л. Фильм об увлечениях сельского учителя // Ленинское знамя. 1988. 21 октября.
24. ПАНКРАТОВ В., ЧЕРТКОВ В. Бандероль из Нью-Йорка // Правда. 1989. 30 января. С. 3.
25. ШЕВЧЕНКО В.В. Хранитель // Советская Кубань. 1990. 16 июня.
26. ЕМЦОВА А. Мастепанов поможет президенту // Комсомолец Кубани. 1990. 31 октября.
27. БУЛЫЧЁВ В. В. Хранитель мудрости // Ухта. 1990. 31 октября. С. 3.
28. ШЕВЧЕНКО В. Прометей. История сельского учителя, «врага народа», ставшего учёным, признанным ООН, рассказанная его учеником // Кавказская здравница. 1990. 6 ноября.
29. ГЕЛЬМАН З. Е. Интеллигентность – величина постоянная // Народное образование. 1990. № 8. С. 44–49.
30. ПОТОЛИЦЫН В. «Неделя совести» // Ухта. 1990. 5 октября.
31. БУЛЫЧЁВ В. Хранитель мудрости // Ухта. 1990. 31 октября.

32. ЕМЦОВА А. Мастепанов поможет президенту // Комсомолец Кубани. 1990. 31 октября.
33. ГЕЛЬМАН З. Е. Помилованный // Собеседник. 1990. Декабрь (№ 50). С. 5.
34. НЕМЧЕНКО Г.Л. Монархия без царя в голове // Казачьи ведомости [г.Москва]. 1990. 26 июня. № 1.
35. СЕМЁНОВ П. «Люди, будьте добрыми!» // Ленинское знамя. 1991. 27 февраля.
36. БУЛЫЧЁВ В. Мастепанов выручит Буша // Ухта.1991. 23 июля.
37. БУЛЫЧЁВ В. Феномен и парадоксы учителя Мастепанова // Ухта.1991. 19 октября.
38. ОСАДЧАЯ Л. «Там, на шахте угольной...» // День Республики. 1992. 22 сентября.
39. ТЁР В. В. Свет полуденной звезды // Сельская жизнь: [Газета Отраденского р-на]. 1993. 22 мая.
40. Хроника УПО «Мемориал» в фотографиях // Ухта. 1993. 29 октября.
41. БУЛЫЧЁВ В. Этот удивительный Мастепанов // Ухта. 1993. 17 ноября.
42. В недрах Ухтпечлага. Выпуск второй. Малая серия. [Ухто-Печорское историко-просветительское общество «Мемориал»]. Ухта, 1994. – 48 с.[Упоминание об участии С.Д. Мастепанова в «Неделе совести» на с.44].
43. ГЕЛЬМАН З. Кому-то выпадал жребий лезть в петлю: Жизнь на грани возможного // Независимая газета. 1995. 23 марта.
44. ТКАЧЕНКО П.И. Кубанский говор. Опыт авторского словаря. М.: Граница, 1998. С.48,50.
45. ТКАЧЕНКО П.И. Учитель Мастепанов // Ткаченко П.И. Кубанские пословицы. С.Д. Мастепанов о пословицах и поговорках народов Северного Кавказа. М.: Граница, 1999. С.6 – 50. [То же №№ 49,50]
46. ГУДИМОВА О.А. «Человек большой души и бесконечного трудолюбия...» // Экспресс-почта (Черкесск). 2003. 11 января.

47. ГЕЛЬМАН З. Е. Из небытия // Вести: [Газета]. (Израиль). 2003. Октябрь.
48. Константин Петрович Гурский / Сост. А. И. Галкин. Ухта: УГТУ; ИПЦ УПОО «Мемориал», 2003. 92 с.; портр., ил. (Люди Ухтпечлага; Вып. 1).
49. ТЕЛЕШКО С. Наука Родину любить: [интервью с дир. КЧР ЦДЮТ И. В. Михайловым] // День республики. 2003. 29 марта.
50. ТКАЧЕНКО П.И. Учитель Мастепанов // Патриот. [Москва] 2003. №6. С.7 – 9.
51. ТКАЧЕНКО П. И. Учитель Мастепанов // День Республики. [Черкесск]. 2004. 24 января (№ 15–16).
52. ГОЧИЯЕВ Р. Аул мой и его люди: [Аул Сары-Тюз] // День Республики. 2005. 30 августа.
53. НЕМЧЕНКО Г.Л. Газыри. Майкоп: Адыгейск. респуб. книжн. изд-во, 2006. С.313 – 315.
54. КУРОПАТЧЕНКО А. Наша афористичная родословная // Краснодарские известия. 2009. 5 сентября.
55. ТКАЧЕНКО П. И. Есть ли на Кубани мова? // Новая газета Кубани. 2009. 22 октября.
56. НЕМЧЕНКО Г.Л. Дух черемши. Повесть. Кемерово, 2012. С.84.
57. ТКАЧЕНКО П.И. Библиография основных публикаций о С.Д. Мастепанове // Ткаченко П.И. Кубанские пословицы и поговорки. С.Д. Мастепанов о пословицах и поговорках народов Северного Кавказа. Краснодар: Изд-во «Традиция», 2012. С.213 – 216.
58. МАЛАХОВ С.Н., НЕМЧЕНКО С.Г. Обращения репрессированных граждан в органы власти как исторический источник // Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность. Сборник материалов XIII научно-практической конференции (г. Краснодар, 22 февраля 2013 г.). Краснодар: ИМСИТ, 2013. С. 267 – 274.
59. ФИЛИППОВ С. К. Феномен Мастепанова // www.roia.otradnaya.com

Сергей Николаевич МАЛАХОВ
Сергей **Гариевич** НЕМЧЕНКО

В ПОИСКАХ ПОСЛОВИЦ

Жизнь и век Сергея Даниловича Мастепанова

Издательско-полиграфическое предприятие:
ИП Шурыгин Виталий Евгеньевич
г. Армавир, ул. Каспарова, 7. Тел.: (86137) 7-56-96, (928) 2954-928.
E-mail: vitalii_shurygin@mail.ru

Подписано в печать: 23.07.2013 г. Формат 60х90/16.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. **Тираж 118 экз.**

Печать трафаретная цифровая. Усл. печ. л. 13,1. Уч. изд. л. 13,4.